



Сандра Митчелл

ПРОКЛЯТЫЕ ТУМАНОМ

Ему нужно собрать тысячу душ, а ей необходимо сохранить лишь одну.

После смерти брата на палубе рыбацкой лодки, отец Уиллы Диксон запретил ей заходить на борт. Страдая также как и вся семья, она пытается сделать все, чтобы помочь — даже отправляется к мистеру Грею.

Каждый житель маленького городка в штате Мэн знает о знаменитом духе, который живет на маяке, контролирует туман и судьбы судов в пределах его досягаемости. Но на маяке Уилла найдет вовсе не духа, а молодого мужчину, запертого там до тех пор, пока не соберет тысячу душ. А в попытке убежать от своего проклятия, он попытается перебросить его на Уиллу.

Пожертвует ли она собой, если ее жизнь на суше рухнет?

Автор: Сандра Митчелл

Книга: Проклятые туманом

Переводчик: RandRahl

Редактор и оформитель: Каролина Б.

Русификация обложки: VySashka

Специально для группы: Книжный червь / Переводы книг.

Глава 1

Уилла

Надежда исчерпана — осталась лишь вера.

Именно поэтому Сет Арчамбалт занял мое место на лодке отца. Именно поэтому я убрала сэндвичи с яйцом и салатом в холодильник, вместо того чтобы надеть пропитанную маслом одежду.

— Женщина или свинья на борту к беде, — сказал мне отец за ужином накануне вечером. Мама не моргнула и глазом — она знала, что так произойдет.

— И кто же я? — спросила я.

Отец не ответил. Он допил кофе и отошел от стола. Его тяжелые шаги сотрясали пол, когда он натягивал кепку на седеющую голову. Прошлым летом его волосы были медного оттенка, такого же водянистого, как и мои.

В старых морских легендах упоминалось, что рыжие на борту тоже считаются дурной приметой, но мы, Диксоны, годами доказывали обратное. Мы всегда были рыжими, как и жители Новой Англии, Уизли. Даже на черно-белых фотографиях в бабушкиных альбомах виднелись целые поколения веснушек на молочно-белых лицах и волнистые волосы, слишком длинные для блондинов или брюнетов.

И давайте на чистоту. Мы стояли на якоре, когда мой брат Леви был застрелен.

Он упал в лодку. Прямо на мои руки. И умер на пристани. Так что формально наше невезение в последнее время не имело никакого отношения к рыжим, свиньям или женщинам на борту «Дженн-а-Ло».

Но я не хотела использовать этот аргумент в свою пользу, особенно перед отправлением отца и парня в октябрьское море. Вот почему я встала на рассвете, которого не видела, и сделала бутерброды, которые не любила.

Выйдя через заднюю дверь, я пинком отбросила с дороги ботинки Леви и направилась к воде. Туман окутал меня влажным полотном. От его прохлады на волосах проступили капли воды. Я тревожно шла сквозь него. Знала дорогу, но из-за тумана ничего не было видно — пришлось вытянуть руку перед собой и продвигаться на ощупь. «Дженн-а-Ло» находилась там же, где и всегда, когда мы не выходили в море. Она казалась призраком в тумане, мы все казались. Зазвенел невидимый портовый колокол, а тихий стук лодок о причал вторил ему.

В воздухе раздались голоса, оторванные от людей. Я узнала их — Мистер О'Тул поинтересовался, осталась ли у Зои Помрой его кофемолка. Мэл Эдрич спросил достаточно ли холодно Лейне Уоллес, заставив того выругаться — это уже 275-й день в году, как он задает этот вопрос, и без сомнения, задаст его в оставшиеся девяносто.

Еще до того, как началась дневная рыбалка, пристань — «Сломанный Клык» — заполнилась обычными, смелыми мужчинами и женщинами. Они смеялись и ругались, готовясь выйти в море, которое с одинаковым удовольствием поглотило бы их и прокормило.

Вероятно, местность всегда носила название «Сломанный Клык». Для Пассамакуодди (Пассамакуодди — индейское племя в США (штаты Мэн, Нью-Гэмпшир, Вермонт).) ловивших здесь рыбу сначала, а потом для англичан, французов и шотландцев-ирландцев, которые выгнали их.

Забавно, раньше здесь никогда не было такого тумана. Население небольшое, но все

говорили о том, что «Сломанный Клык» не был благословлен, но благосклонность получили мы вместе с чистой водой. Теперь уже нет: казалось, что с тех пор, как Леви умер, все стало запутанным. И мы несли этот крест.

Тяжело вздохнув, я поспешила к «Дженн-а-Ло». Сначала сквозь туман проступили только красные буквы ее имени. Но стоило мне провести рукой по бортам, как лодка обрела очертания. Она была ни новой, ни красивой. Но я все равно любила ее. К счастью, в тусклом утреннем свете я не могла разглядеть следы крови Леви на заляпанном тросе, привязанному к деревянной пристани. Прежде чем я смогла задуматься об этом, чья-то рука выплыла из тумана, чтобы дотронуться до моей.

— Яичный салат? — спросил Сет.

— А что же еще? — сказала я и поднялась на борт.

Поставив мини холодильник на пол, я решительно толкнула его на палубу, а затем повернулась, чтобы разглядеть Сета. Тень в тумане внезапно приобрела очертания парня. Моего парня.

В поле зрения Сет привлек меня к себе с такой же уверенностью, какими были и мои шаги к берегу. Коснувшись губами его подбородка, я прижалась к нему еще ближе, чтобы поцеловать. Его кожа была прохладная, и я ощутила вкус кофе и жвачки Juicy Fruit.

Второй поцелуй перерос в желание. Вот в чем была прелесть золотого часа: можно улизнуть с кем-нибудь.

Прервав поцелуй, я прижалась лбом к виску Сета.

— Тебе следует быть осторожным.

— Конечно, — ответил он.

— Заставь отца поесть, — продолжала я.

Дыхание Сета обдало жаром мою щеку.

— В любом случае я спрошу его об этом.

— Не расстраивайся, если ты просто будешь чистить приманки, — продолжила я, — или отбирать самок и маркировать их. Это обычная рыбалка в такое время года.

Я почувствовала, как он улыбнулся.

— Я понял, Уилла.

Конечно. Прекрасно знаю, что понял. Но я чувствовала себя брошенной, осознавая, что сегодня не я буду загребным отца. Каким бы хорошим рыбаком не был Сет, он не мог чувствовать особый ритм нашей лодки. Ее своевольный характер будет поджидать его, чтобы подловить. Как будто зимние моря недостаточно жестоки. Если туман когда-нибудь рассеется, сегодня будет ясно и холодно, но нет никаких объяснений прихотям Атлантики.

— Следи за подъемником (Подъемник — приманки для омаров тяжелые, для того чтобы их можно было поднять с морского дна используют подъемник.). Он липкий, — сказала я и разгладила вязаную шапочку, чтобы пропустить руку сквозь волосы Сета.

Сет наклонил голову и поцеловал меня. Его рука собственнически обхватила мое бедро, я в ответ сжала волосы Сета. Эгоистично, конечно, но мне хотелось оставить его на краю возбуждения и бессилия от голода, который он не в состоянии утолить.

Я была уверена в одном: Сет Арчамбалът желал меня сильнее всего на свете. Куснув его за нижнюю губу, я отстранилась. И повернувшись к нему спиной, пошла прочь так быстро, как только могла.

В моей семье не принято говорить «Привет» и «Пока», — или другие суеверия. Эта традиция ведет свой путь по материнской линии. Не сказав «Привет», ты не можешь

обозначить грань начатого. И избегаешь конца не прощавшись. Может быть, тот, кто все это придумал, считал, что сможет жить вечно. Нужно лишь просто обмануть время, заставив поверить, что их жизнь — это один непрерывный миг.

Они ошибались.

Бейли даже не остановилась перед моим домом. Вместо этого она толкнула пассажирскую дверь и крикнула:

— Запрыгивай, неудачница!

Сравнявшись рядом с ее повидавшим жизнь пикапом, я бросила свой фартук и грабли внутрь. Машина набрала скорость на подъеме и меня подкинуло к двери. Итог: рука на оконной раме, ноги оторваны от пола. На мгновения я даже взлетела. А потом покатилась, подобно мячику в салон и со смехом упала на сидение.

— Что, ты теперь слишком хороша для ремней безопасности? — спросила Бейли.

Я решила закрыть дверь, прежде чем пристегнуться.

— Ну да. А ты все еще чинишь тормоза?

— Опять поучаешь?

— Это то, что делают друзья, — заявила я.

С Бейли Дайер всегда легко. Мы вместе выросли. Познакомились, когда наши мамы, лучшие подруги, положили нас в одну кроватку. Мы развлекали друг друга, пока они играли в «Пинокль» (Пинокль — карточная игра.).

Если вы делились подгузниками, то и всем остальным легко поделиться. Бейли сразу поняла, когда у меня начались первые месячные. Она появилась рядом прежде, чем кто-либо еще. Не то чтобы наши мамы были шокированы, но все равно было приятно иметь общие тайны.

— Так Сет... — начала Бейли, делая радио тише. Но не закончила предложение. Закончить следовало мне.

— Да, он не здесь.

Я положила ноги на приборную доску и вздохнула. Она знала, что я не в восторге от всего этого — слышала, как я скрежетала прошлой ночью. Но это вчера, а при дневном свете мне следует быть практичной.

— Не то чтобы у меня много вариантов, понимаешь?

Бейли забарабанила по рулю.

— Ты могла дать ему под дых.

— В гипсе особо не потанцуешь, дорогуша.

— Как будто тебя волнует осенний бал, — сказала Бейли.

— Для Сета он важен. Думаю, он собирается сделать мне предложение.

Она взглянула на меня, а ее карие глаза сверкнули.

— Ты собираешься сказать «Да», верно?

В воздухе появилось напряжение. Наконец я ответила:

— Не знаю. — И облокотилась на окно.

Вместо того чтобы ответить что-то бессмысленное, Бейли приподняла брови и кивнула, а затем полностью сосредоточила внимание на плохой дороге.

Последний год обучения, решающий год. Я планировала сдать экзамены с Бейли, просто чтобы оказать ей поддержку. Колледж не входил в мои планы. Я хотела выйти замуж за Сета и рыбачить вместе с отцом до тех пор, пока он не состарится.

Затем лодка станет моей, а после моих детей и их... Представлялось, как до

невозможности прекрасная жизнь. Но все разбилось в дребезги.

Чуть позже Бейли спросила:

— Почему нет?

— Не могу, — призналась я. — Я оплачиваю долги, Бей. Отец не выходил из дома с тех пор, как погиб Леви. Что, если наша жизнь не станет такой же, как прежде?

— Он на рыбалке сегодня. — Бейли выпрямилась. — Знаю, вместе с Сетом. Но если он не берет тебя с собой, купи себе лодку. Оплатишь и их долги, и свои тоже.

— Эй, смотри, — сказала я, убирая фартук и грабли с сиденья, — илистая отмель.

Бейли сбросила скорость и нажала на тормоз. Мы остановились на посыпанной гравием обочине. Двигатель задрезжал, а пикап содрогнулся, прежде чем наконец затихнуть.

Старушка уже превратилась в груды металла: Бейли следовало бы купить новую машину. Но она берегла ее для колледжа. Да и проехать четыре тысячи миль на «Форде», который следовало бы сдать в утиль, стало делом чести.

Думаю, это у нас с Бейли общее.

Отстегнув ремень, я первая добралась багажника, чтобы взять наши инструменты. Крышка багажника хлопнула, ржавчина рассыпалась по земле, пока мы натягивали резиновые болотные сапоги и завязывали друг другу фартуки. Сапоги были необходимы, а фартуки ради смеха.

Они были сшиты в перовом классе на уроке труда: выглядели как косые хлопчатобумажные чудовища, которые заставили бы наших бабушек переворачиваться в гробах. Тонкие изношенные фартуки. Но даже если бы они были в нормальном состоянии, в действительности их ничто не смогло бы уберечь от грязи.

Схватив грабли и ведра, мы начали спуск по каменистому склону к берегу. Отлив оставил после себя поблескивавшую жижу серой грязи. Тонкокостные сосны защищали нас от ветра; именно поэтому эта бухта была хорошим местом для раскопок. После того как одно дерево упало в бухте стало немного теплее. Если повезет, у нас будет время до конца октября.

Раковины мидий черно-белого цвета, абсолютно гладкие, режут не хуже ножа. Бейли отошла на несколько ярдов, чтобы мы не мешали друг другу работать.

Воткнув грабли в грязь, я перевернула их, а затем сунула туда руки. Пусто. Дыхание застыло в воздухе, я поднялась и перешла на новый участок.

— Первая! — закричала Бейли.

Я оглянулась, а она высоко подняла пиявку, с ухмылкой показывая мне. Маленькое чудовище извивалось, пытаясь впитаться своими черными зубками в ее запястье. Бейли бросила пиявку в ведро и сказала:

— Не надо было менять тему разговора. Я выиграла, а ты проиграла.

— Люблю, когда ты в своем репертуаре, — ответила я.

— Так и есть, ты права.

Хлопнув себя по заднице, Бейли оставила отпечаток ладони.

— Поцелуй, Диксон.

Я кинула в ее сторону кусок грязи и продолжила копать. Пиявок было не так уж много, но во время отлива каждый из нас мог вытащить по триста штук. А затем продать по четвертаку за каждую. Бейли нужны деньги для обучения в колледже, а мне для счетов, поскольку в последнее время родители не могли справиться сами.

— Так... — осмелилась снова Бейли, потому что она была моей лучшей подругой и

знала, что ей это сойдет с рук. — Как думаешь, они далеко ушли от берега?

— На некоторое расстояние.

Копаясь в грязи и вытаскивая пиявок, я повысила голос, чтобы Бейли могла меня слышать.

— Похоже, они единственные дураки в Монхегане, кто в этом году ловит омаров. Ты помнишь ту девушку?

Она имела ввиду девушку из Монхегана.

Я вытащила пиявку и бросила ее в ведро.

— Ага, такая же ненормальная, как и все там.

— И то верно, — ответила она. А потом, посреди грязи, где были только мы вдвоем и никого больше, я произнесла свое желание вслух:

— Пусть после этого лета будет хороший сезон.

Бейли двинулась к новому участку.

— Попроси мистера Грея, — сказала она, ссылаясь на духа, — хуже не будет.

Призрак или пришелец, а возможно проклятый моряк или фея, — кем или чем являлся мистер Грей, никто толком не знал. Люди не верили, что это человек. Старики считали, что это леди Грей.

Но все сходились в одном — он живет на маяке Джексон-рок, и если бы кто-то смог заручиться его помощью, то с рыбалкой не было бы проблем.

Своеобразное поверье очень похоже на то, как норвежцы откусывают голову селедке или бросают первый улов обратно в воду. Разжевывание аниса и плевок на крючки. Не брать женщину на борт и никогда не выходить в море в пятницу. Древние ритуалы, которым мы следовали ради невероятного: хорошей погоды и удачи в море.

Конечно, в глубине души все знали, что дело в другом. В северных ветрах и шквалах, топящих корабли. В тральщиках и людях, издавек ворующих наш улов и оставляющих нам пустые ловушки. В правительстве, заставляющем торговать уловом по лицензии, от которой мы теряем в два раза больше, хотя та стоит в два раза дороже.

В ловле омаров не было ничего сверхъестественного — кроме маяка на Джексон-рок. Все автоматизировано и монотонно. Если мистер Грей и жил там, у него паршивый вкус в выборе недвижимости. Никто не ходил на Джексон-рок и вряд ли пойдет. От одной мысли об этом у меня разболелась голова.

С другой стороны, возможно, он прав: спрятался там, где его не будут доставать. Там, где ему не нужно помогать. Как и в большинстве сказок, цена была, вероятно, слишком высока. Моя семья уже достаточно заплатила в этом году.

Большее мы позволить себе не можем. Продав свой улов пиявок, я все еще не хотела идти домой. Море окрасилось розовато-желтоватым оттенком. Закат преобразил берег. Знак рыбакам и морякам возвращаться домой.

Засунув руки в задние карманы брюк, я шла по пристани. Легко определить, кто ушел далеко, а кто уже на полпути к берегу Джорджа.

Ничто не удерживало их на стоянке, кроме коротких беспокойных волн. Отца и Сета до сих пор не видно.

Омары любят теплую воду — именно поэтому рыбалка летом в разы проще. Когда сезон сменяется, они уходят на глубину, там безопасней вдали от берега. А вот рыбаки нет. Холодные открытые воды, ожидающие смертоносных штормов.

Мне не следует думать об этом. Когда все вернутся домой целыми и невредимыми,

тогда можно будет дать волю мрачным мыслям.

Повернувшись в сторону ветра, я зашагала по изломанному дереву. Безумие, возможно, но мне нравилось, как оно прогибалось под моим весом. Возможность пройти по нему не смотря наполняла меня чувством гордости. Будто доказательство того, что я принадлежу этому месту. Моя жизнь и судьба.

— Уилла, это ты? — спросила Зои Помрой.

Я не видела ее, но узнала по голосу. Проскользнув вниз, я подошла к «Лазарусу», следуя за запахом кофе до самого конца бирюзово-белой лодки.

У Зои был самый большой корабль в округе. Пятьдесят футов, а внутри целая квартира. Кухня, каюта, гостевая комната.

Когда погода становилась хорошей, Зои жила там. Папе нравилось поучать ее, что рыбачить с яхты не самое лучшее решение, но я восхищалась ею.

Перегнувшись через перила, Зои улыбнулась мне.

— У меня кое-что есть.

— Что? — спросила я, забираясь на борт.

Лампы освещали каюту. Все внутри блестело, а темное дерево было отполировано до блеска. С кормы я могла разглядеть камбуз и стол. В другую часть «квартиры» требовалось приглашение.

— Я работаю с приманками уже почти тридцать лет, — сказала она, открывая холодильник на палубе. Она сунула руку внутрь и вытащила омара. Его клешни уже были связаны, так что худшее, что он мог сделать — это извиваться. — И я никогда не видела ничего подобного.

В сгущающихся сумерках трудно разобрать, что же за чудо у нее в руках. Омар был великоват, но ничего особенного.

Затем Зои поднесла его ближе к свету, льющийся из каюты. Увиденное заинтересовало меня. Синий омар. Не совсем так: если прищуриться, видно, что он зеленый с синими пятнами. Нет, оттенок глубокий, наполовину темно-синий. Неяркие крапинки и бирюзовые суставы, даже глаза были сумрачного туманного цвета.

— Черт возьми, Зои, это совсем другое дело.

— Да?

Немного раздраженный — вероятно, его уже продемонстрировали половине населения «Сломанного Клыка», — старый синий омар поджал хвост. Размахивая клешнями, он пытался цапнуть меня, но не мог. Я провела пальцем по его хвосту и приподняла. Он весил фунтов восемь (Около 4 кг.).

— Вернешь его в воду? — спросила я.

Кивнув, Зоя прислонилась к перилам.

— Конечно. Он в разы больше тех, которые разрешено ловить, поэтому оставлять не стану.

Ей не нужно было объяснять. Таких омаров мы фотографировали, показывали людям, а затем возвращали назад в море. Равновесие — напоминание морским Богам и Вселенной, что мы все ценим. Не жадны и не держим каждую тварь, попавшую к нам. А значит, позже их сможет поймать кто-то другой. Никто не знал, сколько лет может быть омару. В одиночестве они могли бы жить вечно. Каждый год они сбрасывали свои панцири и выращивали новые. А размер панциря мог быть любой.

Там, в Новой Шотландии, люди нашли омара, который весил сорок четыре фунта

(Около 20 кг.). Потерять палец не страшно, такой омар может сломать руку своим клешнями.

Поэтому, когда мы возвращали омаров подобному этому, к ним, можно сказать, прибавлялось бессмертие. Через два дня, а то и через двести лет, кто-нибудь другой может вытащить его. Фотографируй и передавай дальше. От прошлого к настоящему, от одного рыбака к другому.

Зои убрала омара обратно в холодильник.

— Ты видела отца и Сета?

— Утром, — ответила она.

Выпрямившись, она вытерла руки о джинсы. Кивнув в сторону каюты пригласила меня внутрь.

— Были недалеко от скалы. Хочешь кофе?

Дома пусто. Мама на работе, отец еще не вернулся.

Ничего кроме тишины в доме, поэтому я выпила кофе, затем еще. Остаться на воде еще немного и побыть недалеко от моря.

Грей

Кто-то думает обо мне.

Чувствую это, как и кованную железную лестницу, что трясется подо мной. Оживляющее яркое ощущение, которое чувствуется кожей. Колется, дразнит. Несмотря на это, затаив дыхание, я спешу вниз. Или потому, что это. Я уже не знаю.

Кирпичные стены вокруг меня плачут, изнемогая от сдерживания стихии снаружи. Я изнеможен. Я сдерживаю гораздо больше, чем ветер и соленые брызги.

Как всегда, стол накрыт скатертью и серебряными приборами. Как всегда, свечи зажжены. Моя тюрьма очень изящна. Не могу вспомнить, когда это начало иметь значение.

Когда я был жив, ненавидел бриться каждое утро. Терпеть не мог камзолы и пиджаки для завтрака, запонки, галстуки — все что выглядело презентабельно. А сейчас это своеобразный ритуал. Действия, которые я совершаю, как будто могу вернуться в свой мир в любой момент. Но я не могу. И никогда не смогу.

Даже если она думает обо мне.

Опускаясь в кресло, я очень твердо говорю себе: перестань думать о ней. Ее мысли еще не сформировались. Они еще даже не реальны. Она не шанс, это не конец. И если я и усвоил хоть один урок за сто лет, так это то, что ожидание губит.

Поэтому вместо обдумывания, я рассматриваю завернутую коробку. Она тоже элегантна — золотая доска, золотая лента, веточка можжевельных ягод для цвета. Внутри есть часовой механизм, сердце музыкальной шкатулки.

Если я соберу все части правильно, она будет играть «Регтайм кленового листа». Фигуры любовников будут кружиться вокруг друг друга, шелковые кленовые листья развеиваться. Занимательное дополнение к моей коллекции.

Я убрал подарок в сторону. И в мгновение моя тарелка наполнилась соленой треской и сливками. Это мой самый нелюбимый завтрак и моя вина в том, что я его ем. Какая-то девушка и ее неосознанные желания отвлекли меня, так что я забыл о печеных яблоках и овсянке. Или о жареных помидорах на тосте. Именинном торте и фруктовом льде, вишневом десерте, ирландском кофе и остром перце.

Завтра в подарочной коробке будут шелковые листья и оцинкованные гвозди, чтобы я

мог закончить свою музыкальную шкатулку. На следующий день четыре новые книги на любую тему, ни одна из которых не имеет значения, если только я не читал их раньше. Они появятся на моей тарелке, а потом уступят место моему завтраку. Это произойдет снова в полдень и в пять часов. Обед и ужин.

Они точны, как часы, которые я смастерил, — механическое солнце, гонящееся за луной по своему циферблату. Не запаздывают и не ломаются. Я слышу звон каждый час каждого дня, когда они отмечают минуты до следующего приема пищи, коробки, наполненной почти всем, что я пожелаю.

И не важно, что в последнее время все эти коробки пылятся в моем кабинете. Что и от еды я устал. Вздыхнув, расстилаю салфетку и смотрю на столовые приборы как на врагов. В конце концов, боюсь, это проклятие — получать все, что хочешь.

Уилла

Поскольку Бейли беспокоилась об экзамене, она снова наступила мне на ногу. Я остановилась на середине пути. Как я и предполагала, она продолжила идти пока не врезалась в меня. А затем, будто уличая, сказала:

— Что? — Вопрос прозвучал так, как если бы я направила на Бейли пистолет, чтобы украсть ее айфон.

— Мы не сдадим тест до мая, — сказала я.

— Но я должна быть готова к этому времени. Просто так попасть в старейшие университеты не получится, Уилла. Я должна все обдумать. — Бейли замахала руками. — Кроме того, у меня нет темы для эссе. Мне нужна идея, но ты же знаешь, что я плоха в этом. С ними одни проблемы, Уилла! Я теряюсь!

Я отступила в сторону, чтобы она могла проводить меня до школы.

— Напиши о том, как ловят омаров. Или о своих странностях, что-то в этом роде. Черт, ну напиши каково быть единственной любительницей девушек в рыбацкой деревне!

— Я не одна, — ответила она.

— Кейт живет в Милбридж, — парировала я.

Сунув в рот жвачку, Бейли покачала головой.

— Это скучно. Уважаемый Гарвард, я уникальна, но всем плевать. Бла-бла-бла, с уважением, Бейли.

Я сморщила нос.

— Ты подаешь документы не в Гарвард.

— Да не в этом дело!

Раздраженно фыркнув, Бейли ускорила шаг. Я с радостью последовала за ней, мы опаздывали, даже несмотря на то, что пункт нашего назначения находился недалеко. Мы учились в местной школе — школе Ванденбрука. Здесь обучаются с детского сада до выпускного класса. Особняк в викторианском стиле, расположенный на холме.

Мама говорила, что, когда они с папой учились в Ванденбруке, им приходилось подниматься по неровным гранитным ступеням, утоптаным в грязь. Но иногда зимой становилось так холодно, что земля выплевывала один из таких камней, подобно тому, как вываливаются молочные зубы.

Но прямо перед тем, как я пошла в детский сад, городской фонд отремонтировал дорожку. Они даже установили нагревательные приборы под бетон, чтобы не было снега. С приходом декабря мы передвигаемся по колено в снегу куда угодно, но не в школу.

Всех интересовало, зачем они это сделали и где нашли деньги.

Думаю, все дело в том, что люди подняли шум из-за поездки в Наррагагус, куда нас не свозили. В принципе так все решается в «Сломанном Клыкe». Можно сказать, стало старой доброй традицией — мы всегда добивались всего сами и не сдавались без боя.

Мне нравилось это. То, что я могла найти место, где мой отец оставил свои инициалы на старой лестнице для слуг, когда ему было семнадцать и надоела школа. Мой дед и его отец сделали то же, когда им было всего десять лет и они брали уроки у сына богатого хозяина.

В этом деревянном сооружении находилась часть меня, точно так же, как и «Дженн-а-

Ло», берег, сосны Банкса, море. Я хотела оставить свои инициалы здесь перед выпуском. Но ворвалась сюда прошлым летом в день похорон. Снаружи было слишком солнечно. Зато хорошо и темно на лестничной площадке. Бейли щелкнула пальцами у меня перед носом. Звук вернул меня в реальность, и я приложила холодные руки к щекам.

— Прости.

— И куда ты пошла? — спросила она. Она схватила меня сзади за шею и грубо притянула к себе. Было похоже на встряску, а не на объятия. Я оказалась рядом с ней и услышала запах духов, а затем расправила плечи.

— Все в порядке. Да?

— Да. — В доказательство, я закинула сумку на плечо и сказала: — Я думаю, следует написать о том, что ты продаешь пивок, чтобы накопить на колледж. Описать то, как раны и укусы сделали тебя доброй, но твердой. Человека, готового к реальному миру.

— Точно.

— Эссе не обязательно должно быть правдой, — сказала я и мы начали подниматься по лестнице. — Оно просто подспорье, чтобы набрать нужное количество баллов.

Некоторые деньки казались вполне нормальными.

Поскольку наша школа являлась особняком, здесь находилось много хороших мест, где можно провести время. Детский сад располагался на солнечной террасе. Дети там могли бегать и играть без упреков от взрослых. К тому же, они наслаждались солнцем, которое пробивалось сквозь деревья.

Холл был для нас, старшеклассников. Когда я вошла, Сет уже занял наш любимый уголок. Дальний край подоконника, где нас согревал солнечный свет. Огромные тяжелые дубы отбрасывали тени и к обеду в холле становилось темно. Но утром все было тихо и довольно мило. Сев к Сету на колени, я обняла его. Нежный и ласковый, он подходил мне.

Он положил подбородок на мое плечо, а его нос оказался позади моего уха. Идеально.

— Утро, — пробормотал он. Его голос заставил покрыться меня мурашками.

— Да, сэр, доброе, — ответила я.

Сет улыбнулся. Он всегда так делал, когда я дразнила его. Держа мне крепко, он был спокоен. Сет пошевелился и дернулся подо мной. Сдерживая улыбку, я позволила ему поежиться. Он ждал, что я спрошу о том, как все прошло с отцом, но я не собиралась этого делать. Для меня это большая тема и, в любом случае, он расскажет все сам.

— Вчера все прошло хорошо, — сказал он наконец.

Откинувшись назад, я запустила руку в его волосы.

— Поймали что-нибудь?

— Нет.

Не удивительно. Приманки установлены слишком давно. А вчера была лишь тренировка в использование наживки и забрасывание ловушек. Шанс для отца привыкнуть к помощнику, который не Диксон. Я постаралась не думать об этом. Повернувшись так, чтобы смотреть на Сета, я спросила:

— Все прошло гладко?

С заминкой он ответил:

— Он все время выходил на палубу. Я знаю, как делать узел для буя, но он все время хотел мне это показать.

Внутри я почувствовала удовлетворение. Когда я работала на «Дженн-а-Ло», папа почти не отвлекался и не сбавлял ход между приманками, ведь буями занималась я. Проблем у

меня с ними не было. Нет ничего лучше, чем накручивать веревку на них в рекордные сроки. Правда, если бы ловушки были наполнены омарами, мне стало бы легче.

Чтобы успокоить Сета, я повернулась к нему. Положив руки ему на плечи, притянула его за короткие волосы на затылке и поцеловала, не обращая внимания, как один из мальчишек Эдрича заорал с лестницы.

— Ты делала их лучше. Верно?

Я кивнула, и наши губы соприкоснулись, когда я заговорила:

— Верно. А когда в среду вы снова выйдете в море, просто скажи ему, чтобы сидел в каюте на своем месте.

Сет фыркнул.

— Он успокоится. Он знает меня всю жизнь, так что понимал на что я гожусь, когда брал с собой.

«Брать с собой» означало рыбалку. Я прижалась лицом к его шее. Чувствую лосьон после бритья и получаю удовольствие от гладкой кожи. Внезапно шум в холле стал слишком сильным.

— Все хватит, надо вставать, — сказала я без привычной улыбки.

Сет подчинился. Он приподнял меня так, чтобы я могла встать на ноги. Между нами образовалось пространство, затем я откинула волосы назад и опустила взгляд в пол. Счастье пыталось заполнить пустоту внутри меня, но чувство вины не давало этому произойти. Не могу делать вид, что все хорошо. Смеяться и показывать, что все замечательно. Просто не могу. Я смотрела на холл мимо Сета. Он был заполнен и один из детсадовцев, младшая сестра Кинзе Фишера, каталась по скользкому полу. И врезалась прямо в ноги Кинзе. Она просто подняла сестру, а затем перекинула через плечо. Пухленькие щечки покраснели, а глаза расширились.

Разница в возрасте между мной и Леви два года. Захоти я сделать также, у меня бы не вышло. Но чтоб меня и мою иррациональность, именно сейчас я очень хотела этого. Грубоватая рука Сета скользнула по моей шее. Он привлек меня поближе и поцеловал в нее. Осторожно повернул лицом к себе, потому что слишком хорошо знал меня.

— Все хорошо, — прошептал он.

Вранье, но я сказала:

— Я знаю.

С ножницами в одной руке я повернула свой лоток с бусинками.

Каким-то образом мне следовало превратить катушку проволоки и около пятидесяти миллионов маленьких стеклянных шариков в браслет, один с которых должен «притягивать на себя внимание».

Не имею понятия что это значит, но начала нанизывать голубые бусинки на проволоку.

Если меня кто-то спросит, чем я занимаюсь, отвечу, что воспроизвожу млечный путь. Такой же безоблачный, как тогда, когда мы были на полпути к берегу Джорджа. Там, окруженный только морем, млечный путь выглядел настоящим крошечным кусочком бесконечности. Можно было заметить очертания галактик, таких серебристых, мерцающих и совсем недостижимых.

— Ты пользуешься иглками? — спросил Бреннан.

Его голос вывел меня из задумчивости и вернул в класс. Покачивая головой, я дала ему иглки. Только шесть человек посещали урок ювелирного дела и художественной работы по металлу и естественно всем нравилось.

Они перебирали бусинки под светом ламп, подбирая цвет и задумываясь о том в каком порядке их расположить.

Когда они работали плоскогубцами, обычная проволока приобретала роскошную форму, преобразаясь в полумесяц или греко-латинский квадрат. Они ухитрялись даже нанизывать маленький жемчуг на спираль. При защелкивании застежки, неровных краев не оставалось.

Миссис Бакстер показала нам это в первую неделю обучения. И назвала механическим устройством. Но я не понимала.

Дайте мне плетеный шнур или застежки для когтей омаров. Стяжки для удилиц и мешки приманки. Что делать с этим я знала. Я с легкостью могла забросить ловушку для омаров, словно это французская сережка и это даже будет изящно. Но как только дело касалось маленьких предметов, я становлюсь безнадёжна.

Не поймите меня неправильно, мне нравится носить ювелирные украшения. На прошлый день рождения Сет подарил мне пару серебряных кафф, которые крепились на верхний ободок уха. Я носила их почти каждый день, как и пирсинг на носу.

Не могла надевать кольца или цепочки, да и вообще все, что болталось — это легко терялось, когда работала на лодке. Но я любила те украшения, которые могла носить. Я просто не была мастером, когда дело доходило до их изготовления.

И об этом я знала. Вообще, в третьей четверти я хотела выбрать криминалистику. Школа у нас маленькая, поэтому на выбор всего два факультатива в семестр. Раскрытие фальшивых преступлений с учителем естествознания показалось мне куда более увлекательным занятием, чем создание ожерелья из бисера.

Не знаю, кто поменял мое расписание. Возможно, директор школы (или классный руководитель и методист). А может, родители. Думаю, они решили, что после смерти Леви, последнее что мне нужно — двенадцатинедельный курс о мертвецах и мучениях, которым их подвергали.

Они защищали меня и, возможно, даже правы. В любом случае, миссис Бакстер и не надеялась, что я буду хороша в бисероплетении. У меня была твердая тройка, потому что все проекты сдавала вовремя. К тому же, она никогда не просила меня объяснить свой замысел, когда мы тщательно анализировали работы.

В некотором роде факультатив был особенным. Мы могли общаться между собой на уроке, но не пользовались этим. Лишь кипела работа: передай узловязатель или можно взять вот тот зажим? Звук бусинок, которые пересыпали из лотка в лоток, а затем нанизывали на проволоку, походил на отдаленный дождь. Шептались, как и мы. Когда Бейли открыла дверь, звук дождя прекратился. Мы все одновременно подняли головы.

— Из учительской, — сказала Бейли и подошла к моему столу. Прежде чем объяснить в чем дело, она обратила внимание на то, что я называю проектом и произнесла:

— Мило. — Разгладив записку, она передала мне ее содержание.

— Твоя мама писала тебе, но ты не ответила.

— Что случилось? — спросила я. Я проверила смс, но их не было.

Не удивительно. Здесь только одна вышка сотовой связи и на многие мили вокруг ничего, кроме скал и утесов. Везло, когда вообще сигнал появлялся. Бейли копалась в бусинках, вытащила красную и фиолетовую и покатала между пальцами. Она могла положить ее в карман в любую секунду, это любимые цвета Кейт.

— Тебе следует идти домой, когда закончится урок. Пришел адвокат.

Не адвокат, а обвинитель. Но я не стала поправлять ее, а только отмахнулась от ее руки,

делая вид, что занята браслетом. Разглядывая серебряный виток каркаса, я сказала:

— Хорошо.

— Хочешь я пойду с тобой? — спросила она.

Хочу ли я? Не очень.

— Можно.

Она задела меня плечом. Бейли потянулась за другой бусинкой.

— Я буду рядом.

— Хорошо, — сказала я, нахмурившись, а глаза наполнились слезами.

— Будет хорошо, если ты меня подбросишь.

— Я не буду чинить тормоза, принцесса. Это на заметку.

— А кто тебя просит?

Она отодвинула меня за спину миссис Бакстер и ушла. Счастье, что она не приглядывалась ко мне. Если бы я могла сделать пару вдохов, успокоилась бы. Я не могу разрыдаться посередине класса. Они знали, что я виновата и никто не винил меня. Так и зачем тогда плакать?

Грей

Моряки привыкли отмечать места на картах, там, где водятся чудовища. С какой-то стороны, они правы. У монстров нет клешней, глаза у них темные, словно патока, а волосы серебристые, как новая монета в десять центов. Губы — лепестки, манящие пунцом, шепчущие сладкие обещания. Я могу уверенно заявить, что человек даже не заметит плотного тумана, если он слишком очарован существом, которое создает его.

Ощущение, которое вы не можете представить, оно захватывает вас. У Сюзанны были нежные пальцы, и она любила гладить мои волосы. Я закрою глаза и растворюсь в ощущениях. Мое сердце оживает от ее прикосновений. Кровь закипает лишь от взмаха ее ресниц. Я никогда не спрашивал ее о тумане, который всегда следовал за ней. Тогда он казался несущественным.

Лодка моего отца была быстрой и у нее хорошо получалось прорубать лед. Мы трижды в неделю приплывали сюда из Бостона, закупая омаров на продажу, а они все еще размахивали клешнями и извивали хвосты.

Идиотская профессия. Отец намеревался сделать меня капитаном, когда я достигну совершеннолетия. Думал, я желаю этого. Что буду рад пойти по его стопам. Но я стоял на палубе и ненавидел его.

Этот человек был мягок и многим нравилось проводить с ним время. Но я терпеть не мог тот крем, который он использовал для своих рук. словно такая ерунда могла смягчить его кожу для того, чтобы он притворился джентльменом. Меня всегда интересовало, понимает ли он, что от него воняет омарами. Даже искупавшись в ванне, заполненной цветами и мылом, от него всегда исходил запах лаванды и омаров. Без толку.

А у меня были грандиозные планы. Жизнь, полная приключений, путешествий на поездах и лошадях. Сквозь города и пустыни. О, особенно пустыни — я мечтал о них. Загорать и зарывать ноги в теплый песок. Чтобы больше не видеть моря в своей жизни. Какая бы ниточка не связывала моего отца с водой, у меня ее не было. И я собирался отречься от него.

Работа с моим отцом не доставляла мне удовольствия, так что пришлось решать все самому. Остров в гавани «Сломанного Клыка» завораживал меня. Жители деревни говорили, что он заброшен, опасен и населен призраками.

Когда мы с отцом приплыли сюда, я внимательно изучил его зловещие очертания, размышляя о тайнах. Возвращаясь, я пристально изучал Джексон-рок.

И именно в тот момент я впервые увидел Сюзанну. Она стояла на скале, ее длинные распущенные волосы развевались на ветру. На ней было белое платье и плащ, она казалась сотканной из тумана.

Перегнувшись через борт, я пристально посмотрел на нее — сомневался, что это сирена. Тогда бы она запела и разрушила наш корабль о скалы, на которых стояла.

А она просто помахала.

Ее пальцы раскрылись, словно бутон пиона, а в ее улыбке была какая-то тяжесть, и я хотел помочь ей. Она уменьшалась, когда мы уходили вдаль на попутном ветру. Вскоре она превратилась всего лишь в звезду на горизонте, а потом и вовсе в воспоминание.

Меня тревожили мысли: она дочь смотрителя маяка? Была ли она там одна? Но именно ее улыбка звала меня обратно. На своей корабельной койке и в постели дома я вообразил, что эту девушку могу спасти только я.

Конечно, отец запер ее подальше от материка; несомненно, мачеха сделала ее своей служанкой. В моем воображении она стала нимфой или принцессой, Белоснежкой или Золушкой. Она Рапунцель, и в своем безумии я уверился, что стоит попросить, она распустит свои платиновые волосы.

Пока мой отец занимался делами в деревне, я греб на лодке к скале. От интенсивной работы веслами мои плечи горели, а солнце — такое приятное и яркое — обжигало мое тело, но я был увлечен спасением чистой души. Честно говоря, когда я высадился на берег, рубашка насквозь промокла, а волосы прилипли ко лбу. Океан, вечно этот Богом забытый океан.

— Тебе не следует здесь находиться. — Сюзанна вышла из-за деревьев подобно бледному призраку.

Я влюбился в воспоминания, а увидев ее, мое безумие разгорелось с новой силой. Спрыгнув на берег, я подошел к ней, вытягивая вперед руки, будто она могла испугаться меня подобно лани. И сказал ей:

— Я пришёл за тобой.

— Зачем?

С глупой наивностью и искренностью я ответил:

— Потому что люблю тебя.

Оглядываясь назад, мне следовало удивиться тому, что она позволила себя поцеловать. Запускала пальцы в мои волосы и шептала на ухо совершенно верные слова, чтобы я возвращался. Наши тайные встречи приобрели романтический характер. Мы проводили время под высокими бурыми соснами.

В течение целого лета я снова и снова приходил к скале, к ее слабым призрачным поцелуям — пока не поклялся, что сделаю все, что она пожелает. Даже если нужно умереть ради нее.

Я и умер. Я был идиотом и глупцом и теперь у меня имелось целое столетие, чтобы критиковать себя за то, что перепутал похоть с любовью. Каждый раз, когда смотрю в зеркало и вижу свои серебристые волосы и темные, как патока, глаза; каждый раз, когда я смотрю со скалы на «Сломанный Клык», надеюсь, что девушка, думающая обо мне, придет на мой берег, — и вспоминаю о своей опрометчивости. Я немного даже ненавижу себя за то, что хочу, чтобы она совершила такую же глупость.

Уилла

Я не опоздала, когда вошла в дом, но ботинки были в грязи, а от меня пахло отливом.

Когда мисс Парк увидела меня, выражение ее лица не изменилось. Держа в руке треснувшую чашку с кофе, она взглянула на папки с делами и сказала:

— Рада, что ты смогла прийти.

Ничего ехидного в фразе не было, но мама приподняла брови.

— Простите. Я работала.

— Бейли приходила, — сказала мама.

Чувствуя себя виноватой, я бросила инструменты на крыльцо и направилась к раковине. Хорошо бы принять душ, но это подождет. Я включила горячую воду и измельчитель мусора в раковине.

— Я встречу с ней завтра.

Громко работая, утилизатор втягивал песок и ил, а я делала вид, что не замечаю прокурора. Я знала, что, если буду долго избегать ее, она уйдет не скоро. Выждав немного, я опустила голову, а затем спросила возможно недостаточно громко:

— Что вы хотите?

Мисс Парк прочистила горло и развернула стул. Деревянные ножки упирались в линолеум, и я почувствовала, что та оказалось ко мне ближе.

— Нам нужно обсудить ваши слова перед присяжными.

Выковыривая грязь из-под ногтей, я сказала:

— У вас нет показаний, которые я давала полиции.

— Есть, — ответила она.

Голос у нее был ровный, даже мягкий. Краем глаза я видела, как стул скрипнул.

— Но я не потерплю никаких фокусов, когда ты будешь в суде под присягой. Ты единственный свидетель, Уилла.

Во рту образовалась горечь. Все мои познания о суде и присяжных заканчивались программами по телевизору. Показные шоу.

На деле это не просто короткий разговор с детективами, а затем суд. Нет, я разговаривала сначала с береговой охраной и морским патрулем, а потом с полицией в ту ночь, когда умер Леви. А на следующий день пришел детектив, одетый в строгий костюм, и стал делать записи. Когда они арестовали Терри Койне, я опять общалась с детективами. Мой отец стоял рядом со мной во время опознания. Так что совсем не похоже на то, что показывают в шоу.

Они дали мне папку с фотороботами, где на каждой странице находились сорокалетние мужчины с крючковатыми носами и цыплячьими подбородками. Стало страшно от того, как они все похожи. Я не была уверена, пока не указала на нужного парня.

Теперь дело перешло к присяжным. Они должны решить, достаточно ли доказательств его преступления для того, чтобы посадить. Все, что имела полиция — это две гильзы от пуля.

Они совпадали с той коробкой, которую они нашли в багажнике Койне. И мои показания. Свидетельство того, что я видела. Все сводилось к двум пулям и моей памяти и предстанет ли он когда-нибудь перед судом за убийство моего брата. Если улики будут

недостаточно, его отпустят. Грудь сдавило в тиски.

— Хорошо, и что мне следует сказать?

Мисс Парк убрала свои ровные черные волосы за ухо и продолжила:

— Я здесь не для того, чтобы говорить за тебя.

— Тогда чего же вы хотите? Я уже все рассказала полиции.

— Все?

Вопрос повис в воздухе на минуту. Затем она произнесла:

— Потому что я хочу спросить тебя о войне за территорию. В этом случае есть причина для убийства. И если ты не расскажешь...

— Не было у нас никакой войны, — спокойно ответила я.

— Мы выяснили, что мистер Койне устанавливал приманки слишком близко к вашим. Как и то, что твой отец обращался за помощью к совету.

Я пожалала плечами. Таковы порядки в «Сломанном Клыкe». Мисс Парк могла бы расспросить весь город, но никто не рассказал бы о войне, потому что ее не было. Просто один рыбак — я — решил проблему. Это наши воды и правила. Леви ничего бы ей не сказал. И не хотел бы, чтобы я говорила.

Все, что мы сделали — обрезаем тросы приманок и выбросили их. Мы легко обошлись с Койне. В прошлом году в деревушке Френдшип кто-то посреди ночи потопил «Лобстэх тэкси» и «Фэнтезиз». Несколькими годами ранее резня в Оулс Хед и стрельба в Матиникус. Если вы нарушали границы рыбака, он должен был отомстить.

Рыбак против рыбака — это личное. Но когда так делал весь город, продуманно и согласовано — это называлось войной за территорию. Поэтому я промолчала и посмотрела мимо мисс Парк.

Спокойно, но стараясь скрыть сарказм, она сказала:

— А потом, по чистой случайности, мистер Койне обнаружил вас с братом на пристани в два часа ночи. Вскоре после того, как понял, что кто-то испортил его приманки. Но это никак не связано.

— Это не война рыбаков за свою территорию, — огрызнулась мама.

— Тогда что? — ответила также мисс Парк.

Моя мать встала между нами и потянулась к картофелечистке. Она поднесла ее к кончикам моих пальцев и беспощадно поскребла. В последний раз она делала так, когда я была ребенком. Я могла бы привести себя в порядок сама.

И все же она намылила и принялась тереть мою ладонь своими тонкими пальцами.

— Откуда вы, мисс Парк? Конкорд?

Ничуть не удивившись, мисс Парк сказала:

— Бостон.

Мама потеряла немного сильнее, скрывая сдавленный звук, который она издала. Та самая, которую вызвали из Южного Мэна. Своим вопросом мама попыталась узнать не из Нью-Хэмпшира ли она.

Выпрямившись, мама подставила мои руки под кран и стальным голосом сказала:

— За такого рода войну мы проголосовали бы всем населением. И тогда бы каждый участвовал в этом, а не один ребенок.

— Мам!

Резко вскинув голову, она пристально посмотрела на нас обеих.

— Я не позволю этому ублюдку уйти безнаказанным, только потому что она не

понимает, как здесь все устроено.

Вернув внимание к мисс Парк, она продолжала:

— Если вы заявите о войне между рыбаками, присяжные вас не будут даже слушать.

— Тогда, может, мне кто-нибудь расскажет, что произошло.

В голове шумело, а уши заложило так, как если бы я погрузилась глубоко под воду. Испортить чужие приманки не считалось преступлением, но я могла потерять лицензию. Сроком на три года. Три года отцу пришлось бы оплачивать работу помощника и за это время, вместо заработка, деньги бы только уходили.

Поэтому я боролась, утверждая, что ничего не знала об испорченных приманках. Я могла попросить о том, чтобы меня судили присяжные. И если бы они сочли меня виновной, у меня бы ничего не осталось. И у моей семьи.

Конечно, я могла продолжить зарабатывать пиявками, но этого недостаточно. А мысль о том, что я буду наблюдать, как другие уходят в море, в то время как нахожусь на суше, похожа на смерть.

Но только если меня признают виновной. Возможно, нет. Присяжные — наши люди и они понимают, что нужно защищать свои воды. Если направить их взгляд в другое направление, они покачают головами, отмахнутся и скорее всего меня отпустят. Возможно.

Но сделают ли так, если я признаю свою вину перед присяжными? Не знаю. Вынесут ли Койне приговор, если я этого не сделаю? Грудь сжало в тиски, когда я попыталась сопоставить правильное решение с тем, что необходимо.

Ожидая ответа, мисс Парк спросила:

— Ну так что?

Посмотрев мимо нее, я увидела отца, сидящего в пикапе. Внезапно его озарил оранжевый свет. Он снова закурил. Затянувшись сигаретой, откинулся на сидение, освещенный светом. Отец бросил курить ради Леви. А сейчас снова начал, видимо решив, что терять больше нечего. Ничто не будет как прежде, и я сдалась.

— Да, я сделала это, ясно? — Я повернулась к мисс Парк, держась за край раковины позади меня. — Он ставил свои приманки рядом с нашими, и никто ничего не делал. Он даже не местный. Почему рыбачит в наших водах?

Мисс Парк открыла одну из папок.

— Начнем сначала.

— Вы уже знаете начало, — ответила я.

Я закрыла глаза и слышала звук моря в своих воспоминаниях. Ночь была ясной. Прохладный ветерок, разгоряченная кровь и то, как замедлились мои воспоминания.

Я не сразу поняла, что это конец. Мой смех эхом разнесся по палубе «Дженн-а-Ло», немного жутковатый и отдаленный. За несколько минут до этого ночь была яркой и ясной — черное усыпанное звездами небо и большая серебристая луна.

Но влажный перламутровый туман внезапно окутал небо и берег. Я едва видела Леви в рулевой рубке, хотя он находился всего в трех шагах. Никто не мог видеть нас в вихревом тумане, что играло нам на руку.

— Как много испортим? — спросил Леви. Вопрос выплыл из тумана.

— Все, — ответила я.

Я облокотилась на борт. Темное море простиралось вокруг меня. Шепот, который убаюкивал меня ночью и звал на рыбалку утром, снова звал меня с борта. Он же дразнил меня, когда я находилась в школе. Оттуда я могла видеть порт лучше, чем из любой другой

точки в городе.

Однажды отец уйдет на пенсию. И я стану капитаном, а мои дети или дети Леви, они будут помогать. Мы рыбачили в тени Джексон-рок уже триста лет. Будь моя воля, их было бы на триста больше.

И именно поэтому мы с Леви тайком выбрались из дома посреди ночи. Вот почему мы стащили ключи от лодки из кармана отца, не сказав никому ни слова.

Держа в руках длинный крюк, я ждала, когда «Дженн-а-Ло» подплывет к следующему зелено-голубому бую. Зацепив крюком, я быстро втащила его в лодку.

Затем намотала верёвку от бую на тягач. Все это время я напевала мотив созвучный гидравлики и наблюдала, как приманка с омарами поднимается на поверхность. Два больших омара махали когтями из-за решетки.

Морские брызги покрывали мое лицо, а когда я вдыхала, ощущал вкус соленой воды и юго-западного ветра — восхитительно. Взяв нож, я перерезала веревку между буюм и приманкой, а затем выбросила все обратно в воду.

Омары смогут освободиться, но приманки он найти не сможет. В этом и смысл. Вот что получил ублюдок из Даггета за то, что устанавливал ловушки в водах «Сломанного Клыка».

Волны проглотили приманки, а я от адреналина ударила кулаком в воздух.

— Попробуй вытянуть эту! — прокричала я, а Леви включил двигатель на полную и нежно сказал:

— Притормози.

— Посмотри на себя! — Рассмеялся Леви. — У тебя выражение лица, как у мамы Неудивительно, что ты ее любишь.

Я схватила буй и снова перевесилась через борт. «Дженн-а-Ло» целенаправленно и уверенно рассекала ночь, направляясь к следующей паре приманок.

Должно быть, трудно было найти каждый буй, брошенный другим рыбаком. В конце концов, часть работы капитана заключалась в том, чтобы самому прокладывать свой путь в навигаторе, чтобы он мог снова их позже найти. Наследие — наличие собственных вод. Тайные места, где никто кроме тебя не рыбачит. Но нарушитель обнаружил все красно-полосатые буи Диксонов и бросил свои рядом с ними. В первый раз, когда отец обнаружил их, назвал это недоразумением. Некачественная рыбалка у некомпетентного рыбака, так он подумал.

Мы убрали его ловушки от наших. Запутали их под водой, оставили беспорядок, который нужно было убрать. Своеобразный знак нарушителю. Мы перенесли наши приманки ближе к Джексон-рок.

Но спустя два дня зеленые и синие буи снова появились рядом с нашими.

Этот парень не просто нарушал границы. Он явно воровал наш улов и нужно было что-то делать.

Отец поспрашивал народ и узнал, что нарушитель кузен Джеки Уэллет. Успокоившись и прихватив шесть банок пива, папа поднялся на холм к дому Джеки, чтобы поговорить с ним о сложившейся ситуации.

Терри Койне был там и, вместо того чтобы поговорить, заявил, что он боксер, а отец упомянул о дробовике. Джеки встал между ними и попросил отца вернуться домой.

Не удивительно, что разговор не подействовал. В следующий раз, когда приманки Койне снова появились рядом, отец написал жалобу в территориальный совет. Он позаботился о том, чтобы все в кооперативе знали, откуда Койне берет омаров. Люди

отказались покупать его улов, но что же еще? Ничего.

Ничто не помогло и не остановило его. Он просто продавал свой улов в соседнем кооперативе несмотря на то, что дорога туда занимала час. Им плевать откуда улов. Затем возвращался в «Сломанный Клык», а мы были унижены.

Поэтому я подкупила Леви тем, что он будет вести лодку, пока я порчу ловушки Койне. Леви был бы счастливее дома, рисуя мангу или сидя на крыше с Сетом и Ником, разговаривая об аниме. Он согласился, потому что я была его старшей сестрой и попросила его о помощи. И потому что ему нравилось гулять в ночное время. Я считала это оплатой по счетам и, если никто не хотел помогать, значит я решала все сама. В тот вечер вода была гладкой как стекло, а океан и море встали на мою сторону. Туман окутал нас, словно нежный поцелуй. Испортив все двадцать приманок Терри Койне, я смеялась на протяжении всего пути.

Мы с Леви, все еще улыбаясь, подошли к пристани. Возбужденные от того, что мы сделали это вместе. Он спрыгнул с палубы первым и протянул мне руку.

Мне и в голову не пришло, что Койне мог быть на воде. Вероятно, он заглушил двигатель одновременно с нами, так чтобы мы не услышали его приближения.

— Эй, Диксон, — прокричал он.

Мы одновременно обернулись, когда Койне материализовался перед нами из тумана. Увидели пистолет, но слишком поздно, чтобы успеть среагировать. Он выстрел дважды.

Звук был похож на щелканье проволоки, глухой и пронзительный. Разнесся эхом, уходя вдаль. Я поняла, что произошло, но не осознала. Даже после того, как Леви споткнулся о лодку и упал на меня. А темная кровь расплзлась по футболке. Потом он начал захлебываться. Воздух выходил из его груди, а не из горла. Мое тело двигалось само по себе, я не думала.

Тишина поглотила меня. Я нажала кнопку на нашем аварийном радиобуе. Связь с треском ожила, посылая сигнал бедствия береговой охране. И так как сигнал бедствия предназначен для моря, на нем вспыхнул стробоскоп (Стробоскоп — прибор, позволяющий быстро воспроизводить повторяющиеся яркие световые импульсы).

Ослепленная светом, я опустила руку на палубу и накрыла рукой дыру в груди Леви. От него исходил жар. Темная пена пузырилась между моими пальцами. Промелькнула мысль, что серая дымка, которая задержалась над его грудью — уходящая душа.

Но ночь была холодная. Поэтому это пар, который исходил от его горячей груди, так же, как и от моего дыхания. Над нами работал спасательный маяк, а свет отражался в тумане жуткими узорами.

— Береговая охрана в пути, — сказала я Леви.

А он произнес свои последнее слово:

— Хорошо.

Я задумалась. Жалко, что отец не курил. Всегда, когда смотрел «Взвод», он говорил нам, что пластиковая обертка на пачке сигарет может закрыть пулевое отверстие. Вставь и будешь как новенький. Глупости, но кто знает, может, правда?

Именно об этом я думала, пытаюсь спасти брата.

После ухода мисс Парк, отец наконец зашел в дом. Пока я отмывала грязь и воспоминания со своей кожи в душе, слушала, как он разговаривает с матерью на кухне.

Слов разобрать не могла. Слышала только его голос, то повышающийся, то понижающийся. Голос матери был странный и мрачный. Возможно, они говорят обо мне. Не

знаю, не могу разобрать. Но по интонациям звучало, как обвинение.

Для моих родителей всегда было очевидным то, что случилось той ночью. Более того, вся деревня знала и понимала. Это наша территория. С той же легкостью Койне мог нарушить границы кого-либо еще.

Не так уж и много было, чем пожить в водах «Сломанного Клыка». С каждым годом улов становился меньше. Бейли не вернется обратно. Степень в области политологии не принесет ей пользы здесь. Такие умные, как она, уезжали в Нью-Йорк, Лос-Анджелес, Лондон. Никто из таких, как Бейли, не возвращается.

Кроме туристов или романтиков, живущих в Новой Англии. Нетронутая дикая местность, все деревенское. Затем они все заасфальтировали и перекрыли наши пляжи. Развели истерику по поводу того, какой шум идет от гавани, когда народ собирается на рыбалку. Устраивали собрания в кооперативе из-за вони селедки, которая витала в воздухе, даже когда мы отплывали.

Но гавань все, что у нас есть. Наши семьи и город. Кладбище полно сланцевых фамильных надгробий, имена начинались с 1600 года.

Уошберны, Даерсы, Диксоны, Арчамбальты, Уэллеты.

Соседи поступили бы так же, как и я. Такие, как Койне, приносили с собой хаос. Никто в «Сломанном Клыке» не обвинит меня.

Опустив голову под воду, я позволила теплу течь по моим волосам и пробегать по губам. Вода всегда пахнет кровью, особенно если сделать ее горячей. Пар лишил меня возможности глубоко дышать. Я вздрогнула, когда песок собрался на дне ванны и пополз к сливу.

Внизу голос отца стал громче, а затем хлопнула задняя дверь. Я не столько услышала, сколько почувствовала неожиданную пощечину. Выключив кран, я прислушалась к тишине, а затем к тихому звуку отъезжающего пикапа.

Они всегда знали, что я сделала, но сегодня признали. Я никогда не боялась неприятностей из-за того, что испортила приманки Койне. Испугало меня другое — признание. То, что мне пришлось произнести вслух перед отцом и матерью, что это я виновата в смерти Леви.

Не как-нибудь запутанно, что-то вроде «бабочки-в-Африке-принесли-ураган-в-штат Мэн». Мой младший брат стал бы таким же, как Бейли. У него была нежная улыбка и блокнот, заполненный рисунками, хорошими песнями. Ник и Сет подобрали для них плохую музыку. Он снимал замедленные фильмы, много читал и не планировал связывать свою жизнь с морем. Он смог бы, он бы это сделал.

Вот только в ту ночь я прислонилась к его двери. Ждала, когда он вытащит наушники и спросит меня:

— Чего, Уиллард?

И вместо того, чтобы сказать: «Давай поищем мистера Грея» или «Ничего, я просто хотела сказать, что съела твой кусок торта», я бросила ему ключи от «Дженн-а-Ло». Он поймал их с первого броска.

Грей

Она снова думает обо мне.

Я перекладываю циркуль в левую руку и смотрю на музыкальную шкатулку на столе.

Катушки затянуты, часовые механизмы закреплены. Посторонних звуков нет, когда я подношу ее к уху.

Поворачивая медный ключ, я придерживаю его — повелитель времени, Бог фигур,

дрожжащих на крышке ящика. Они будут танцевать только по моему желанию. Либо висеть вечно в ожидании, но это тоже зависит от меня.

Но я отпускаю ключ, и он медленно раскручивается. «Регтайм кленового листа» — это больше, чем вальс. Фигуры кружат друг вокруг друга, их медная кожа блестит с каждым механическим поворотом. Поставив ее на подоконник, наблюдаю, как любовники покачиваются на фоне линии горизонта.

Сегодня закат красный и яркий — радость морякам.

И у меня тоже, потому что она думает обо мне. Вероятно, также, как и когда-то я, она осознала, что на этой скале кто-то живет. Завтра я буду стоять на утесе и ждать. Я стану бледной звездой, мерцающей на горизонте. Такой неземной и соблазнительной.

Если в мире есть справедливость, хоть какое-то равновесие между небом и землей, она заметит меня. Разве не в этом смысл проклятья? У меня нет ни малейшего шанса собрать тысячу душ.

Ни у Сюзанны, ни у каких-либо других мистеров Греев, некогда стоявших на этом острове. Единственное спасение — через другого человека. Волевой, хотя и глупый выбор — она сама должна сказать «Да». Самостоятельно выбрать этот рок.

Я верю, что она придет. Я мог бы пожелать, чтобы она появилась за завтраком точно также, как книги, игрушки и другие вещи. Но правила проклятья ясны — все, что я захочу, будет моим.

Только благодаря случайности и небольшому сдвигу тумана, я могу получить то, что мне нужно.

Завтра я буду сдерживать туман и устраиваться поудобнее. Ветер будет трепать мои волосы, пока я стою и жду. Если и есть хоть какая-то справедливость, я встречу с ней глазами и очарую ее. Она уже думает обо мне. Сейчас мне нужно чтобы она пришла.

Уилла

— Я бы выбрала уроки латинского в следующем году, — сказала Бейли. — Но уже взяла курс сварочного дела в Харрингтоне.

У меня болела голова. И как бы сильно я не любила Бейли, знала, что не смогу вынести еще два часа анализа ее расписания на выпускной год. И поскольку я не собиралась поступать в колледж, планировала закончить пять классов. Такое расписание позволило бы мне освободиться в час дня, и я смогла бы рыбачить вместе с отцом. Ну, так должно было быть. Теперь в свободное время буду собирать пивок.

Этим я и занималась — перебирала их в подвале. Помещение было холодное и в нем воняло рыбой и грязью. Профессионалы, те, кто круглый год зарабатывают на продаже пивок, уже бы закончили. С этой работой они справлялись быстрее, чем мы. И возможно, они тоже не хотели слушать о мертвых языках и профессиональных искусствах.

Бейли преуспевала во всем. Она уже закончила три года испанского. Ей не нужна латынь. И не нужны уроки сварки, даже несмотря на то, что ее пикап скоро станет металлолом. Вероятно, чтобы он не развалился на части, его уже склеивали жвачкой и скотчем. Но еще один дополнительный язык для нее не будет лишним. Поэтому она собиралась изменить свое расписание. Итог я знала и это навевало печаль.

В конце она все же заметила, что я отвечаю только «угу», «ага» и «да». Ее пластиковое ведро стукнулось об мое. У меня меньше пивок, чем у нее. Возможно, нужно было меньше болтать.

— Ты слушаешь?

Я покачала головой.

— Нет, прости.

Передвинув ведро, она начала перекладывать пивок на одну сторону. Нам мало заплатят. Затем она подняла мою нелюбимую тему.

— Я знаю, тебя бесит то, что Сет рыбачит с твоим отцом. Никому бы не понравилось.

— Я все прекрасно понимаю.

— Не будь как старуха, — сказала она.

— Это не так, — огрызнулась я в ответ. — У меня много разных мыслей. Не понимаю почему.

На этот раз Бейли нарочно стукнула мое ведро.

— Ты можешь депрессовать, но не имеешь права себя жалеть.

— А почему нет?

В глазах Бейли вспыхнул огонек.

Вероятно, она изумилась, что пришла раньше меня на беседу с мисс Парк. После у нее было пару дней обдумать это. Хоть Бейли и не любила игры в молчанку, порой я думала, что меня бы это устроило.

— Потому что ты отгораживаешься ото всех и делаешь себе только хуже. Причем намерено. Думаешь, если будешь истязать себя, то все магическим образом станет как прежде.

— А кто сказал, что так будет?

Начав хлопать себя ладонью по лицу, Бейли в последний момент остановилась. Она не

настолько безумна, чтобы подпускать пиявку к щеке.

— Ты ведешь себя прямо как она.

— Ну раз ты так говоришь.

— Нет, я это знаю, — парировала она.

Взяв ведро, я высыпала туда оставшихся пиявок. Моя спина напряглась, а челюсти сжались, но я не отвела взгляд. Я не боялась Бейли. Мы знали секреты друг друга. Спорить с ней совершенно безопасно. Утром она все также будет меня любить. Даже если она и безумна. Неся свою часть пиявок к журналу учета, я повернулась к ней спиной. И поскольку сказать мне было нечего, я просто отмахнулась от нее.

Усмехнувшись, она устремила взгляд в ведро, чтобы досчитать свою часть. Мама работала во вторую смену в полицейском управлении, а папа рыбачил с рассвета до заката. А это означает, что тот, кто первым пришел домой, готовит ужин.

Обычно этим занимался Леви и очень жаль, что его больше нет. Он мог приготовить ужин из ничего. Мне же нужно следовать инструкциям на коробке.

Обычно отлив был дважды в день. Сегодня я уже заработала пару сотен и могла бы прийти сюда в полночь, но рубашки Сета, которые стащила из его спальни, манили меня.

Его запах, благодаря которому мне казалось, что он обнимает меня постоянно.

Поэтому, как только я надела рубашку, решила, что с раскопками на сегодня закончено.

Затем спустилась вниз, чтобы приготовить что-то простенькое на ужин. Для меня достаточно яичницы с беконом, но Сет и отец вернутся голодными, поэтому я вытащила из кладовки коробку с блинной смесью, джем и сироп. Прежде чем я успела разбить первое яйцо, зазвонил телефон.

— Не переживай, — сказала мама, когда я ответила.

Напряжение сковало меня в тиски. Прислонившись к столешнице, я выключила конфорки одну за другой, почти уверенная, что скоро мне нужно будет покинуть дом надолго и естественно ни о каких блинах не может быть и речи. Почему-то мой голос звучал спокойно, когда я спросила:

— Что случилось?

Она прочистила горло, а затем я услышала, что мама разговаривает с кем-то еще. Видимо, она решила свести меня с ума, ком в горле стал настолько ощутимым, что стало нечем дышать.

Наконец, она обратилась ко мне:

— Я не хочу, чтобы ты приходила сюда, Уилла. Я звоню тебе, чтобы сказать, что твой отец сейчас вместе со мной в больнице, но с ним все в порядке.

Медленная, острая боль пронзила мой висок.

— Что случилось?

— Он забрасывал буи и не справился. Его протащило по палубе.

Наиглупейшая ошибка, это произошло, потому что он не хотел потерять дешевый крюк — так поступают новички. Крюк, прикрепленный к приманке, может вытянуть человека за борт и утопить прежде, чем кто-либо заметит.

Я разозлилась, он не должен был этим заниматься, потому что с ним Сет. Прижав пальцы к виску, я попыталась унять боль.

— А зачем он это сделал?

— Просто старый дурак. — Она кому-то ответила, но я не расслышала, а затем вновь вернулась ко мне. — Мы будем дома сразу как найдем доктора, но не жди нас.

— И скажи ей, чтобы держалась подальше от лодки, — донесся голос отца на заднем фоне.

Почему-то мама не повторила эту фразу. Вместо этого она предупредила:

— Твой мальчик скоро придет.

Хруст гравия перед домом доказал ее правоту. Мне даже не надо поворачиваться, чтобы увидеть машину Сета. Я ощущала пустоту и не спешила его встречать. В любом случае, Сет мог зайти сам. Так поступали все мои друзья, а ведь он не просто друг, да?

— Уилла?

Покачивая головой, я оттолкнулась от столешницы.

— Кажется, теперь я его слышу. Передай папочке, что он на прицеле, пока не выучит урок.

— Скажу, — ответила она, и я положила трубку сразу, как открылась дверь.

Заходя, Сет выглядел совершенно разбитым. Его лицо было напряжено, а зрачки, в которых плескался ужас, казались почти черными на фоне посеревшего лица. Он сразу поехал ко мне и хорошо, что мама позвонила первой. Просто посмотрев на него, я бы решила, что кто-то умер.

Сет обнял меня, зарываясь в мои волосы.

— Милая, прости.

Медленно я обняла его.

— Мама сказала, что он в порядке. Я слышала его жалобы, поэтому знаю, правда.

— Прости, — повторил он, — крюк застрял в подъёмнике...

— Все в порядке.

Я начала разминать его спину, потирая затекшие от работы и волнения мышцы. Сначала казалось обычной работой. Будто на автомате, — то, что сейчас ему нужно. Массаж удерживал меня от излишних размышлений. Я ведь предупреждала о тягаче.

Сет медленно расслаблялся, пока мы не покачнулись. Мы стали подобно маятнику, который медленно раскачивался, и слушая его пронзительное дыхание, я немного успокоилась и остыла от гнева. Когда он поцеловал меня в лоб, мое сердце забилося, и я прильнула к нему. Если бы он не пришел, в доме повисла бы такая тишина, что я могла бы слышать свои мысли.

— Хочешь, чтобы я остался? — спросил он.

— Да, ты можешь помочь мне с ужином.

Он так и сделал. Сет помнил, где все лежит, а также то, что, если добавить немного корицы к блинной смеси, это сделает ее особенной. А я знала, что сироп может взорваться в микроволновке. Мы были сплоченной и уверенной командой. Мы отражались в ночном свете окна, и на мгновение я посмотрела в него. Точно подходим друг другу. Так было всегда и каждый это видел. Как луна меняет форму, а солнце восходит — нам двоим суждено быть вместе. В третьем классе Бейли и Эмбер гонялись за мной по детской площадке, бросая одуванчики и распевая песню:

Сет Ар-чам-балът целует Уиллу Диксон на кухне ее мамы!

Тили-тили-тесто,

Жених и невеста, жених и невеста, фу!

Они напевали дразнилку до тех пор, пока я не начинала плакать, а миссис Грэхэм не наказывала их.

Не знаю почему меня это расстраивало.

Грей

Сюзанна не первая, кого я полюбил. Даже ни третья и ни шестая. Я был совершенно неразборчив в своих привязанностях. Хорошенькие девушки являлись единственной отрадой моих путешествий с отцом из Массачусетса в Мэн, из Бостона в Новую Шотландию.

Многое было мучением, но красотки на берегу скрашивали это. Девушки с экзотическим акцентом. С карими, голубыми и зелеными глазами. С зонтиками и платьями, в которых выглядели словно греческие богини. Они отвлекали меня от тягот купеческой жизни. Взамен я делал подарки.

В основном привозил чай из Бостона. Хороший подарок — дорогой и нескоропортящийся. Я брал всегда с собой пряные листья, куда бы ни шел.

В первое время я думал, возможно, этот маяк мое наказание. Что мне следует научиться быть бескорыстным. Стать мужчиной, кем-то достойным уважения. Красота поймала меня в ловушку, и я превратился в зверя. Логично, что красота меня освободит.

Как же блестяще я обманул самого себя! Но в свою защиту, разве не такой вывод внушили нам господи Гримм и месье Перро? Христиан Андерсон не был моим любимцем, казалось, что он гораздо больше занят вечными страданиями.

Я возносил прекрасные молитвы. Затем захотел читать их по четкам и выучил их. Потом бусы мала (Бусы мала — буддийские четки.) и колокольчики. Хотел иметь поющую чашу (Поющая чаша — известны также как гималайские чаши, тибетские чаши; в Японии их называют рин (яп. 鈴) или судзу (яп. 鈴)) — разновидность колокола как музыкального инструмента.) и старался научиться медитировать. Но кроме моря у меня ничего не было. Его шепот постоянно звучал в моей голове. Я был самым замкнутым из монахов, но не получал блаженства.

Мое падение. Желание ощутить удовольствие. Погоня за ним. Я десять лет игнорировал свое истинное призвание. Сдерживал туман, считая это моим испытанием. Думал, что, если справлюсь, буду вознагражден. Придет другая девушка, и я освобожусь. Я сделал выводы и перестал ненавидеть океан.

Ложь. Иногда так и повторяю. Часы проходят, так же, как и в прошлом и в настоящем. Но моя награда и освобождение уже близки. Свобода, и хотя в те первые дни я поклялся, что буду лучше, что никогда не поцелую никого так, как это сделала Сюзанна, — понял, что был неправ. Потому что там, на берегу, она думает обо мне. Если только она придет, я без колебаний поменяюсь с ней местами. Она увидит все манящие преимущества, и меня не волнует, обнаружит ли недостатки. К тому времени будет слишком поздно. А потом... Эти знания понадобятся ей для первых десяти лет. После она справится сама.

Уилла

На следующий день Сет ждал меня у главного входа.

Свет просачивался сквозь витражное окно на верхней площадке. Голубые, зеленые и золотые оттенки колебались подобно воде. Свет играл в волосах Сета и отражался на его коже. Сет худой и грубовато сложен, поэтому его нельзя назвать красивым, но причина, по которой девушки высовывались из окон машин, чтобы взглянуть на него, когда мы ехали в Бангор — его улыбка, когда он видел меня. Бросив потрепанную книжку в сумку, он обнял меня за талию и поцеловал. Затем отстранился, и коснувшись грубоватыми губами моего виска, и спросил:

— Как отец?

— Чувствует себя полным идиотом, — ответила я. — Заявил, что хочет выйти в море сразу, как сможет.

Не сомневаясь, он кивнул.

— Я могу пропустить уроки, не проблема.

Он был так чертовски серьезен. Он думал, что помогает мне. Слово это я избегала лодку.

— Я не хочу, чтобы он выходил в море. Как он вообще пострадал в прошлый раз? Он был невнимателен, а это опасно.

— Знаю, Уилла, но он не сможет оставаться на берегу вечно, — произнес Сет.

— То же верно.

Целуя меня снова в висок, он сказал:

— Я могу попросить Ника помочь мне с приманками, чтобы отец не подходил к ним.

Ник — лучший друг Сета, неуклюжий, лохматый парень, который практически жил в доме Сета. Мне, как и всем, нравился Ник. Но его семья была из Индианы, и он не может отличить приманку от улья.

Так что мой голос стал наиболее неприятным, чем я намеривалась, когда спросила:

— О, да? У Ника есть лицензия?

— Просто на один день.

— Морской патруль, конечно же, будет уточнять.

Он немного напрягся, его рука стала холодной и тяжелой на моем плече. Вынырнув из-под его руки, сделала несколько шагов вперед. Я боялась, что он сможет пробиться в пустоту внутри меня и его боль затопит меня.

— Все в порядке. Я собираюсь смотаться на илистую отмель. Скажи Бейли, ладно?

— Тебя подвезти?

Его лицо расслабилось, а на лице пробежал синий оттенок. Зеленая полоска осветила глаза, а после исчезла, оставив их темными. Он всерьез предложил подвезти меня, но я все равно покачала головой. Сейчас я просто хотела уйти от него, от себя. Даже не знаю толком от кого. От жизни, в конце концов. Сет понизил голос.

— Я с тобой, Уилла.

Мне бы радоваться, что он научился читать меня. Он так хорошо меня знал. Но я не хотела отдавать ему за это должное, потому что он вырос вместе со мной. За доброту, за то, что он единственный, кто понимал. Проще было на него злиться.

Я сказала:

— Я в порядке. Передай Бейли.

Несколько человек прошли мимо нас — неловкое напоминание о том, что не следует здесь ссориться и устраивать драму. Думаю, это замечательно, что такие люди, как мы с Сетом, не любят кричать. Сет сжал губы вместе, потом махнул рукой в сторону двери. Жест означал, что он выполнит просьбу и показывал на выход.

— Не вздумай притащить Ника на мою лодку, — ответила я и вышла наружу.

Люди предупреждали о прохладных осенних днях, и возможно, если бы я пошла через лес, могла получить удовольствие. Заметила бы медный орнамент между елями и соснами. На проторенных тропинках увидела бы камни, скрытые почвой и семенами, но гладкие от столетий пеших прогулок.

Но лес не для меня. Я шла домой сквозь влагу и холод, чтобы взять рабочее снаряжение. Направилась вдоль берега к одной из илистых отмелей.

Туман рассеивался, но где-то еще держался. Змеился по серой грязи, окутывая мои лодыжки.

Я опоздала к отливу, поэтому мне пришлось подойти почти к воде, чтобы занять незатопленное место. В воздухе витал запах рыбы, водорослей и грязи. В руке я держала грабли, но вместо того, чтобы приступить к работе, повернулась к Джексон-рок.

Остров был похож на пирамиду: груда гранитных валунов, покрытые оранжевым цветом, где росли сосны Банка — темные вечнозеленые растения. Однако прямо на том месте одинокий ажурный болиголов наблюдал за водой.

Над ним крепкая белая шпукатурная колонна рассекала небо — наш маяк. Даже днем он каждые девять секунд вспыхивал красным светом, зовя рыбаков и моряков домой.

Но там никого не было. Береговая сирена работала, когда компьютер передавал сигнал, а свет загорался от пульта дистанционного управления.

У меня заболела голова, когда я попыталась представить восточную часть острова — единственное место, где скалы обрушились на берег. Словно сам Джексон-рок хотел, чтобы о нем забыли.

Я принялась за работу, копала грязь, боролась с пиявками в ведре, они все намеривались укусить или сбежать. Мои грабли тонули в болоте, а холод, будто показывая свою боль, стал постоянным. Обычно он стирает все мысли и тревоги.

Но сегодня маяк отвлекал меня. Нет, это все туман.

А может, и то и другое. Возможно, туман всегда был здесь, а я просто не замечала его. Это все равно что думать о бедре или среднем пальце ноги. Что-то просто существует, вот и все.

Казалось, я знаю сотню причин, по которым никто не посещает Джексон-рок. Нет береговой линии, чтобы высадиться на берег. А мимо отмели лодку не проведешь. Природный заповедник для чужестранцев. Остров кишел летучими мышами, а дышать их высохшими испражнениями опасно. Привидения. На маяке никого не было. Несильная боль пронзила голову, но она не смогла прервать моих размышлений и ощущений. А может, от знания: на маяке кто-то жил.

Безоблачное небо пришло с наступлением утра и принесло запах моря. Я завтракала одна и собиралась в школу. Каждый раз, когда я смотрела наружу, колебалась. Наш сахарный клен стал ало-золотым и казалось, что искрится в чистом свете.

Прозрачный восход обещал хорошую погоду на весь день, и я застонала, когда вышла на

крыльцо. Ветер был достаточно прохладным, чтобы почувствовать свежесть. Никакого холода, который проникает под воротники или масляную одежду.

Тишина давила на меня. Чистый горизонт, все подняли паруса еще до рассвета. Я отвернулась. У меня уроки. Я пыталась убедить себя, что это важно.

Словно это должно было заставить меня скучать.

Направляясь к холму, с которого открывался хороший вид, я ощущала «Дженн-а-Ло» за своей спиной. Ее не заботило, что мне запретили приходить на ее борт. Все что нужно ей — море. Она лишь желала рассекать волны на пути к нашим рыбацким местам.

На полпути к школе я оглянулась. Вдоль асфальтовых дорог тянулись вереницы крыш, образуя город. Растянутые, словно рождественские гирлянды, они очертили городские границы от одного конца до другого.

Сосны покачивались между домами, белая колокольня указывала на восток.

В этот момент несколько ребятишек из города пробежали мимо. Они держались за руки — яркая, смеющаяся стена смела меня с тропинки. Я стояла спиной к школе в мягких, опавших иголках. С этого ракурса все выглядело резче, открывая «Сломанный Клык» с другой стороны.

Я права, гавань пуста. Осталась лишь «Дженн-а-Ло». Позади нее виднелся Джексон-рок, угрожающий ореол привлекал внимание к маяку. Что-то (а возможно, кто-то) дрейфовало по скалистому берегу острова. Грудь сдавило в тиски. Прикрыв глаза рукой, я пыталась получше разглядеть существо на острове. Оно блестело, словно стекло, поймавшее солнечный луч. Перемещаясь между деревьями, оно показалось еще раз, а затем исчезло. Данному явлению могли быть вполне разумные объяснения.

Возможно, береговая охрана проверяла маяк. Или рыболовство и фонд исследования дикой природы подсчитывают активные гнезда и живых птиц.

Прежде чем я додумалась хоть до чего-то, Дэнни Уэллет резко свернула ко мне.

— На что ты уставилась, кукла?

В горле встал ком. Денни родственница Терри Койне. И все же находясь рядом с ней, я почувствовала, как начинаю злиться. Адвокаты запретили мне говорить о деле, а здравый смысл согласился. Лучше держать рот на замке. Ситуация была достаточно напряженной.

— Моя бабушка вынуждена продать свой дом из-за тебя, — сказала Денни. Она была ниже меня ростом и худая. Крошечные ручки, кукольный ротик — она выглядела хрупкой. Но мы выросли вместе, и я знала, что это не так. По привычке я искренние произнесла:

— Мне жаль.

Денни подобно змее ошетибилась. Глаза сузились, и я заметила, что она что-то обдумывает. Сможет ли она сломать мне нос одним ударом? Неужели мой голос прозвучал дерзко, что она завелась?

Адреналин заполнил меня и в каком-то смысле это ощущение было почти похоже на счастье. Я уже чувствовала вкус крови — я предвкушала удар.

Вероятно, ей не хватило злости, потому что удара так и не последовало. Вместо она плюнула на землю — рядом с моими туфлями, но не на них. Затем вытащила волосы из-под пальто и зашагала вверх по холму. Запах духов, сладкий и легкий, остался даже после того, как она вошла внутрь школы.

Мое ожидание омрачилось, а голова заболела. Где-то там наверху меня ждала Бейли. И Сет. Мне следует рассказать им о Денни. Тогда они будут рядом со мной и поддерживать.

Прохладный ветерок прошелся по моим волосам, принося с собой море, омывая меня

им. Я сделала еще один шаг в сторону школы, давая ногам возможность сделать правильный выбор. Но вместо этого они развернулись. К направлению порта, лодки отца и океану.

Но только шаг сделала я. Это был идеальный день для того, чтобы выйти из порта, когда вокруг было много прекрасного. Я отчаянно хотела выйти в море, где солнце обесцвечивало мои волосы, а ветер хлестал по губам. Вернуть все, что потеряла и ускользнуло от меня.

Желание захватило меня, пробралось под мою кожу.

Я давно не выходила из порта. Пробираясь по искореженному дереву причала, я снова почувствовала прилив крови. Жар наполнил меня. Серебристые чайки пронзали небо своими телами и криками. Оказавшись на палубе, я даже не потрудилась надеть спасательный жилет. Я направилась прямо к штурвалу, а после в море. Как только пройду мимо Джексон-рок, я планировала сбросить скорость и проверить навигатор. Наши приманки расставлены и их нужно проверить. Одной управлять лодкой занимает больше времени. Многие считают, что опасно, но вполне реально.

К черту черных кусающихся пиявок, которые обитали в грязи. К черту присказку о том, что женщина на борту к беде... Я не могла ругаться на отца, но он сам виноват, что запретил мне подходить к лодке. Мы похожи, и поэтому он знал, как причинить мне боль. Я была его отражением — мы оба сотканы из соли, моря и наследия.

Когда берег остался позади, цвета вернулись в мой мир. Я снова вдохнула, а глаза открылись. Затем я тихо выругалась. В океане водятся призраки.

Корабли проплывали мимо фантомов — феи и лошади существовали под волнами. Русалки и сирены, и всевозможные чудовища — их видели поколения моряков.

Вот почему я выругалась вместо того, чтобы ахнуть. Потому что в то утро, когда я вышла в море, я разглядывала окутанные туманом скалы. А оттуда на меня смотрел мистер Грей.

Грей

Моя награда проста. Я поднимаю руки, и каждая музыкальная шкатулка играет одновременно.

Для других это могло быть какофонией. Минорные тональности плачут, тогда как мажорные ликуют — они не соответствуют дизайну времени. Каждая спираль имеет собственную длину — некоторые песни заканчиваются после оборота. Другие длятся дольше, а золотые ноты кружатся в воздухе вокруг меня, будто пылинки.

И в итоге остается только одна мелодия. Старая ирландская песня и я когда-то знал все слова. Сейчас уже не помню. Один из работников моего отца любил наигрывать ее, когда мы возвращались домой в Бостон. Он стоял на мачте с трубкой и играл балладу на ветру.

Из текста песни мне запомнилась одна строчка: «Это будет недолго, любовь моя...»

О, ожидание. Надежда! Она посмотрела на остров и увидела меня.

Хотя я всегда этого хотел, страстно желал... Я так болезненно осознавал, что именно в этот момент она стала настоящей. В тот самый миг, когда я оказался для нее реальным. Смелюсь и снова поднимаю руки. Я поворачиваюсь к ним, и каждая музыкальная шкатулка поет. Снова, снова, снова!

Уилла

Во всем вина Бейли. Она подала мне эту идею. Именно это я повторяла, приближаясь кормой к скале.

Небольшой отголосок мигрени раздался в голове. В итоге она разболелась. Боли пульсировала в такт двигателю. И усилилась, когда я попыталась понять, что же видела.

Яркая черная линия глаз, изгиб бархатных губ. Лицо, необычно красивое, окруженное серебристыми волосами, будто бы в туманной дымке. От этих мыслей у меня снова разболелась голова так, что свело живот.

Никогда не страдала морской болезнью, не стоило и начинать. Проверив карту в навигаторе, я направила «Дженн-а-Ло» в сторону наших вод. Вскоре показался первый буй. Заглушив двигатель, я вышла на палубу и потянулась к нему. Но собираясь вытащить приманку, заколебалась.

Чувство, что на меня кто-то смотрит. Медленно поворачиваясь, я обвела взглядом море. День ясный, идеальный, чтобы затаиться. Морской патруль и береговая охрана никогда не скрывались. Так в чем же дело? Бежать все равно будет некуда, если тебя поймают.

«Выбрось из головы глупости и доставай приманку», — сказала я себе.

Зацепив первую, я намотала трос на тягач и включила его. Ловушка поднялась на поверхность, образуя кольцо пузырьков вокруг. Тощий омар щелкнул клешнями в мою сторону, но выглядел ленивым и равнодушным. Может быть, он собирался устроить представление. Вытащив, я перевернула его. Темно-зеленый омар махал клешнями, словно капитулируя, на моих оранжевых кевларовых перчатках. Ни яиц под хвостом, ни метки, которыми помечают самок. Омар вытянулся во всю длину металлической линейки, даже немного больше. Да, этого можно оставить. Я положила его в специальную емкость, которая не даст ему умереть, а затем убрала ее в мешок. Заметая следы и проверив свое местоположение, я бросила приманку в то же место, где та и была. Отец не узнает, что я выходила в море.

Со школы могли позвонить, но я и так пропустила много дней. Остальные лодки ушли намного дальше, так что я успею вернуться до того, как они вернутся в порт ночью. Поэтому кооператив точно заплатит мне. Омары стоят дороже пивок, и я могла поделить деньги.

Вытаскивать приманку в одиночку занимает больше времени. Остановиться у буя, поднять его на поверхность и проверить на наличие омаров. Вылавливаю, забрасываю и только после перехожу к следующему. Медленно и тяжело.

Но мои плечи уже не горят от усталости и тяжести.

Наоборот, они наслаждаются. Все мое тело благоговеет от работы. То, для чего я родилась. Одежда промокла, а морская соль покрыла кожу — это самое настоящее удовольствие. Вокруг меня играет океан.

Волны обнимают борт лодки, а ветер нашептывает странный мотив. Эхо отражается от воды. Звуки, которые я не могла определить и отследить. Иногда они становились похожи на стоны, а порой на вздох. Ритм самой жизни и одушевления воды.

Я жалела жителей материков, которые думали, что омары живут в органическом стекле. Людей, которые считали, что морская соль — изысканное название вещества, которое они высыпают из синих коробок.

Такие люди и понятия не имеют, что значит стоять на палубе, окруженной только стихией. Я чувствовала себя снова целой, святой — только я и океан, который простирался почти на весь мир. Перед заходом солнца небо потемнело. Более глубокий оттенок синего сказал мне повернуть назад. Небо ясное, и мне захотелось дойти еще до одной приманки. А может быть, двух. Или пора заканчивать?

Сейчас часы рыбалки, а у меня и так достаточно неприятностей. Еще нужно заправить лодку и продать омаров кооперативу до того, как они умрут.

Рыбачить, когда тебе запрещено, достаточно сложно. Поэтому пришлось удовлетвориться десятью приманками и обещанием, что вернусь в ближайшее время. Так я лгала себе, когда шла домой. С отливом задняя сторона Джексон-рок станет опасной. Мне нужно обойти с восточной стороны. Не моя вина, что именно там утесы переходили в отмель. А то, что мистер Грей жил именно там, не имело никакого значения.

Головная боль вернулась, острая, но необычайно приятная. Головокружительная. Заманчиво, наверное. Поэтому, когда я проходила мимо Джексон-рок, замедлила ход. Этого достаточно, чтобы рассмотреть берег и нормально осмотреть его. Забавно, что я была здесь много раз, но не могу вспомнить чтобы видела берег. Другая сторона острова — загадка. И кажется, я единственная, кто заметила его.

Сидя в кресле, отец притворялся спящим. Рана на его лбу достаточно заметная. И руку он держал так, словно ее нужно перевязать. Я почувствовала жалость, смешанную с раздражением. Он должен был понимать, что нельзя хвататься за крюк. Но все же он мой отец и ранен.

И из-за его травмы я решила выйти в море одна. Придерживая дверь пальцами, чтобы заглушить звук, я осторожно прикрыла ее. Шагнув на коврик перед дверью, затаила дыхание.

— Хм? — пробормотал он, поворачивая голову в мою сторону. Все еще притворяется.

Вытащив пачку купюр из кармана джинсов, я отсчитала их и положила часть в пепельницу, которую отец использовал для монет. Остальное оставила на потом. После, направляясь к лестнице, я пробормотала:

— Угу, это я.

Он снова отвернулся к окну. Похоже, в больнице ему разрешили забрать розовые пушистые тапочки, — это объясняло, почему они красовались на его ногах.

— Мне нужно заняться домашним заданием, — сказала я.

— Звонили из школы.

Внутри все сжалось. Ухватившись за перила, я обернулась.

— Да?

— Они сообщили, что ты пропустила двенадцать дней, — ответил он. Странная нотка прозвучала в его голосе и, наконец, он посмотрел на меня. — Где ты была?

— В основном копала пиявок.

Мы с отцом не разговаривали нормально. Могли вместе работать весь сезон и перекинуться всего парой фраз. Но между тишиной и покоем есть разница и с тех пор, как умер Леви, для нас наступило молчание — гнетуще ощущаемое и заставляющие чувствовать стыд.

Переминаясь с ноги на ногу, я выждала еще минуту, и решив, что он закончил говорить, почти добралась до лестничной площадки, перепрыгивая через две ступеньки, когда он окликнул меня:

— Забери деньги.

— Это то, что я могу дать, — ответила я.

— Мне плевать с высокой колокольни. Деньги твои, так что оставь себе.

Папа закрыл глаза и снова сделал вид, что спит.

Тошнота подкатила к горлу, лениво подступая все ближе. Долги почти выплачены, да и коммунальные услуги тоже. Мы никогда не обсуждали счета, и я их не оплачивала. Но нам было тяжело, и я помогала.

В семье все делали так, к тому же это и мой дом.

До сих пор никто не интересовался деньгами, которые я оставляла в пепельнице, (хотя все прекрасно знали, что они не от Санты).

Я потеряла руки.

— Я просто делаю все, что в моих силах.

Он сжал зубы. Рана на его лбу сморщилась, проявляя порез еще четче.

— Ты уже достаточно сделала.

Фраза имела много намеков. Что именно он имел ввиду? Точно сказать не могу, но она ранила меня еще сильнее. Я спустилась ниже, но не отпустила перила. Вместо этого произнесла несколько слов, осмелившись оспорить его решение и задеть гордость.

— Нам нужен будет мазут в этом месяце. Мама сказала, что это пятьсот долларов.

— Уилла, — предупредил он.

— Отец, — ответила я.

— Не заставляй меня повышать голос.

В глазах все плыло. Я пересекла комнату и быстро вернулась на лестницу, пихая купюры в карман. Между нами образовалась огромная пустота. А в голове эхом проносились фразы, которые я не произнесла.

Например, «Ты не обязан все делать сам, папочка» или «Что с тобой не так?» Я не хотела зарабатывать продажей пива. Или быть тем человеком, который платит по счетам.

Ворвавшись наверх, я желала совершить много необдуманных и ненужных покупок. То, что я могла купить на эти деньги. Новый телефон, пирожные Passion Flakies, печенье Oreo, мороженное или болванчика для пикапа Бейли. Бесплезную мелочь. Ноутбук или подержанную лодку и инструменты для нее. Последнее выглядит как предательство, поэтому стыд заполнил меня. Но тут снизу раздался громкий голос отца. Не думаю, что он орал на меня. Просто кричал, но я все равно его слышала. Внизу шуршала газета, а отец гремел:

— Я сам могу содержать собственный дом.

— А кто говорил, что это не так? — громко заявила я в ответ.

— Заткнись!

Оцепенение слетело с меня. Раздражение и эмоции слились воедино, и я ухватилась за косяк двери, чтобы не упасть.

Мужчина внизу не мой отец. Это Билл Диксон, который дрался голыми руками и не соглашался на пиво, потому что хотел виски. Билл Диксон, избивший лучшего друга, чтобы тот не прыгнул в зимнее море; который спокойно принял удар от Мэла Эдрича словно это поцелуй.

Я никогда не видела этого человека. Он был легендой, мифом. До сих пор.

Я закрыла дверь спальни и прислонилась к ней. Не для того, чтобы плакать, а чтобы успокоить свое сердце. Запрятав свои чувства подальше, позволила им уйти с глаз долой. Пусть остаются в темноте, почти неосозаемыми, так будет легче их игнорировать. Поэтому,

будто все в порядке, я сняла свою засаленную одежду и проверила телефон. В полдень Бейли прислала смс:

«Будет вечеринка на Гарленд-Бич, придешь?»

Ага. Да, я приду.

Грей

То, что я вижу из своей изящной тюрьмы.

Проклятие и есть проклятие — атрибуты прекрасны. Они должны быть, чтобы искушать взор и покорять сердце. Позолоченные пакеты, тарелки, наполненные любым деликатесом, который мне нравится, — сахар в яде. Мой облик или Сюзанны — неземные монстры.

Я дьявол с ангельской улыбкой. Та, что думала обо мне, — заметила меня сегодня. Я едва заметил ее, но стоял на утесе и чувствовал, как она приближается. Она сомневалась — видела сквозь магию всего лишь мгновение и этого мгновения было достаточно. Я все еще не до конца реален, но почти осязаем. Сначала она должна колебаться, а я верить.

Но самое важно, я в ее мыслях.

Если мы похожи, если она хоть немного похожа на других в этой цепи несчастных душ, она будет вспоминать обо мне все чаще. Видеть меня во снах, размышлять и анализировать свои соображения до тех пор, пока не придет. Пока не предстанет передо мной, не коснется меня, не разглядит мое лицо.

Черты мои прекрасны. Ее светлее. У всех тех, кто снаружи, лица всегда такие. Именно так я их вижу, когда смотрю на городок, проклятый, но так и не осознавший этого.

Когда становится особенно ясно, а до недавнего времени я всегда сдерживал туман, я вижу дома. Цвета слоновой кости, красные, темно-фиолетовые и коричневые — они усеивают холмы. Я вижу церкви и их великопепельные шпили. Открытые двери. Как закрываются окна.

Люди для меня не больше, чем оркестр, который играет в музыкальных шкапулках.

Просто точки света. Днем я вижу только самые яркие пятнышки — тех, кто проплывает мимо маяка. Но ночью я созерцаю больше. Раньше я смотрел на небо, но теперь только на берег. Все эти души — движущиеся созвездия.

Сегодня вечером они собрались вместе на берегу. Горит костер. Тлеющие угольки поднимаются в воздух. Пытаюсь вспомнить ощущения и мне даже кажется, что чувствую запах дыма. Прекрасное море и костер, поглощенные сгущающимся туманом.

Ничего не могу с этим сделать. Если туман приходит, значит так тому и быть. Мне надоело обуздывать стихию для них. Я наблюдаю, как они кружатся над пляжем. Зависть — я признаю это. Их так много — облако светлячков. Яркие вспышки ослепляют, но они меня не интересуют.

От этого видения у меня болит голова. Проклятыми глазами я вижу только их жизни, длину. Если они долго живут в этом мире, становятся яркими. Те, что меньше, гораздо тусклее. На этом пляже есть несколько человек, которые вполне могут умереть. Скоро так и будет. Я спрашиваю про себя: «Ты мог бы сгинуть в море ради меня?»

Неважно утонут ли они или жизнь унесет грипп. Подерутся или пристрелят кого-то — главное, чтобы нелепая случайность привела их в мои воды, освещенные маяком. Мои владения простираются на двадцать миль во все стороны кроме суши. На берегу они вне моей досягаемости. Так что, если они попадут в воду до того, как испустят последний вздох, будет чудесно. Это самое малое, что они могут для меня сделать.

Я хорошо присматривал за городом. Вел себя достойно. Я сто лет сдерживал туман — щедрость. Много хороших и ясных дней. Я был терпелив. Я мог погубить сотню рыбаков за все это время. Сбивать с пути, топить корабли о скалы, скрывать надвигающиеся бури.

Теперь я понимаю, что Сюзанна утопила столько, сколько смогла, прежде чем поняла, что время и количество предадут ее.

Так что я был настоящим джентльменом. Очищал небо. Никого не убил за сто лет. Я собирал души, но только те, которые приходили случайно, тех кто сам погибал.

Когда они понадобятся мне, под галереей есть встроенный в стену шкаф. Там много стеклянных банок.

Да, при всей моей наивности, что следует искупить свои грехи на этом острове, я упустил из виду два факта.

Во-первых, моя власть над туманами, а во-вторых, шкаф с банками. Прошло десять лет, прежде чем в гавани затонула лодка. Кувшины звякнули, требуя моего внимания.

Я откупорил одну, и душа залетела туда. Гул наполнил комнату, словно он был удовлетворен. А я тоже ощутил легчайшее умиротворение. Вкус надежды, осознание того, что я смогу освободиться от проклятия, не губя души.

В конце концов, моря ненасытны. Моряки и рыбаки постоянно пропадают в нем. Но не так много, как я считал. Оказалось непросто. До этого лета я собрал еще две души. А летом, наконец, цифра увеличилась до четырех.

Четыре души за сто лет. Я редко использую математику, но подсчитать сумму могу. Мне потребуется 20 496 лет, чтобы собрать нужное количество.

Дольше, чем ход письменной истории человечества, чем существование человечества. Поэтому — совершенное проклятие. Выполнение условий казалось вполне возможным. Надеялся, что смогу сохранить свою душу и нравственность. Просто оставить все как есть и извлекать пользу.

Но нет — на моей территории не так уж много трагедий.

Даже если бы я решил переступить через себя и научиться наслаждаться убийством невинных, должен быть честен: в «Сломанном Клыке» мало душ. Если я заберу их разом, их семьи покинут мои владения. Никого не окажется рядом. Очень расчетливое и умное проклятие. Двадцать тысяч четыреста девяносто шесть лет.

Прошло всего сто лет, а я уже устал от тишины, магии, подарков, доброты, великодушии, чести и от себя. Вцепившись в перила, думаю, может, перекинуться через них. Ребячество, глупая драма без зрителей, и что еще хуже, это не будет иметь ни малейшего значения.

Лампа скрежещет позади меня, непрерывно вращаясь. Ее жар опалает — чувствую его. Но мое тело не прерывает свет. Я нематериален.

Души на пляже не подозревают, что я наблюдаю за ними. Желаю их. Замышляю что-то против них. Невежественные, все до единого — они танцуют, колеблются. Они достаточно далеко, поэтому я не могу наслаждаться их музыкой или подслушивать разговоры.

Сейчас я ненавижу их больше всего на свете. И я безмерно счастлив, что она думает обо мне. Мне не потребовалось много времени, чтобы передумать. Совершить то, чего я поклялся никогда не реализовывать. Всего сто, но это ерунда перед перспективой провести еще двадцать тысяч четыреста девяносто шесть лет?

Уилла

Звук вечеринки настиг меня раньше, чем я дошла. Музыка разносилась вдоль пляжа, люди смеялись. Кто-то подбросил в костер еще одно полено и искры взметнулись в небо. Пепел относил к воде, а затем он исчезал в темноте.

За волнами в тумане виднелся Джексон-рок. Не было видно даже силуэта маяка, лишь луч света пробивался сквозь завесу. Сосны казались мазками, выступающими из тумана; утесы, возвышались из пустоты.

Прозвучавший сигнал маяка промчался сквозь темноту и дымку. Как будто живой, он мог провести меня по световому мосту к тайнам острова. Портовые колокола зазвонили, как церковные в день свадьбы. Простояв минуту, я заморожено смотрела на гавань, словно не видела ее прежде.

Я ни о чем не думала, мысли мои были чисты. Вдруг я осознала, что в руках болтается упаковка из шести банок пива, а до меня доносится запах камней и воды. На минуту мне показалось, что все в порядке. Нет ни вины, злости или страха.

Потом что-то блеснуло на островном утесе. Воображение разыгралось — я подумала о мистере Грее. Моя фантазия пыталась приобрести форму — то, что я видела на Джексон-рок рыбака в одиночестве. Эти мысли напомнили мне о вине, страхе и злости. Вот что привело меня на берег. Я стиснула зубы: посещение вечеринки для меня приравнивалось к войне. Я собиралась пить, смеяться и танцевать. Подпаливать пальцы об маленьких моллюсков и пареную кукурузу. А если кому-то потребуются деньги, чтобы сходить в магазин, они у меня есть. Если Сет захочет спрятаться ото всех в пещере с одеялом, я готова.

Обогнув костер, я подняла руку в тот момент, когда Кейт Тумбс прервала поцелуй. Она была влюблена и висела на Бейли. Ее тонкие волосы обрамляли лицо, отражая огонь.

Вместо того чтобы помахать в ответ, она улыбнулась. Что-то шепнула Бейли, и та посмотрела на меня.

— Ну смотрите, кто нас осчастливил, — крикнула Бейли.

Я оттолкнулась и протиснулась сквозь толпу, чтобы добраться до нее.

— Отец еще дома? — спросила она, когда я подошла ближе.

— Угу, иногда по утрам.

— Все в порядке?

Пожав плечами, я сказала:

— Прекрасно. Ты же знаешь его.

Кейт попыталась освободить для меня место, что было очень мило, но ничего не вышло.

С тех пор как вместо скамеек мы использовала коряги, выброшенные на берег, их всегда мог кто-нибудь взять. Подтащив одну из таких, я поставила ее так, чтобы можно было повернуться спиной к огню, а лицом к ним и морю, где за нами клубился туман.

Сев, я жестом указал на Бейли и сказала:

— Я злюсь, потому что ты заморочила мне голову.

Бейли поняла меня, в отличии от Кейт. Девушка напрягалась, а Бейли пнула мой ботинок.

— Хорошо. Когда?

Я понизила голос:

— Сегодня я покинула порт одна.

— Да?

— Ага.

Я кивнула, а мой взгляд скользнул мимо них, к тени острова вдалеке. Вспышка и сияние исчезли.

— Так вот, вытаскиваю я приманки с дальней стороны Джексон-рок. Занимаюсь своим делами так сказать.

Бейли ухмыльнулась.

— Угу.

— Поднимаю голову и бах. Здравствуйте, мистер Грей, наблюдающий за мной.

Заливаясь смехом, Бейли наклонилась к Кейт. Сплетя их пальцы вместе, она устроилась поудобнее. Но для начала она снова пнула мой ботинок.

— О, Диксон, да иди ты. Если у тебя галлюцинации, это твоя проблема.

Где-то внутри часть меня испытала облегчение. Сказания не реальны — просто я сумасшедшая, раз решила, что видела духа. Услышав это от Бейли, мне стало легче. Но другая часть меня все еще уговаривала обратить внимание на Джексон-рок. Я считала, что пока играет музыка и горит костер, я могу игнорировать это ощущение.

— Мой дядя видел леди Грей, — сказала Кейт.

Бейли удивленно посмотрела на нее.

— Безумный дядя Джон?

— Нет, дядя Джон клянется, что корабль-призрак, путешествующий во времени, перевернул его лодку.

Такая, с одной стороны, абсурдная, а с другой, правдивая ситуация, что я рассмеялась.

— А это еще что?

Кейт пожала плечами.

— Не помню, название фильма это или государственной программы. Проект Манхэттен? Филадельфийский Эксперимент? Они изобрели корабль-невидимку, исчезающий во времени.

— Я почти уверена, что что-то из этого фильм. — Развеселившись, я подняла руки и выругалась. — Не мне судить.

Кейт выпятила нижнюю губу и сдула челку с лица.

— Во всяком случае, об этом рассказывает дядя Джон. А двоюродный дедушка Далтон — вот он один из тех, кто видел леди Грэй.

— Подожди, это тот динозавр? — спросила Бейли.

Затем, не веря своим ушам, она повернулась ко мне:

— Ему тысяча лет уже!

— Девяносто восемь.

— Без разницы. Он древнее мумий.

— Хэй, это моя семья, Бейли, — одернула Кейт, но тут же закатила глаза и улыбнулась.

В ответ Бейли сморщила нос. Я отвернулась, чтобы дать им немного времени. Во всяком случае, столько, сколько они могли получить, целуясь на пляже среди всех, кого мы знали.

Прежде чем они смогли бы забыть, что я здесь, я прочистила горло:

— Значит, тебе есть что еще рассказать об этой истории?

Кейт разгладила свою вязаную шапочку.

— Нет, прости. То есть да, но он так бубнит.

— И пахнет ромом, — добавила Бейли.

— А кто нет? — спросила я и встала.

Раскачивая банки пива, я стояла рядом с ними, пока они не махнули в сторону толпы.

— Ребята, вы видели Сета?

— Не думаю, что он здесь, — ответила Бейли.

Она нахмурилась, и я тоже. Сет любил вечеринки и находится в центре внимания. Он выбирал музыку и приносил ребятам новые напитки. Окружая себя людьми, поддерживал свой авторитет. После тусовки Сет всегда в первую очередь навещал всех, кого знал. А я всегда была последней, к кому он приходил. Мне нравилась тишина. Мне нравились простор, пространство и море вокруг.

Я встала и кивнула в сторону костра.

— Хочу прогуляться.

Оставив Бейли и Кейт, я пошла на звук альт-рока, задерживаясь там и сям, чтобы переброситься парой фразочек с людьми. В основном «Как дела, как поживаешь?», такие вот коротенькие диалоги. У всех в «Сломанном Клыке» все замечательно, и никто не видел Сета.

До меня донесся приятный запах. Брезент над ямой, где располагались морепродукты, был все еще натянут. Я раздумывала, возможно ли добраться до них на так, чтобы никто не заметил.

Пока я гадала, ко мне подошел Ник. Его черные длинные волосы блестели в свете костра и ниспадали на глаза. Он обнял меня за плечи и взял мое пиво.

— Сет сказал, ты не придешь.

— Наверное, он ошибся.

Он обнял меня — пот и одеколон делали его взрослее. Он не приставал ко мне, просто только так он мог снять банку пива, не выпуская меня.

— Как поживает твой отец?

Такое поведение для Ника вполне нормально. Он как большая овчарка, которая всех обожает. Почти все любили его в ответ. Но даже когда я позволила ему дать мне одну из банок пива, чувствовала себя неловко.

— Замечательно. Просидел на заднице весь день. Думаю, завтра его не будет дома.

— Хм, — протянул Ник, — мисс Помрой сказала, что «Дженн-а-Ло» утром не находилась в порту. Это удивило меня и Сета.

Я пожала плечами.

— Возможно, ей померещилось.

— Знаешь же ее. Возможно, с утра накатила.

Ник поднял свою банку и сделал большой глоток, чтобы продемонстрировать это. Затем выражение его лица изменилось. Слишком быстро и громко он продолжил:

— Я получаю лицензию.

— Рыбацкую?

Ник довольно кивнул. Один карий глаз показался из-под его растрепанной челки.

— Возможно, когда у тебя будет своя лодка, ты наймешь меня.

Моя кожа покрылась мурашками, и я подняла руку Ника. Проскользнув под ним, я попятилась к огню. Разговоры других людей были завязаны на этой теме. Это нервировало меня, показывая мою жизнь с разных углов.

— Так где Сет?

Сделав вид, что осматривается, Ник наконец пожал плечами.

— Отливает, наверно.

Эмбер Джуэтт прошла мимо, а потом вернулась, когда поняла, что у Ника есть пиво.

— Могу я купить у тебя банку?

Она уже рылась в кармане, не обращая на меня внимания. Часть серебряной сережки протягивалась вверх к уху, жемчужины свисали с петель и отражали свет костра. Она тоже училась в ювелирном классе.

— Это пиво Уиллы, — сказал Ник.

— Просто бери, — сказала я и продолжила свою прогулку.

Слабые угольки тлели под утесом на берегу, где располагалась другая часть вечеринки. Если к нам придут копы или береговая охрана, они, вероятно, поймут, что сидящие в пещерах пьют у костра. Но на всякий случай мы всегда держались порознь.

Под сапогами ощущала скалистый берег. Я сунула руки в карманы пальто, сторбив плечи.

Отойдя на расстояние от костра, осознала, что уже почти зима. Мое дыхание впустило пар, а ветер пробрался за воротник.

Спина покрылась мурашками, а следом и вся кожа.

Все ощущалось неправильно. словно земля перевернулась, но не двигалась в отличии от воды. Я бы смогла найти равновесие, будь все иначе. Но поверхность под наклоном, а ветер дует не с той стороны.

Что бы ни говорил Бейли, я ощущала остров. Он казался живым и наблюдал за мной. Звучит намного безумнее, чем галлюцинации.

Задев красную косу на шляпе Эшли Джуэтт, я растворилась в толпе. Я знала всех этих людей, и они по привычке уступили мне место. Но поскольку я была подобно ангелу смерти в этих краях, я решала поддерживать разговор.

Протянув банку пива, я спросила:

— Кто-нибудь хочет?

Ночь продолжалась. Гул стих и ничего не осталось в темноте. Медленно мы приближались к огню. Слишком холодно оставаться на утесах, даже если есть с кем поговорить. Сет так и не появился.

Наши вечеринки на Гарленд-Бич обычно заканчивались музыкой. Вместо того чтобы вытащить гитару, Ник подключил свой ноутбук к внешней батарее и включил музыку, записанную их маленькой группой. Песни, которые он писал вместе с Леви — Ник всегда улыбался, но не сейчас. Без моего брата, который бы пел, играть было неправильно.

— Ты тихий, — сказала я.

— Устал, — ответил он.

Он бросил бумажную тарелку в огонь и сел на камни. Должно быть, это какой-то холод, подумала я. Он выгнул спину дугой, вытянул руки, затем резко упал.

— Ты на машине?

Взяв кусок колбасы, я покачала головой.

— Нет, пешком.

Огонь трещал, полный раковин мидий и кукурузных початков. Ник повернулся и положил локоть мне на бедро. Его волосы откинулись назад поэтому, когда он посмотрел на меня, я увидела проблеск его лица.

— Я могу отвезти тебя домой.

— Ты прикончил шесть банок пива, — ответила я.

— Тогда провожу тебя. Ты должна перестать быть сукой по отношению к Сету.

Сначала я подумала, что ослышалась. Мои пальцы замерли, больше не роясь на дне миски в поисках объедков. Все было неоднозначно, и я взволнованно захлопала глазами.

— Что ты сказал?

Ник со вздохом прислонился к бревну.

— Он пытается тебе помочь, Уилла.

— И кто просил тебя?

— Никто, — ответил он. — Я единственный, кто может тебе это сказать. Потому что я тебе не друг. Ты сестра моего друга. Девушка моего лучшего друга. Ты мне нравишься, но... Может, стоит отпустить ситуацию?

Поднявшись на ноги, я бросила мусор в огонь и повернулась к нему.

— Это невозможно, придурок. Как, по-твоему, я могу все забыть?

Ник откинулся назад, оперившись на локти.

— Жизнь не остановилась. Поэтому прими как данность. Сегодня уже двадцать третье июля. Не думаю, что ты заметила.

Возражения крутились в моей голове. Терри Койне еще даже не предъявили обвинения. Также счета за дом, но отец не позволил мне помогать. Морской запрет, жизнь, которой не суждено осуществиться.

Должна я отпустить все или нет — не он должен был мне это сказать. Он не из «Сломанного Клыка». И не имел права меня судить.

— Я не хочу тебя обижать, — заявил он.

Застегнув куртку, я попятилась от него. Может быть, мой голос сорвался. У меня перехватило горло, лицо горело, но я не собиралась плакать из-за него. Ни одна мысль не могла оставить меня в покое.

Поэтому я сказала:

— Ты не можешь заставить меня чувствовать хоть что-то.

— Извини, что назвал тебя сукой. — Нахмутив брови, Ник обхватил руками колени. Он выглядел маленьким, но не молодым. Темные глаза, которые он прятал за волосами, были словно колодец, такие же бесконечные, пустые и глубокие, — хотя это правда.

Я оставила его там, смотрящего на огонь, потому что он прав. Он не был моим другом.

Грей

Я наблюдаю за тем, как она идет по городу. Она отличается от остальных. Теперь ее свет обрел форму. В нем вырисовывается силуэт волос и покачивание ее шага. Остальные просто светятся, так много светлячков в темноте. Она видела меня. Узнала. Но не пришла.

Почему она не пришла? Может быть, здесь есть какой-то трюк, который я не знаю? Секрет, который хранила Сюзанна, когда заманила меня сюда? Стоя на утесе, стараюсь быть маяком. Это глупо — выдавать желаемое за действительное. Даже если бы она смогла разглядеть меня на таком расстоянии, я тоже стал бы светлячком для нее. Если бы я был сиреной, спел бы ей. Если бы это была сказка, я мог бы послать испорченное яблоко.

Но это проклятие, а проклятия приходят с мучениями. Я должен страдать и это совершенно новая агония. Я провел так много лет, сдерживая туман, потому что ни один хороший человек, у которого есть совесть, не будет покупать свою свободу кровью.

Теперь понимаю, что я больше не человек. И она — игра света, не более реальная, чем

сон наяву. На самом деле, хуже. Она — мерцающее кольцо обещаний, которое вне досягаемости. Я могу ходить кругами, тянуться к этому свету и вечно упускать. Надежда — это мучение.

Так что не имеет значения, что она думает обо мне. Она уже видела меня. Знает. Спасения не будет. Никакого спасения. Или я проведу две тысячи лет на этом маяке, двадцать тысяч, вечность. Если только я не сделаю этого. Задаюсь вопросом: а почему бы нет?

Уилла

Ночью в «Сломанном Клыкe» наступает тишина. В домах нет света, а люди спят.

Уличные фонари гудели и изливали болезненный оранжевый свет. Тишина ощущалась в тумане, странные тени на каждом углу. В моем доме тоже темно. Пикап отца исчез, но машина Сета стояла на подъездной дорожке. Подходя ближе, я поняла, Сет внутри. Я заметила, что его голова лежала на руках, которые располагались на руле. Внезапно я почувствовала себя совершенно разбитой.

Обогнув машину, подошла к водительской двери и постучала в окно.

С изумлением Сет резко выпрямился. Сначала я подумала, что он спит. Потом осознала, что на его лице не было сонной дремоты. Каждая черта напряжена: губы и глаза. Он начал опускать стекло, но вдруг передумал. Помахав мне в ответ, открыл дверь.

Но не вышел. Он раскрыл дверь почти полностью. Затем повернулся ко мне, все еще находясь внутри машины.

— Я не знал, где ты.

— У меня есть телефон.

Сет кивнул. Он потер ладони о джинсы, затем поднес их к лицу. Не я одна портила наши отношения. Глядя на него, я сразу поняла, что он не прав. Он ошибался — мы оба. Затем Сет повернулся, словно собирался выйти из машины. Стоило ему двинуться, как я почувствовала запах парфюма. Он исходил от его пальто, легкий и сладкий.

Острая боль пронзила мой живот. Сердце замерло, и я подумала, что оно может остановиться. Я знала, чьи это духи. В последний раз, когда я чувствовала его, — та девушка, плюнула мне под ноги. Вероятно, она бы ударила меня, но знала, что я не промолчу в ответ.

Подняв руку, я сделала несколько шагов назад. Голос мне не принадлежал. Он был хрупким и резким.

— Ты провел ночь с Денни Уэллет?

Сет выглядел застигнутым врасплох. Не виноватым, а удивленным. Поморщившись, он застыл в машине, так и не выйдя из нее. Перегнувшись через сидение, потянул себя за волосы и глубоко вдохнул. Вместо того, чтобы почувствовать стыд, он резко вскочил.

— Я устал делать все правильно, Уилла. Тебе этого мало. Я не могу сделать тебя счастливой. Замечательно. Не могу тебе помочь. Я делаю все, что только можно, но тебе это не нужно.

Похолодев от недоверия, я уставилась на него.

— Значит, ты мне изменил?

— Мы просто катались по городу.

— Я знаю, что это значит!

Сет оцетинился.

— Ничего не было.

Я пошла прочь короткими, напряженными шагами. В голове гудело, гнев застилал глаза, а мозг отключился. Все, что я сказала, казалось, просто выскользнуло наружу, потому что слова были под рукой.

— Пошел вон. Иди домой. И заberi Ника. Он напился на пляже. Можешь поговорить с ним о том, что я сука, как облажалась, а когда отвезешь его, может быть, Денни позволит

тебе остаться на ночь и будет милой. Держу пари, с ней никогда ничего не произойдет и всегда все будет в порядке.

— Уилла, я...

— Я сказала убирайся!

С таким же успехом я могла бы дать пощечину Сету, потому что он не мог выглядеть более уязвленным. Но он не имел права грустить и жалеть меня. Он не собирался плакать. Единственный раз, когда я видела его слезы — концовки военных фильмов, когда люди либо возвращались домой, либо нет. Он выпрямился, сел в пикап и положил руки на руль. Он видел, как я смотрю на него, ожидая, когда он уедет. Наконец он потянулся за ключом.

— Я не этого хотел.

— Но это то, что ты получил.

Под моей болью скрывалось сочувствие.

Или сострадание.

То, что чувствуешь, когда тот, кого любишь испытывает страдание.

Не важно, что он сам виноват и боль причинили мне. Оглядываясь назад — я была занозой в заднице. А все это — потому что я совершила ужасный поступок. Так что мое поведение вполне объяснимо, как и то, что Сету нужен был кто-то милый. Но это не оправдывало его. Его никто не заставлял впускать в свою машину Денни Уэллет. Он сам так решил.

Я смотрела, как Сет уезжает. Стояла посреди улицы и уходила в себя.

Поклялась, что все будет хорошо. Хрупкое, нарушенное спокойствие начало разрушаться. «Просто переутомление» — говорила я. Устала, замерзла и явно не собиралась рыдать посреди Тэкстэр-стрит. Но нет, я разрыдалась посреди Тэкстэр-стрит. Именно я издавала эти ужасные животные звуки. Живот свело, а в горле встал ком. Мой плач нельзя назвать приятным, слеза скатилась по моей щеке. Истерика началась против моего желания. Сет и Бейли — мои постоянные спутники. Якоря, две точки, которые соединились, чтобы стать моим севером. Я не знала, как жить без них. Когда я подняла голову, все, что увидела — пустота на горизонте. Будущее, в котором Сет катался с другими девушками, а Бейли уезжала в колледж и никогда не возвращалась домой.

Пустое место за обеденным столом и в два раза меньше рождественских подарков под елкой. Где я стояла на берегу и наблюдала, как лодка уходит без меня. Ник ошибался. Двадцать третье июля еще не закончилось. И этого никогда не будет. Победенная вошла в дом. А когда услышала звук телевизора наверху, пошла к нему.

Пройдя по коридору в спальню родителей, я выглянула из-за двери. Мама сидела, прислонившись к спинке кровати. На коленях у нее лежала книга с кроссвордами и шариковая ручка. Она не смотрела на меня, хотя знала, что я здесь. Затем она похлопала рядом с собой.

Я не спрашивала, где отец. Не хотела знать, а поскольку она засиделась допоздна, у нее, вероятно, не было ответа.

Присаживаясь рядом, я положила голову на ее плечо. От нее исходил запах чужих сигарет и мыла.

— Как вечеринка?

— Отстой.

Она прошептала что-то в ответ. Проведя рукой по моим волосам, она начала их распутывать. Праздное прикосновение. Привычное движение. Может, мы все завернулись в

свой кокон.

Эти мысли не смогли пройти дальше, столкнулись с оцепенением, охватившим меня. Так продолжалась до тех пор, пока я не осознала, что не чувствую пальцев ног. Даже мой голос звучал отстраненно.

— Я думала, ты ненавидишь это шоу, — пробормотала я, уткнувшись в мамино плечо.

— Верно.

Звук был включен. А все потому, что в доме слишком тихо. Стало тихо.

Зажмурившись, я прижалась к ней еще ближе. Хочу снова стать десятилетней. Тогда я могла положить голову на колени мамы и все плохое исчезало. Тогда она тоже гладила мои волосы. Лечила плохой день праздными прикосновениями, пока читала журнал или смотрела шоу, которое не любила. Как бы я хотела, чтобы это снова помогло.

— Сет мог бы войти, — сказала она.

Я замерла. Знала ли она, что он ждал на подъездной дорожке? Ком опять встал в горле. Душил меня, и в который раз я пожалела, что мне не десять лет. «Жених и невеста Сет Арчамбалт» — в то время это была единственная моя проблема.

— Я знаю, что это маленький городок, но чувствую себя спокойней, зная, что он приглядывает за тобой.

Шок, слезы и всевозможные ужасные чувства грозили вырваться наружу. Мне хотелось сказать ей, что мы расстались, но вместо я прикусила губу.

Она захотела бы узнать причину. Мне пришлось бы рассказать. Но она не сможет понять, насколько мне больно. Возможно решит, что это моя вина. Ник считал так. Отец тоже.

Задыхаясь от всего этого, я пожала плечами, заставив себя говорить нормально:

— Ему нужно вернуться домой.

Пошевелив пальцами, она снова вернула их на мою макушку.

— Хорошо.

— Он передал привет.

— В следующий раз, когда увидишь его, передай тоже. — Я кивнула ей в знак согласия.

На секунду моя жизнь снова стала нормальной. Прижавшись к маме, я смотрела телевизор. Ее пальцы в моих волосах, отвлеченный разговор. Все как обычно. Чтобы попасть в этот оазис, мне пришлось солгать себе, матери и всему миру. Но это было лучше, чем разваливаться на части, кусочек за кусочком.

Грей

Я растворяюсь в тумане, чтобы он услышал мой зов. Собираю его с неба, с моря, туго стягиваю и прижимаю к себе.

В конце концов, это моя цель. Я владыка тумана. Мой крест — принести спасение или гибель. Все эти годы я сдерживал его. Ощущая его боль вместо собственной крови.

Теперь он мне нужен. Он растягивается вдоль воды, а затем поднимается. Колеблется, словно живое существо. Тени кружат внутри него и порождают новые. Странные огни отражаются в нем, взрываясь серебристым сиянием. Один за другим гаснут уличные фонари в городе.

Дома жмутся друг к другу, прежде чем их проглотят. Утесы исчезают, но они высокие, поэтому часть их видна. Всегда есть что-то великое, большое — гадаю, есть ли там какая-нибудь земная колдунья, которая пытается понять, что с ней произошло. Возможно, ее проклятие управлять пылью — почему-то не могу это представить.

Хотя та магия, которая исполняет мои желания, никогда не давала мне информацию о моем проклятье, но позволяла мне изучить различные легенды и мифы. У меня много книг. На острове Полис-Айленд в Южной Каролине живет серый человек, но он всего лишь предсказатель. Предупреждает об ураганах, не более того. У ирландцев много духов и они не заботятся о душах, не ищут освобождения.

Я один. И сейчас это ощущается сильнее. Меня дразнят и это делает меня одиноким. Схожу с ума.

Поэтому я использую единственную силу, которая у меня есть. Призываю и приказываю повиноваться. Обволакиваю туманом все, что в пределах моей территории. Воздух уже почти затвердел, словно пелена, окутавшая мой остров и деревню одновременно. Теперь и она исчезла, а я могу отдохнуть.

Уилла

На этот раз я не пропускала школу. Уроки отменили из-за тумана.

Густой и холодный он окутывал улицы. Ни лучи солнца, ни фары машин не могли пробиться сквозь него. Каждые тридцать секунд вдалеке ревела береговая сирена. Звук отдавался эхом в тумане — такой чужой и далекий. Я задержалась у входной двери, прислушиваясь к радио, работающему на кухне.

— Из-за атмосферного давления влажность воздуха сегодня выше, чем обычно, — бубнил механический голос.

Метеорологическая служба использовала бота, запрограммированного говорить что угодно. Голос для рыбаков — мама называла его папиной подружкой. Сегодня речь шла о том, что на море будет буря. Папина подружка вещала о масштабном внетропическом циклоне — лучше купить молока и хлеба.

И то, что туман развеется через два часа. Нужно проявлять крайнюю осторожность. И если никаких дел нет, лучше остаться дома. Но я закрыла дверь и пошла во мглу.

Запнувшись на ступеньке, я засомневалась. Видимость была нулевая. Люди говорили о таком густом тумане, что не видно руки перед собой. И то верно. Я дотронулась до носа, а потом потянулась к перилам — рука исчезла.

Не видно теней и оттенков, я снова споткнулась на дорожке перед домом, по которой ходила всю жизнь. Вместо того чтобы вернуться назад, я закрыла глаза. В «Сломанном Клыкe» не было ничего особенного. Я представила себе все — ступеньки, тротуар в двух шагах от почтового ящика.

Глубоко вдохнув, сделала более уверенный шаг. Потом еще один, а затем открыла глаза и двинулась дальше. Телефон издал звук в кармане, и я достала его. Очередное сообщение от Бейли, она хотела знать, что происходит. Была еще парочка таких же.

«ТЫ БРОСИЛА СЕТА!?»

Я никому не отвечала. На местном форуме было объявление о продаже подержанной тридцатипятифутовой лодки в Милбридже. Точнее — куча хлама, похожего на лодку с холстов, где виднелся обветренный и серый корпус.

Поскольку она стояла на прицепе, а не на воде, я задумалась, что с ней не так. В объявлении говорилось, что у нее сгорела прокладка головки блока, вероятно, но думаю проблем там больше. На фото было видно потрескавшееся название, выведенное оранжевой краской: «Неважно». Конечно, не в моем стиле, но без разницы — она дешевая.

Оплата счетов больше не моя проблема, поэтому деньги у меня есть. Мне просто нужно поймать попутку, чтобы взглянуть на нее. А для этого мне необходимо дойти до шоссе сквозь туман. Земля была твердой, а расстояние небольшое. Еще пара кварталов до главной дороги, и я окажусь прямо на шоссе № 1.

Но мои ноги были не так уверены в отличие от меня. Я пошатнулась на краю тротуара, прежде чем поняла, что свернула с него. И тут услышала громкий звон портового колокола. Нахмурившись, я остановилась и обернулась. Звук воды пробирался сквозь завесу. Стихия яростно билась о берег и борта наших пришвартованных лодок.

Я повернула совсем не в ту сторону. Вместо того чтобы идти к трассе, я свернула к морю. Протянув руки, я нащупал знакомые деревянные перила причала. Осторожно

скользнула ногой вперед.

Напряжение обвилось вокруг меня, туго, как веревка. Я ушла недалеко, но все равно заблудилась. Из-за минутной паники не получалось вдохнуть, холод обжигал мою кожу.

Это просто туман. Все что следовало сделать — сесть и ждать. Может, минуту или час, два. Мгла развеется. Так происходит всегда — каким бы плотным он ни казался, это лишь пар. Призрак на воде, низкое облако. Он исчезнет.

Осознавала это. Но сердце все еще громко билось. Мир не имел формы, и я не знала, где нахожусь. А может, в белой завесе находилось что-то еще. Какая-то опасность, зло, затаившееся и выжидающее за моей спиной.

Натянув рукава, я затаила дыхание, прислушиваясь.

Искаженным звоном прозвучал еще один портовый колокол. Он эхом отдавался надо мной, вместо того чтобы распространяться по воде. Когда я поняла, что не могу надеется на слух, тяжело села. Знала, что я сейчас как те моряки, которые ослепли из-за тумана. Их приборы переставали работать, глазам они не могли доверять, поэтому полностью полагались на свою интуицию.

Иногда им везло, они замечали чайку или маяк, следуя к этим точкам спасения. Но многие уходили в открытое море и никогда не возвращались домой. Надо мной пронеслась вспышка.

Откинув голову, я уставилась в пустоту, где не было просвета. Затем луч снова осветил небо. Свет подпрыгнул, мерцая в странном узоре. Он не прорезался сквозь туман, а придавал ему форму.

Поднявшись, ждала, когда луч появится снова. И вот я повернулась в сторону света и села. По ту сторону располагался Джексон-рок, впереди лишь океан. Город позади. Этот свет не выведет меня к дому, но так стало спокойное. На маяке кто-то был — тянулся ко мне сквозь яркий свет.

Клянусь, я слышала, как пронесится луч. И на этот раз он действительно разрезал мглу. Завеса расступилась — узкая полоска тянулась прямо к берегу. Вода стала подобно асфальту. Туманные завитки закружились по нему. Недалеко виднелся нос лодки.

Она отвязалась от пристани и качалась между камней, тихо ударяясь о них, когда волны пытались унести ее. Вокруг нее сгустился туман. И только с одной стороны можно было хоть что-то увидеть — море и лодку. Будь она моей, я бы хотела, чтобы кто-нибудь вернул ее на место, поэтому я начала спускаться по склону. Без разницы, где сидеть на камнях или тротуаре. Держаться за верёвку или обхватывать колени. Когда появится видимость, я смогу пригнать ее к берегу и привязать к пристани.

Я схватила лодку за нос, а мои ботинки вступили в воду. Никогда не видела столь хорошо сохранившуюся лодку. Снаружи она белая, гладкая и без сколов. Внутри медово-золотое дерево, отполированное до блеска, дно в бронзово-коричневых оттенках. Я не увидела верёвки.

Лодка была тяжелой, и она сопротивлялась так, словно хотела вернуться в воду.

Борясь, я попятилась к берегу. А она тянулась в сторону Джексон-рок, да и к тому же ей помогал прилив. Холодная вода забрызгала мои джинсы. Руки замерзли, и я отпустила ее.

На корме должен быть идентификационный номер или имя — возможно, и то и другое. Поскольку в туман идти я не собиралась, просто позже распространю информацию.

Но лодку не унесло. Она лениво качалась на воде, словно присматриваясь. Никогда подобного не видела. Это неестественно, так же, как и этот просвет.

Прежде чем я всерьез задумалась об этом, лодка повернулась ко мне кормой. Мне даже не надо было присматриваться, чтобы увидеть имя. Я похолодела, увидев надпись.

«Уилла»

Громкий звук, исходящий от маяка, снова громко отозвался рядом. Свет отражался от моей кожи и потрескивал в ушах. А лодка ждала. Стояла на воде словно на якоре, а волны плескались вокруг.

Мое дыхание стало тяжелым, когда я всмотрелась вдаль. На Джексон-рок снова появилась фигура. Она была слишком далеко, чтобы разглядеть лицо, но я готова поклясться, что видела ее. Темные глаза повернулись ко мне. Тонкие губы плотно сжаты.

Наконец, я потеряла ее из виду. И тому было единственное объяснение. Мысленно я унеслась прочь, прячась от реального мира. Забыла все, что натворила. Именно поэтому я ухватилась за корму и шагнула в лодку. Вот почему я не отступила, когда она начала двигаться, безошибочно направляясь к Джексон-рок.

Поскольку все это иллюзия, я не боялась и пришвартовалась на дальней стороне острова. У меня началась мигрень. Отдаленная боль, которую легко игнорировать. Мое тело знало, что я не принадлежу этому месту, но лодка не соглашалась. Она ударилась о берег и остановилась. Странно, остров казался будто бы живым — дышал, уговаривая меня убраться отсюда.

Как только я ступила ногами на землю, лодка исчезла в тумане. Я обернулась как раз вовремя, чтобы увидеть, как исчезает тропинка от острова к берегу. Туманный занавес закрылся за мной. Я не могла сказать существовал ли материк, море и та часть земли, откуда я пришла. Туман клубился сам по себе. Он расступался только перед островом, показывая береговой склон. Сквозь деревья пробивался бледный свет. Холода не было, но я все равно поежилась. Я ощутила запах земли, воды и ели. Луч снова прошел над головой, осязаемый и осязаемый.

Сунув руки в карманы толстовки, я направилась к просвету между соснами. Маяк был на другой стороне. С воды остров выглядел маленьким, но продвижение по нему, казалось, занимало целую вечность.

Когда сосны стали гуще, я осознала, что в лесу слишком тихо. Никаких следов животных. Ни птиц, щебечущих в своих гнездах. Ветви дрожали, когда я проходила мимо, шептались позади меня. Тропинка слишком идеальна — странно. Если деревья и падали в этом лесу, то не привычным образом. Сквозь ворох иголок и подлеска проступал гранит, словно обнажая скелет острова.

Казалось, я шла по диораме. В третьем классе мы все должны были воссоздать сценку из истории штата Мэн в коробке из-под обуви. В коробке Леви — Лейф Эрикссон, стоял на берегу Мэна под флагом викингов.

А в моей — снег падал на поселение Плимутской компании в Поупхэме, где маленькие поселенцы (сделанные из спичек) голодали под соснами. Мой брат получил отлично за работу, а я записку для родителей и два визита к школьному психологу.

Но таков для меня штат Мэн. Красивый на вид и угрожающий. А вот от Джексон-рок исходила опасность. Я знала этот остров только снаружи. Свет исходил от него, но не падал на него. «Мистер Грей здесь», — пронеслось в мой голове.

Я не стала спорить с этим убеждением. А зачем? Конечно, я его видела. Залезла в заколдованную лодку и поплыла без ветра, весел и мотора. Волосы на моих руках встали дыбом, а спина напряглась. Ничто не могло заглушить звук моих шагов — слишком громкие.

Боком я спустилась с холма и остановилась. Под маяком я была крохотной. Крепкий и широкий, вблизи он тянулся вверх к небу. И больше не выглядел хрупким.

Шестеренки привели маяк в движение, и я почувствовала свет на своей коже. Он давил на меня и заставлял стискивать зубы, чтобы они не стучали друг о друга.

Но так как все это иллюзия, я продолжала идти. В любой момент ожидая, что кто-нибудь встряхнет снежный шар, разбудит меня, ущипнет — вернет в реальный мир. Обойдя маяк, я подумала, что это сон. Из тех, что заставляют тебя проснуться до того, как ты упадешь.

Серебристые завитки тумана ползли ко мне. Протягивая свои щупальца из-за деревьев. Туман задел мои волосы и коснулся шеи. Мгла усилилась, сгущаясь. Словно молоко, которое наливаешь в кофе, а оно сворачивается. Оттенки, формы и углы превратились в черные глаза и серебристые волосы. Тонкий рот, острый подбородок. Чья-то рука протянулась, чтобы взять мою.

— Я думал ты не придешь, — сказал он.

Я тоже. Может, в сказках можно найти верные слова, которые нужно говорить духам. Или снах — там это имеет смысл. Но стоя там, я ощущала его пальцы — шершавые. Настоящие.

Я проснулась — это реальность. Так что все, что мне оставалось — вспомнить, как мама учила меня хорошим манерам. Однажды в «Сломанном Клыкe», когда я была по колено в воде, она встретила на улице знакомых. Мама научила меня пожимать друг другу руки и произносить:

— Приятно познакомиться.

Грей

Внезапно я принимаю решение и внутренне содрогаюсь. Слишком много эмоций для моей хрупкой кожи. У меня такое чувство, что я состою лишь из швов и трещин, готовых вот-вот разойтись. На моей тарелке за завтраком не было коробки, потому что я хотел найти способ покончить с этим. Магия, управляющая проклятием, игнорирует желания, которые хотят обмануть его. Вначале я пытался торговаться.

Каждый день в течение года я мечтал, чтобы кто-нибудь попал на остров, и все напрасно. Писал записки и засовывал их в бутылки, только чтобы увидеть, как бутылки тают, превращаясь в туман сразу, как касаются воды. Я мечтал о свободе и смерти.

Забавно, насколько буквальной может быть магия — прошлой ночью я хотел покончить с ней. И в моей тарелке было пусто. Вместо этого туманная дорожка от острова до берега открылась и позволила ей прийти ко мне. Она пришла ко мне! Она на моем острове, и я наконец-то вижу ее так же, как Сюзанна видела меня. Мой ключ из тюрьмы. Она — дверь, которую нужно отпереть, и как лучше всего сделать это? Меня поражает, что она больше не просто свет. Рассекая волны на лодке, она похожа на свет. Но когда я беру ее руку, вижу каждый оттенок. Она — осень в акварели, волосы, губы и глаза. Жестоко, но я никогда не узнаю ее мельчайших подробностей. Это еще одно наслаждение, доставляемое моим проклятием — полная изоляция. Не будет мне знакомых лиц ни на расстоянии, ни в пределах досягаемости. Уиллу я вижу так, словно она стоит по другую сторону смазанного маслом стекла. Она фигура. Оттенок.

Впечатление. И ничего более.

Если она и красива, я не могу этого разглядеть.

Может, это и к лучшему; если она некрасива, я не узнаю этого.

— Заходи, — говорю я и она кивает.

Она не похожа на хрупких девиц в платьях. Носит бриджи и сапоги. Не наступает мне на пятки. Знаю, что за столетие многое изменилось. Я видел проблески в чужих окнах, но она здесь. Реальная. Стоит в дверном проеме моего маяка, а рука выскользывает из моей.

Смотря на меня с любопытством, она улыбается.

— Так кто же ты, в конце концов?

Так много ответов на этот вопрос. Я призрак, который бродит по маяку. Сын без родителей. Любовник без сердца. Нужен правильный, поэтому я жду, пока она войдет внутрь. Пусть мой дом говорит за меня. Она останавливается в холле и запрокидывает голову. Мои полки располагаются на стенах. А там стоят музыкальные шкатулки. Они сверкают и дрожат. У каждой есть ключ, который нужно повернуть. Совсем как она.

Указывая на свою коллекцию, я произношу:

— Выбирай любую.

Но она не поддается на уговоры. Смотрит на меня, и тень пробегает по ее лицу. Хотя ее окружает сияние, я различаю веснушки и серебристый шрам через бровь. Поджав губы, она сначала молчит, но потом:

— Как тебя зовут?

Я ничего не забыл. Сто лет — это не так уж много. Я не могу вспомнить лицо моей матери или каково это стоять под солнцем. Помню мелодии песен, но совсем забыл слова. Но за сто лет нельзя забыть, кем я когда-то был и кем стал. Я окутываю свое имя, закрываюсь словно моллюск — оно только мое.

— Разве ты не знаешь? — спрашиваю ее. — Я мистер Грей.

Она делает шаг вперед.

— То есть если я захочу написать тебе письмо, мне следует начинать с «Дорогой мистер Грей».

Я так давно не получал писем. Боль затопила меня от желания получить хотя бы одно. Она понятия не имеет, что делает со мной. Что уже значит для меня. Поэтому я заставляю себя улыбнуться.

— Слишком официально, сойдет и «Дорогой Грей».

— Хм.

Когда она снова поворачивается к моей коллекции, я борюсь с желанием погрузить руки в осеннее сияние, которое, вероятно, ее волосы. Холод отступает. Она теплая, и я тоже хочу быть таким. Вот что чувствовала Сюзанна, когда я был человеком, а она туманом. Неудивительно, что она позволила мне поцеловать себя. И то, что она то же клялась мне в любви. Прямо сейчас я скажу что угодно, лишь бы она повернулась и прикоснулась ко мне. Я должен быть чудовищем или принцем? Так трудно решить. Наконец, я говорю:

— Мое имя ты знаешь, а как зовут тебя?

— Значит вот как это работает?

Я киваю, потому что так намного легче, чем выбрать роль. Она проводит пальцем по полке и останавливается рядом с музыкальной шкатулкой из сердцевины дерева. Я вставил в крышку золотые нити, петли за петлями, которые ловили свет под определенным углом. Я не могу вспомнить мелодию, заключенную в ней. Уилла не заводит ключ. Кажется, она хочет прикоснуться к нему, но сдерживается. Сосредоточенно смотрит на меня, но в конце концов приоткрывает губы.

— Ты должен знать. Оно было на лодке.

Так ли это? Я все еще не уверен, что изменилось, но у меня будет достаточно времени, чтобы разобраться. Теперь она здесь. Ей нужен ответ, хоть что-то от меня, и я должен ей это дать.

Протянув руку, беру шкатулку и поднимаю крышку. И мелодия немного проигрывается.

— «И она пошла через ярмарку». И как я мог забыть название?! Я хочу услышать его от тебя, — говорю ей и протягиваю шкатулку.

Настороженная, она не протягивает руку к шкатулке. Гораздо мудрее Персефоны; она знает, что нельзя брать дары из подземного мира. Но мое проклятие не заключено в дарах или зернах граната. Она все равно дает мне то, что нужно — первый поворот ключа. Мне необходима личная информация — ее имя. Я заставлю ее полюбить меня.

Уилла

До этого момента я не верила в существование мистера Грея. Но сейчас что-то (кто-то) стоит напротив меня. К тому же я видела, как он вышел из тумана, своими собственными глазами.

Он прошел мимо, и я попыталась его рассмотреть: кожа как кожа, а волосы как волосы. На первый взгляд человек из плоти и крови. Волосы ниспадали на спину, подобно свадебной вуали. Их слегка окутывал туман. Если присмотреться, дымку можно заметить везде — на пальцах, воротнике и губах.

— Извини, — сказал он. — Могу я предложить чаю? У меня так давно не было гостей.

— Вообще-то я не пью чай.

Он снова повернулся ко мне.

— Кофе? Какао?

— Не знаю...

— Тогда посиди со мной у камина.

Когда он махнул рукой в сторону, я увидела незамеченную прежде дверь. Музыкальные шкапулки завибрировали. Призрачные ноты наполнили комнату прежде, чем затихнуть.

Грей покинул комнату, и я расслабилась. Я не хотела оставаться одна здесь.

Маяк похож на Тардис (Тардис — машина времени и космический корабль из британского телесериала «Доктор Кто».) — внутри больше, чем снаружи. Иначе объяснить его размеры тяжело — одна комната, заполненная музыкальными шкапулками, и еще одна дверь из ниоткуда в другую круглую комнату. Внутри тепло и витает приятный запах — свежий хлеб, корица и ваниль.

Аккуратные стопки посуды поблескивали на неровных поверхностях. Медные кастрюли свисали с полок над головой. Возле стены стояла старомодная печь, черная и громоздкая.

Грей открыл дверцу и бросил внутрь пару поленьев. Его передвижения по кухне напоминали перемещение воды. Пальцы Грея обхватили темно-коричневый сосуд. А затем взяли ложку.

Цвет его кожи был жемчужно-белым — не бледно-розовым, или просто бледным. Странно, но меня отвлекла его поза — он стоял, расправив плечи и приоткрыв рот.

Все мои знакомые выглядели иначе — мы постоянно сутулились от таскания снаряжения и копания пиявок. Но даже в журналах и фильмах я не видела такой позы.

— Две чашки или одну? — спросил он.

— Ты в самом деле варишь какао?

Из ящика у стены он достал кувшин — к фарфоровому изделию прилип конденсат. Он осыпался, когда Грей дотрагивался до него. Наливая молоко в сотейник, он взглянул на меня.

— У меня что напыщенный вид? Я с удовольствием сварю для тебя какао.

Мне потребовалась секунда, чтобы понять, что он не шутит. Проведя рукой по столу, я опустилась на стул.

— Как долго ты живешь здесь?

— Сто лет, — ответил он. Грей убрал кувшин в сторону и потянулся за деревянной ложкой. — С 1913 года.

Слишком точный ответ. Если бы кто-нибудь спросил меня, как долго я живу в «Сломанном Клыкe», я бы ответила, «Всю свою жизнь». Или «Около семнадцати лет». Не крайний случай «Какое-то время». Он не может быть человеком. Он чудовище или дух. А может, призрак. Нервно постукивая пальцами по столу, я вымолвила:

— Невероятно. Мой дедушка рассказывал мне о Серой леди. Он слышал о ней от своего отца.

Помешивая молоко, Грей посмотрел на меня, и мы встретились взглядом. Угольно-черные, как будто без зрачков, глаза. Даже не карие. Бесконечный мрак, смотревший мимо меня или, что еще хуже, сквозь.

— Она моя предшественница. — Он указал на свою одежду: жилет, пиджак, галстук. — Как видишь, леди меня назвать можно с натяжкой.

У меня перехватило дыхание. Долги и оплата по счетам.

Логика стряхнула с меня мягкое, странное оцепенение. Боль затопила такая, словно я содрала кожу в колена. Голову переполняли мысли. Я пыталась найти смысл в том, что не может быть реально.

Когда земля была плоской, моряки влюблялись в русалок. Пытаясь приблизиться к ним, они бросались в воду и тонули. Но это были ламантины, упитанные и тучные, а не русалки. Издали они походили на купающихся девушек. К тому же, если моряк уже долгое время в море, вспомнить, как выглядит настоящая девушка, крайне трудно.

Разве не это они видели? Ламантинов? Фантазии?

Я уже ни в чем не могу быть уверенной. Грей поставил передо мной кружку.

Шоколадные крошки поднялись над ободком, когда он добавил туда горячего молока.

— Перемешай, если не любишь комочки.

Истерический смех не успел вырваться из моего горла. Это просто безумие сидеть здесь и пить горячее какао с мистером Греем, обсуждая прошлое.

Внезапно мое сердце забилося так быстро, что у меня закружилась голова. Отодвинув стул, я встала и попятилась к двери.

— Видимо я ударилась головой.

Грей отставил сотейник в сторону.

— Тогда отдохни.

Я отшатнулась. Мышцы напряглись. Позвоночник словно хрупкое стекло, а желудок взбунтовался при мысли о том, чтобы прилечь отдохнуть здесь. Музыкальные шкатулки загудели, когда я проходила мимо них.

— Спасибо, но думаю мне пора вернуться домой.

Внезапно Грей оказался передо мной. Но вместо того, чтобы остановить, он открыл дверь. Прижавшись к ней всем телом, он стоял и ждал, когда я выйду наружу. Проходя мимо него, я вздрогнула. Я задела его рукой — он был напряжен. По ощущениям холодный и мягкий, словно туман.

— Разве ты ничего от меня не хочешь? — спросил он.

Едва спустившись по ступенькам, я споткнулась, но тут же выпрямилась. Он почти шептал. Но слова четко звучали в моей голове. «Хочу ясные дни и хорошую погоду», — подумала я. Но сжала губы, чтобы не произнести это вслух. Поэтому я покачала головой.

Он не последовал за мной. Даже руку не протянул. Темные пятна его глаз были печальны. Эту печаль видно невооруженным взглядом. Из-за нее его улыбка стала пугающей.

— Иди, если тебе нужно.

Показалась тропинка между деревьями, и я побежала к ней. Я не знала от чего бегу. От острова или от себя — всё произошедшее словно дурной сон. Неудачное путешествие. Внутреннее чувство говорило мне, что Грей не станет меня догонять. Спотыкаясь и оступаясь, я пробиралась сквозь кусты. Страх того, что буду говорить вслух, заставил меня зажать себе рот.

Молить о чуде. Просить о хорошем сезоне — я боялась, что не смогу остановиться. Если он был реален, услышал бы. Паника нарастала, напоминая о суевериях и оплате долгов. Джинны исполняли желания буквально. Феи — монстры. А мне нужна стойкость и привести мысли в порядок.

Когда сквозь деревья показалась береговая линия, я поскользнулась на камнях. Мои теннисные туфли скользили, поэтому я сильно ударилась о землю. Воздух выбило из легких, и я лежала, задыхаясь от боли. Земля была такой холодной, а камни острыми. Встав на четвереньки, я заметила, что по руке потекла теплая струйка крови. Дрожа, я подняла голову.

Там, в развеявшемся тумане, стояла лодка. Нет никакой ошибки в том, что она ожидала меня. Мое имя виднелось на корме. Холодное октябрьское море омывало борта лодки. Я поднялась и оглянулась. За моей спиной сгустился туман. Серая и непроницаемая стена. Даже если он следил за мной, я бы не узнала.

Вот только я была уверена в том, что он наблюдает. Ощущала его присутствие, как если бы в моем ботинке был камень — такое ноющее чувство. Зажмурившись, я шагнула в лодку и молилась всю дорогу до дома. Вдруг заработал мой телефон. Как только я ступила на материк посыпались сообщения.

Они появлялись одно за другим, а еще был пропущенный звонок.

«Где ты?», «Ты дома?», «Эй!», «Ты что игнорируешь меня?» — все эти от Бейли.

Еще от Сета: «Ты дома?»

Пропущенный от мамы, а следом сообщение: «ДОМОЙ СЕЙЧАС ЖЕ».

Туман развеялся, и я могла дойти до дома. Дымка зависла, словно знамя, между домами, но улицы были чисты. Время на экране телефона показывало почти шесть вечера — это невозможно. Я потратила столько времени. Я ведь пробыла там недолго, даже какао не выпила.

Тени вытянулись, выглядывая из-за углов. Пока я шла к дому, зажглись фонари.

Они переливались в тумане, одни щербетно-оранжевые, другие тошнотворно-зеленые. Все дело в сердцевине лампочек и газе, который находится внутри — так говорила мама. Но для меня это выглядело, как мириады волшебных огней. Мой передний двор сиял серебром, белым светом, таким чистым и рассеянным. Я не стала искать ключи. Никто в «Сломанном Клыкe» не закрывал двери на замок. Медленно открыв дверь, я надеялась, что в гостиной никого нет. Может, они ушли кафе. В полицейский участок. Или в кино.

Нет, я неудачница. Мама вскочила с дивана, едва не втащив меня внутрь.

— О, посмотрите, кто пришел. Просто спокойно заходит! Где ты была, Уилла?

— В Милбридж, — ответила я. Ложь вышла легкой. — Там продается лодка...

— И ты не могла нам позвонить?

— Сети не было.

Глаза мамы расширились. Она отступила назад, окинув меня взглядом. Взгляд потемнел, а бледные губы плотно сжались.

— Это что кровь?

Я машинально прикрыла порез на руке.

— Я упала. Пустяк.

— Где ты на самом деле была, Уилла?

Наклонив голову, я попыталась проскочить мимо нее.

— Я же сказала, в Милбридж.

Мама грубо схватила меня за локоть холодными руками. Когда я болела, она становилась самой лучшей в мире и хватка всегда была нежной. Знала, когда необходимо приласкать или оставить в покое. Большинство людей не ощущают эту грань. Но в этот момент она злилась.

Мама затащила меня на кухню и отпустила локоть тогда, когда ее ноги коснулись линолеума. Схватив со стойки конверт, она повернулась и сунула его мне. Вскрыв его, я увидела кипу бумаг. От них пахло чужими духами.

— Это твоя повестка, — сказала мама, потянувшись к телефону на стене. — Они придут в школу и лучше тебе быть там.

Пальцы дрожали, когда я начала просматривать бумаги. Я не поняла, что там написано. Приметила лишь следующие слова: «Кому», «От» и «Касательно». Но заголовок обращения был предельно ясен. Меня вызывают в суд. Будут рассматривать вероятность лишения меня лицензии. Несмотря на то, что я догадывалась об этом, все равно возникло такое ощущение, словно меня окунули в холодную воду.

Прислонившись к стене, я изучала документы. Все ясно. Меня обвинили в порче снаряжения Терри Койне. Меня первую будут судить, а его дата суда позже.

Вот значит как? Колесо правосудия крутится быстро для тех, кто портит чужое имущество. Но если ты убийца, тебя выпускают под залог без разрешения на выезд из города. На месяцы, а может, навсегда. Я так сильно его ненавижу.

— Тебя искал отец. А теперь он не отвечает на звонки.

— Прости, — сказала я. Мама провела пальцами по волосам и накрутила их на них. Разгладились морщины на ее лбу, но глаза раскрылись шире. Белки окружали радужки.

Пугающая версия моей матери — хрупкая и ужасающая. Резко втянув воздух и торопливо выдохнув его, она сказала:

— Эта семья рушится на глазах.

А я стояла там, убирая повестку в конверт. Она права, и я понятия не имею, как все исправить. Если это вообще возможно. Время не обернется назад. Леви не вернется домой. Все разбилось вдребезги.

— Мне очень жаль, — искренне произнесла я.

— Ты не хочешь меня слышать, — ответила мама, отворачиваясь. Она смотрела на мое отражение в окне, встречаясь со мной взглядом. — Твой отец тоже. Но я считаю, что ты должна признать свою вину в суде.

Я издала обиженный звук, но мама продолжала говорить.

— Штраф небольшой, а три года — это немного. — Положив руки на стойку, она потянулась.

— Ты слышала слова той женщины. Она начнет настаивать на том, что у нас была война за территорию, хотя ничего не понимает в этом. Я не могу позволить ей нести вздор перед присяжными.

Холодное осознание пронзило меня. Я убрала повестку и крепко прижала ее к груди.

— Мам...

Она повернулась.

— Если честно признаешься, они поймут, что ты раскаиваешься.

— Как это вообще может всплыть?

— Не думай, что будешь просто сидеть в зале, если дело дойдет до суда. Адвокат этого человека чудовище. Он будет спрашивать тебя обо всем. Нет, помолчи. На этот раз выслушай меня. Просто послушай меня, Уилла.

Умолкнув, я собралась с духом. Мама оттолкнулась от стойки и взяла меня за подбородок. У нас одинаковый рост, поэтому, когда она впиалась в меня взглядом, я видела каждый оттенок и огонек в ее глазах. Она разговаривала со мной не как мать, а как полицейский на допросе. Взгляд неоспоримый.

— Когда ты будешь там, тебя попытаются сломать. Присяжные должны увидеть покаяние. Я не хочу, чтобы хоть один житель штата Мэн считал, что ты совершила такое же преступление что и Терри Койне.

А ведь так может случиться. В Матиникусе пару лет назад это произошло. Если я пойду в суд и буду отстаивать свою позицию, могу сохранить свою лицензию. Если я буду сражаться в суде, возможно смогу сохранить лицензию. Они знали, что я работаю на «Дженн-а-Ло» вместе с отцом, что моя семья не может позволить себе потерять человека с лицензий.

Но когда я осознала — мама настолько близко, что я чувствую ее дыхание — поняла, что моя борьба может погубить нас всех. Меня затошнило при мысли, что этот человек выйдет сухим из воды. Выйдет в море.

Я виновата в смерти Леви. Так что я обязана добиться справедливости. Я почувствовала, как холод вновь пробирается в мою душу и кивнула.

— Все будет хорошо, мам, — сказала я. — Я обо всем позабочусь.

Она провела рукой по моей щеке. Стальные нотки в голосе смягчились, и она тихо прошептала:

— Может, ты сможешь поступить в колледж вместе с Бейли.

Сейчас об этом лучше не думать. Все мои планы потеряли всякий смысл. Пытаюсь понять, что делать вместо этого. Пыталась сообразить, что теперь делать со своей жизнью... С таким же успехом я могла бы отправиться жить на Луну. Уткнувшись в мамин лоб, я сжала ее руки и отошла.

— Я подумаю об этом позже.

Поднимаясь по лестнице, я задевала плечом стену. Издаваемый при этом звук успокаивал меня своим шумом.словно ветер на Джексон-рок. А падая на белые простыни кровати, думала, что растворяюсь в тумане. Я провела там весь день, а казалось, что лишь час. Проваливаясь в беспокойный сон, я гадала: «Каково это прожить сто лет?».

Грей

Солнечный свет проникает в окно и будит меня. Прошлой ночью я оставил туман в покое и сегодня он развеялся.

На небе нет и пятна — идеальная картина. Оно настолько ясно, что в отражении виднеется океан и наоборот. Мир прекрасен и бесконечен. Все светится — ясьень и дубы не окутаны обычными тенями. Сегодня их оттенки алого и бронзового цвета — мерцают и покачиваются на ветру.

Сегодня я наскоро одеваюсь и бреюсь. И почему-то достаю из шкафа серую ленту и завязываю волосы. Ненавижу их длину, мне не нравится, как они змеятся вокруг моих плеч.

Я словно медуза-альбинос — и ножницы мне не помогают.

В течение 1950 года я стригся. Каждое утро выбривал голову. Ужасно. Поэтому первое, что я сделаю, когда освобожусь, — подстригусь. Парикмахеры — болтуны и я готов слушать все, что угодно.

И о зарубежных войнах или сельском хозяйстве. Жалобах на боль в пояснице или рыбалке. Без разницы. Ведь это будут разные голоса и лица. Новое место, гораздо лучше этого.

Я спешу сбежать вниз по лестнице. Двигаюсь так быстро, что чары ослабевают. Мои музыкальные шкатулки мерцают, а я смеюсь — разрываюсь от смеха! громко! — когда растворяются вдали и показываются высокие занавешенные стены столовой. На завтрак будут яйца всмятку и тосты, колбаса, печенье и апельсиновый сок. И все, что я хочу знать об Уилле. Вместо привычных мне шестеренок и пружин. Перед сном я просил: «Я хочу узнать ее». Моя тарелка уже стоит и там есть награда. Передо мной два ежегодника из школы Ванденбрука. Нетерпеливо пролистываю их и откладываю в сторону. Слишком много информации.

Под ними есть что-то еще — фотографии. Цветные фотографии! Они великолепны.

В первом классе Уилла такая маленькая. У нее кривые зубы и торчит воротник. Она стоит рядом с мальчиком, который почти не похож на нее, но у него шокирующий оттенок волос.

Они облакачиваются на поручни лодки, а за ними темнеет небо. Вдалеке я распознаю мой маяк, а когда переворачиваю фотографию, вижу подпись. Почерк неэлегантный и простой, но он так много мне открывает: Леви и Уилла, 4 июля.

Я восхищаюсь. Пожелтевшие обрывки газет дают мне информацию о дате ее рождения, о том, что она заняла второе место в конкурсе рыболовов, о смерти ее бабушки и дедушки. Плохого качества копии фотографий, где она на лодке с отцом, с неизвестными людьми. Она держит над головой огромного омара. Теперь она постарше, в клетчатом фартуке, сидит на крыльце.

Вот так перебирая кусочки я обнаруживаю секреты. На этом смятом клочке бумаги написаны цифры, имя: «СЕТ!!!!!» Различные рисунки лодки находятся в викторине по математике.

Уилла держит листок с названиями. Буквы наклонены, карандашные штрихи бледны и почти неразличимы. На первый взгляд в них нет смысла. Акионна, Мацзу, Галена, Тиамат. Но я распознаю Амфитриту — супругу Посейдона, богиню морей. Фетиду, одну из пятидесяти Нереид. Думаю, что список закончен — все до единого божества морей.

Вижу записку от куратора: «Уилле нужно участвовать в олимпиадах. Ее интересы, похоже, ограничиваются лодками, рыбалкой и океаном. Но у нее такой огромный потенциал. Мы бы хотели, чтобы в следующем семестре она попробовала что-то еще».

Есть еще одна записка, уже напечатанная: «Учитывая все обстоятельства, мы думаем, что класс ювелирного ремесла будет более подходить ей в столь трудное время.» Когда я убираю листки с тарелки, на ней появляется мой завтрак. Между едой я сортирую все по годам. Перекладываю бумаги и фотографии с одного конца стола на другой. Эта информация поможет мне выбрать правильное поведение по отношению к ней.

Когда, наконец, отхожу от стола, я удовлетворен. Я освобождаю место внутри себя, чтобы запомнить все о Уилле Диксон. Уже знаю, что ее день рождения наступит через восемь месяцев после годовщины ее родителей. И о том, если отталкиваться от эссе для

девятого класса, что она хочет жить и умереть на воде. Я могу исполнить это желание.

Уилла

Единственная причина, по которой я пришла в школу — мне должны вручить повестку. До самой последней минуты я выжидала, но все же пошла туда в одиночестве. Я надеялась, что представители суда найдут меня раньше первого урока. Во-первых, потому что я хотела расставить все точки над и, а во-вторых, чтобы окружающие не обсуждали это событие.

Взгляды. Шепот. Ванденбрук маленькая школа и здесь много людей, с которыми я не хотела встречаться. Они то появлялись в поле моего зрения, то исчезали: Сет на уроке английского, Ник возле своего шкафчика. Я заметила отблески золотистых волос — на долю секунды я заметила Денни Уэллет.

Только Бейли я не избегала — она поймала меня в коридоре. И снова этот ее строгий взгляд. Обычно он появлялся, когда она собиралась отчитывать кого-то за плохое поведение. Кажется, в прошлой жизни она была сержантом строевой подготовки. Мне стало интересно, о чем она думает и что собирается сделать со мной. Я вытащила из кармана браслет, который сделала на уроке ювелирного дела и протянула ей.

— Я закончила его. Можешь взять.

Я не дам ей возможность заговорить первой. Если я буду проворней, она не сможет прочитать мне нотации. Я так устала от них. От всего если честно.

— Или подари Кейт. Ну ты понимаешь, о чем я.

Бейли нахмурилась, перекатывая бусинки между пальцами.

— Я возьму его. Спасибо. Я хочу посидеть на улице и пообедать. Присоединишься?

Мы шли в одинаковом темпе, а она все так же теребила браслет. Обыденное действие, как если бы она поправляла рукава. Я распахнула дверь и шагнула на свежий воздух. Прикосновение прохладного ветра унесло тепло с моей кожи.

Но лучше всего то, что отсюда я не могу видеть Джексон-рок. Я почти убедила себя в том, что лодка и мистер Грей всего лишь сон. Если увижу маяк, иллюзия спокойствия исчезнет — он слишком реален.

Сидя на верхней ступеньке Бейли, рылась в рюкзаке в поисках обеда.

— Я тебе вчера отправила тысячу сообщений.

Я устроилась рядом и утатила сельдерей из ее контейнера. У меня был свой обед, но еда Бейли мне всегда больше нравилась.

— Да, знаю, прости. Вчера день выдался ужасным.

— У меня тоже, — произнесла она.

— Что случилось?

Открыв пластиковый контейнер Бейли, помешала вилкой салат из макарон. Затем вздохнула.

— У тебя и так достаточно проблем.

— И? Расскажи мне.

Она заколебалась. И я поняла — она обдумывает делиться этим со мной или нет. Ее что-то гложет, но она не хочет говорить. Я неуютно себя почувствовала — она ведь моя лучшая подруга. Ей нужно с кем-то поговорить, а я забыла про нее. Повернувшись, я ткнула Бейли локтем.

— Бей.

— Кейт решила подать заявление в Южно-Калифорнийский университет, — сказала она.

Бейли вонзила вилку в макароны и нервно убрала контейнер в сторону.

Я удивленно произнесла:

— Я думала, у вас совместные планы на будущее.

— Я тоже так считала, — горько ответила она. Сверкая глазами, Бейли взяла контейнер и снова отодвинула его в сторону. — Она заявила, что это место подходит лучше для того, чем она хочет заниматься. Я спросила, почему она раньше не рассказала мне об этом?

— А что она?

— Она не хочет меня тянуть за собой.

Обняв ее, я подвинулась ближе.

— Вы расстались?

— Нет, но все к этому идет.

Бейли провела костяшками руки по щеке и посмотрела вдаль. Она вновь казалась такой маленькой и отстраненной.

— Я не дура. Три тысячи миль — это слишком много.

— Но у вас еще есть полтора года.

— Да, но время ограничено.

Напрасно надеясь, я произнесла:

— Может, она передумает.

Бейли уделила этому вопросу крайне мало внимания. Махнув рукой, она сказала:

— Я не могу. Это все равно что сказать: «Хорошо, я буду любить тебя ровно столько, сколько возможно».

Положив голову ей на плечо, я задумалась. Не то чтобы мои мысли имели смысл. Но если и моя жизнь закончена, значит так оно и есть.

— Просто живите долго и счастливо. Думаю, это поможет.

— А потом они больше никогда друг друга не увидят. Вот и сказочки конец.

Бейли вытерла мокрую щуку, а после напряглась. Резко она взяла себя в руки.

— Кто-то идет.

У нее слух, как у летучей мыши. Она, должно быть, услышала чьи-то шаги на каменной дорожке, потому что еще никого не было видно. В предвкушении я тоже напряглась, все также внимательно смотря на Бейли. Поскольку мы не знали кто идет, я понизила голос:

— Я не пытаюсь тебя переубедить. Мне просто больно за тебя, понимаешь?

— Хочешь услышать от меня какую-нибудь глупость? — прошептала она.

— Конечно.

Вытянувшись, она наблюдала за дорожкой.

— Жаль, что ты не можешь меня отговорить. Мои счастливые мгновения остались на том пляже возле костра — последнее место, где я хотела провести вечность. Воспоминания я сохраню только для себя.

Ветер поднялся, деревья начали раскачиваться. И, наконец, на дорожке появилась темная фигура. К нам подошла женщина в парадной форме, а на бедре располагался пояс с оружием. Я знала за кем она, поэтому встала.

— Что за?.. — пробормотала Бейли.

Увидев нас, помощница шерифа прибавила шаг. Она положила руку на кобуру. Мне захотелось фыркнуть, потому что мы с Бейли выглядели очень опасными с нашими

рюкзаками и учебниками.

— Привет, дамы. — сказала она. — Не знаете, где я могу найти Уиллу Диксон?

— Это я.

Без долгих разговоров она проверила мое удостоверение личности и вручила толстый конверт. Зная, что находится внутри, я просто убрала его в задний карман. Подобно идиотке я поблагодарила женщину. Словно не могла дождаться ее прихода и суда. Но внутри я ощутила легкость — борьба прекратилась. Может, это шок, а возможно мне стало все равно.

— Это повестка, — сказала я Бейли.

Помощница шерифа уже исчезла из виду.

— Все в порядке?

— Замечательно, — сообщила я, а затем потянулась к ее контейнеру и попробовала салат. — Хочешь какую-нибудь подлянку ей устроим?

Бейли издала смешной звук — удивленный и смирившийся. Покачав головой, она откинулась на локти, окончательно забывая про свой обед.

— Не знаю. Спроси меня еще раз, когда мы расстанемся.

Повернувшись через плечо, я спросила:

— А не хочешь проколоть шины Сету?

— Нет, дурашка. — Она пнула меня ногой. — И ты тоже.

— Да-да. Давай будем просто наблюдать, как он катает Денни.

— Он просто усадит ее в свою десятискоростную машину.

Картина появилась перед глазами, и я рассмеялась. Это удивило меня и странным эхом отдалось в груди. Мы устроились поудобнее — нас снова обдало прохладным ветром, и мы одновременно вздохнули. Нам тоже скоро предстоит расстаться, но мы не касались этой темы.

Так как наступила неловкая тишина, я произнесла:

— Мы можем вытащить тормоза из ее машины для твоего пикапа.

— Заткнись, — ответила Бейли и сжала мою руку.

После школы я заскочила домой, чтобы взять оборудование. Я бросила копию повестки на стол, чтобы мама знала — я получила ее.

Та груда хлама, которая называется лодкой, все еще продается в Милбридж. В нее придется много вкладывать, а двигатель дорогой.

Туман рассеялся и прилив отошел. Вдоль горизонта тянулись сгорбленные спины — другие копатели уже работали. Ближняя к берегу грязь уже разворочена.

Мне пришлось идти пешком, чтобы найти нетронутый кусок, а мои сапоги засасывала трясина. Сквозь резину ощущался холод, который вызвал боль в костях.

Маяк, казалось, маячил перед глазами, но я не поднимала голову. В конце концов, день ясный и я не хотела видеть Грея, стоящего на утесе. Если отчётливо разгляжу его, не смогу заявить, что он галлюцинация, и мне придется признать его существование. А мне почему-то проще поверить, что схожу с ума.

Вдали выделялась белая лодка — скорее всего мой отец. Разглядеть четче с такого расстояния не получилось. Но чувствовала, что права. Много лодок были белыми, но эта находится рядом с тем местом, куда я бросала приманки. Кто-то зашевелился на палубе, а затем зашел в каюту. Лодка прошла еще немного по воде, перед тем как остановилась.

Должно быть, он вышел в море один.

Он медленно исчез в тени острова.

Горло сжало, и я попыталась успокоиться. Ледяные брызги грязи несли запах гнили и мертвой рыбой. В разы труднее работать, чем обычно. Словно моя сила и выносливость покинули меня. Конечно, грязь холодная — за исключением середины лета — но так было всегда.

Грабли вошли в грязь, но безуспешно. Просто черви и мидии — все. Я взяла оборудование и двинулась дальше, но как только я наклонилась меня окликнул мужчина:

— Эй, полосатая!

Взглянув на свой фартук, я выпрямилась.

Парень, кричавший мне, был худым и неуклюжим, с узким подбородком, с которого свисала козлиная бородка похожая на мох. Я не узнала его.

— Что не так?

— Как насчет того, чтобы свалить отсюда? Некоторые из нас работают, чтобы выжить.

— А с чего ты взял, что я здесь по другой причине?

Он ткнул граблями в мою сторону.

— У тебя есть лицензия, верно?

— Что, прости?

— Я видел тебя в газетах, — сказал он.

Случайно, как и большинство моих фотографий, парочка оказались в «Бэнгор Дейли». Поднеся пиявку к свету, он осмотрел ее бледно-розовое тело, а затем вновь взглянул на меня.

— Когда дело касается денег, территория важна, верно?

Напрягшись, я пробормотала:

— Прилив держался долго.

Парень снова наклонился и принялся копать, но говорить продолжал:

— Это несправедливо. Я ведь не могу прыгнуть в твою лодку и заняться рыбалкой. Так почему ты лезешь на мою территорию?

Во рту пересохло, а тошнота подкатила к горлу. Мне хотелось что-нибудь ему сказать. Кричать, пока не сорву голос. Он ничего не знает! Я не смогу рыбачить долгое время.

Вся моя надежда на то, что присяжные сохранят лицензию, напрасна. К тому же я решила перестать бороться. Оборвать эту часть своей жизни. Поэтому я смирились с тем, что буду копать пиявок, моллюсков или креветок. Какое ему дело?

— Что нечего сказать? — спросил он, вытаскивая очередную длинную пиявку. — Даже не спросишь, как дела?

— Работаю так же, как и ты.

Он фыркнул, бросая добычу в ведро.

Я сильно замахнулась граблями. Когда они врезались в грязь, я услышала звук — высокую повторяющуюся ноту. Грязь стала черной и тяжелой. Спустившись вниз, я попробовала еще одно место. Время от времени этот болтун что-то кричал мне.

Остальные копатели отошли от него, потому что он нарушил негласное соглашение — молчать во время работы. Никто не говорит тебе что и как делать — головы опущены, а пиявок убирают в ведро. В рыбалке все иначе, но это илистая отмель и болтунов здесь не любят. Хотя нет, мудаков.

— Сколько накопала, полосатая? — крикнул он.

Наконец, ему надоело, к тому же кто-то попросил его заткнуться.

Вода начала наступать, окружая мои лодыжки. А следом пришел туман — тонкий, серый. Клубящийся, когда ты переступаешь через него. Я хотела лечь и позволить грязи

поглотить меня, а воде накрыть с головой. Туман, словно бледное одеяло, умиротворяющий.

У меня почти пустое ведро, и внезапно я почувствовала себя слишком усталой. Я начала возвращаться к берегу, а каждый шаг давался с трудом.

Горячий душ смыл грязь, но не усталость. Я открыла окно спальни, чтобы впустить холодный воздух, и упала в постель. На нижнем этаже дома стояла тишина — отец еще не вернулся, а мама работала в ночную смену.

Я прислушалась, не скрипит ли лестница. Когда Леви заходил домой, я всегда слышала его возвращение. Такой долгий, протяжный скрип, а затем дребезжание дверной ручки. Я так сильно этого хотела. Из всех сил желала, бросая свою мольбу на ветер, словно пух от одуванчика.

В мое окно ворвался луч света. Загорелся маяк — маяк, где жил Грей. Там он ждал меня. Встав с кровати, я подошла к окну и смотрела на Джексон-рок.

Я не помню, видела ли раньше маяк из окна своего дома.

Прежде чем я успела всерьез задуматься об этом, уже надела пальто и направилась к берегу. Я скрутила мокрые волосы в беспорядочный узел и перевязала пучок резинкой, которая нашлась в кармане. Туман не был густым, лодки направлялись к пристани. Я шла, разглядывая фигуры, движущиеся по пирсу. Чайки кричали где-то в дали.

В просвете я уже заметила лодку с моим именем, которая приближалась к берегу. Не оглядываясь, я шагнула вперед.

Грей

Встречаю ее, когда она пришвартовывается к берегу. В этот раз я почувствовал, что путь открыт. Она считает, что лодку прислал я — на корме ее имя. Она упоминала это. Немного неожиданной магии — на этот раз проклятие на моей стороне. Я подаю ей руку и произношу:

— Ты как раз к ужину.

Замечаю карий оттенок — там, где должны быть ее глаза. Нет, еще я вижу золотистые и черные цвета, но в большинстве своём карий. Для меня она все еще похожа на мазок краски. Когда Уилла смотрит на меня я задумываюсь: «А каким она видит меня?»

Смотря на Сюзанну, я был ошеломлен. Каждая неземная вещь в ней очаровывала меня. Тем не менее, женская красота вряд ли сопоставима с мужской привлекательностью. Я могу нервировать Уиллу. Или даже пугать. Беру ее под локоть.

— Рад, что ты вернулась.

— Я даже не уверена в том, настоящий ли ты, — отвечает она.

— Что ты имеешь в виду?

Я смотрю на нее, ведя через темный лес. Листья начали опадать, обещая конец сезона. Они шепчутся трепеща, обнаженные деревья выгибаются над нами.

Пальцы Уиллы впиваются в мою руку. Как она может сомневаться в моем существовании? Она ведь чувствует меня. Я прерывисто вздыхаю, потому что она прикасается ко мне. Прошло сто лет с тех пор, как кто-то трогал меня. Нет ни малейшего шанса, что она осознает важность этого жеста. Уилла не смотрит на меня. Ее свет колеблется, когда она говорит. Интересно, какие у нее губы? Полные или потрескались... может, они нуждаются в поцелуе.

— Ну ты же призрак. Так утверждают жители города. Говорят, что, если кто-то сможет найти мистера Грея, он придаст удачи в море и ясные дни.

— Хочешь, чтобы я помог с рыбалкой?

Она рассмеялась.

— Я лишь сказала, что, по их мнению, ты должен делать.

Звучит смутно знакомо. Но не все чудеса я могу творить. Да, завтрак сам появляется на моей тарелке. Могу призывать и прогонять туман. Я собираю души тех, кто умирает в зоне моей досягаемости. У меня ограниченные возможности. Тем не менее, я изучил ее жизнь, используя записи.

Накрыв ее руку, я произношу:

— Давай договоримся всегда говорить друг другу правду.

— Что? — нахмурившись сказала она.

— Что не так?

Я иду впереди нее и останавливаюсь на опушке леса. Здесь нет лунного света, который освещал бы меня. Я призрачен и реален настолько, насколько она этого желает.

— Я не буду тебе лгать. Клянусь, буду говорить только правду.

Возможно, слишком пылкое обещание. Она делает осторожный шаг назад. Я должен что-то сделать, чтобы удержать ее. Соблазнить ее. Она не так проста, как я — хочет большего. Ей не нужны клятвы в любви от сирены с утеса.

— Я знаю, что ты страдаешь, — говорю я.

Честно, я просто догадываюсь об этом. Так должно быть — я изучил газеты, где фигурировала она. До этого лета Уилла была совершенно обычной. Но этот год, это лето — гобелен, и только я вижу нити в переплетении. Я знаю о ней больше, чем она может себе представить.

— Мне жаль твоего брата.

Она напрягается, ее тени становятся белыми.

— Я не хочу говорить о Леви.

— Действительно ли это так?

Туман окутывает нас, скрывая в своей глубине. Светясь, он захватывает лес своей эфемерной формой. Уилла поворачивается, смотря на тропинку позади себя — ее все еще видно. Если она снова захочет сесть в лодку и отправиться домой, я не стану ее останавливать. Думаю, теперь все ясно. Если она и романтична, то не показывает этого. Я не стану завоевывать ее силой или настойчивостью. Поэтому я задаю очередной вопрос тихим, интимным шёпотом, предназначенным только для нее:

— Ну так что, Уилла?

— Я убила его.

Протянув руку, я касаюсь пальцами ее света там, где должны быть плечи. Я тщательно подбираю слова — то, что она хочет услышать, а не правду. Для этого существуют друзья и семья. И я не виноват в том, что они не сделали этого. Я подхожу ближе и произношу:

— Я знаю.

Лед тронулся.

Уилла

Грей слушал. Просто молчал и не спорил со мной. Вслед за ним я зашла в маяк — мы сели на стулья, как и в прошлый раз. Музыкальные шкатулки завибрировали. Я опасалась, что они могут заиграть без чьей-либо помощи.

Словно на исповеди, я рассказывала ему все, о чем думала — о том, что той ночью я могла остановиться, изменить свое решение. Каждое неверное действие привело к тому, что Леви издал свой последний вздох на пристани. В этот момент уже ничего не имело значения — ни то, что произошло до, ни то, что случилось после.

Я высказала все мысли вслух. Даже то, что отец не бросил курить. Я не догадывалась, как сильно меня это беспокоит, до тех пор, пока не озвучила. Губы щипало, я посмотрела на Грея.

— Думаешь, я могла сказать что-то полезное. — произнесла я. — Я словно застыла. Во всех смыслах Леви был одинок. И умер один.

— Думаю, ты права, — ответил Грей.

Он сидел тихо, наблюдая за мной. Ждал.

Меня нервировало, что он больше ничего не делал — Грей не пытался меня утешить. Слова иссякли. Внутри меня наступила тишина. Я устала от себя. Встав, я огляделась в поисках лестницы — помню, что видела ее. К тому же это ведь маяк, она должна быть.

— Так значит ты здесь живешь?

Поднявшись, Грей коснулся моего плеча, поворачивая меня так, словно знал, что я хочу увидеть. Видимо так и есть, потому что, когда я прошла комнату, обнаружила лестницу, которая спирально поднималась вверх.

У меня перехватило дыхание — невозможно. Но на галлюцинацию или сон это тоже больше не похоже. Конечно, это было другое место, но не выдуманное.

— Давай я тебе все покажу.

Грей ухватился за перила и пошел наверх. Его удалось рассмотреть и со спины, и спереди — я видела его гладкую шею. Белая шея, серебристые волосы, стянутые лентой чуть темнее. Его одежда была накрахмалена, а воротник выглядел церемониальным.

Я прикоснулась к Грею, — несмотря на то, что я ощущала его тело и тяжесть руки, — не почувствовала тепла. Но он выглядел вполне реальным. Просто словно сотканный из полупрозрачного шелка.

— Моя библиотека, — сказал он.

Комната была меньше той, что внизу, но богатой. Лампы с цветными абажурами горели, отбрасывая свет. Кожаное кресло поблескивало — им пользовались — обивка местами посветлела, прикрытая скомканным одеялом.

Книги заполняли стены точно так же, как музыкальные шкатулки в комнате внизу. Некоторые из них кожаные и старомодные. Те, что с острыми краями и золотой кромкой. Под лестницей располагалась целая секция с книгами в мягких обложках — дешевые и потрепанные. Когда я дотрагивалась до них, исходил резкий запах.

Грей небрежно провел пальцами по твердой обложке.

— Я обожаю бульварные романы.

Я бегло осмотрела названия: «Принцесса Марса», «Тарзан — приемный обезьян»,

«Заводные девушки на побережье».

Когда дедушка Уошберн умер, я отнесла четыре или пять коробок с такими же книгами для пожертвования. Странная связь. Я остановилась, убирая назад на полку «Либерти Бойз 76».

— Сколько тебе лет?

Открыв толстый черный том, Грей улыбнулся.

— Если я отвечу, что «семнадцать», ты спросишь меня «Давно тебе семнадцать?»

Его призрачные брови приподнялись, он показал мне книгу, которую держал в руках, и я разглядела обложку. Белые руки сжимали красное яблоко.

Я посмотрела на него.

— Ты это серьезно?

Кажется его забавляла моя реакция. Скривив губы, он подошел ко мне, закрывая пальцем середину книги.

— Где-то сто семнадцать лет. Последние сто лет я мертв, поэтому точно назвать цифру не могу.

Я взяла из его рук «Сумерки» и перевернула ее. Книга настоящая — она подписана. Не понимаю.

Помахав ей перед носом, я спросила:

— Ты ходишь в книжный магазин?

— Нет. Я не могу покинуть остров.

— Тогда откуда у тебя книга?

Кажется каким-то неправильным, что что-то современное и настоящее находится здесь. Я окинула взглядом полки — бульварные романы и шикарные обтянутые кожей книги классиков. Но другие секции пестрели актуальными книгами: «Голодные игры», «Свобода», «Дьявол в белом городе» и «Бессмертная жизнь Генриетты Лакс».

Засунув руки в карманы, Грей встал рядом со мной. Доставая с полки «Мидлсекс», он коснулся меня плечом. Его бледные, призрачные пальцы скользили по ней.

— Я могу получить все, что пожелаю, Уилла.

Он произнес эту фразу так, словно это проклятие. Будто в него воткнули нож и с силой прокрутили внутри. Вздвогнув, я отложила книгу и посмотрела на него.

— Как?

— Мне достаточно попросить.

Грей указал на лестницу, которая внезапно снова появилась. Сунув книгу под мышку, он встал, ожидая, что я последую за ним. Я стояла и ждала, когда он обернется.

— Может, ты мне просто объяснишь без своих витиеватых фраз?

— Обычно в это время я иду в спальню, — сказал он, прислонившись к перилам. — Прости меня, но не буду показывать эту комнату. Я чувствую, что не вправе приглашать туда женщину.

Нетерпеливо я облокотилась на перила. Я так сыта по горло этими речами. Если он реален... Нет, он должен быть настоящим. Грей из тех типов людей, которые много разглагольствует о честности друг к другу.

Подняв подбородок, я произнесла:

— Как скажешь, Грей. Так что ты говорил?

— Я думаю о том, чего хочу, а утром это уже лежит у меня на тарелке. Я люблю собирать музыкальные шкатулки, поэтому думаю об их частях. Но иногда мне хочется

почитать что-нибудь новое. Например, свежую газету. Однажды я попросил дать мне возможность увидеть мир за пределами острова. Я надеялся на телескоп.

— А что ты получил? — спросила я.

— Интернет.

Он указал на стол, которого минуту назад здесь не было. Там поблескивал ноутбук, в тысячу раз лучше того, которым пользовалась вся моя семья. Я поняла, что направляюсь к нему.

— И как тебе это удастся?

— Не очень хорошо, — признался он. Вытянув руку, он ожидал пока я возьму его под локоть. Затем мы вместе пошли вверх по лестнице — я почти не слышала звук его шагов. — Когда я включаю ноутбук, он показывает только газеты. Везде война. Убийства в Балтиморе, статьи о пропавших детях, крах ярмарки штата, женщина, которая вырастила самую большую тыкву...

И тут я осознала, о чем он.

— Ты можешь просматривать только новости? Только так ты можешь узнать о мире за пределами острова?

— Верно.

Грей толкнул люк, и над нами пронесся ветер — холодный и порывистый, пытающийся не пустить нас на платформу маяка. Поднявшись, у меня перехватило дыхание — вокруг окружало море. Вода была зеленой и бесконечной, простирающейся во все стороны.

И ничто кроме воздуха не разделяло меня и океан — я видела все. Я подумала: «Что будет, если прыгну в море?» Наверное, превратилась бы в пену.

— Пенни за твои мысли, — сказал Грей.

Даже несмотря на то, что он отошел, я четко слышала его голос.

— Прекрасный вид, — произнесла я и прежде, чем успела сообразить, добавила: — Вода занимает большую часть мира. Из космоса земля настолько мала по сравнению с морем.

Лицо Грея исказилось.

— Космос?

Я перегнулась через перила, указывая на небо. Оно становилось пурпурным на востоке и багровым на западе. Для моряка красный оттенок неба это отрада.

— Человечество высаживалось на луне — заняло много времени, чтобы туда добраться. Оттуда есть фотографии.

Воздух обжигал своим холодом. Грей наклонился, посмотрев на небо.

— Снимки с луны...

— Ты любишь астрономию? — спросила я.

Он даже не оглянулся. Его слабая улыбка искривилась усмешкой.

— Мне нравится любой вид, кроме этого.

Позади лязгнули шестеренки и маяк ожил. Первоначально тусклый свет разгорался все ярче. Я удивилась от того, как много тепла исходило от него — спину обжигало.

— Все не так уж плохо, — тихо сказал он.

Грей посмотрел на мой город. Проследив за его взглядом, я не поняла, что он там увидел и почему он посмотрел в ту сторону.

Но мне нравился вид. И тут мое сердце сжалось от грусти — странная тоска по дому. Отсюда все выглядело идеальным. Не о чем беспокоиться, будучи на такой высоте, да и в

этом маленьком городке никогда не случалось ничего плохого. Лодки возвращались домой с полными приманками. Все, что планировали эти люди, сбылось. Грей положил руку мне на спину. Его холод прогнал жар от света.

— Уилла?

— Да что ты вообще знаешь? — спросила я.

Грей сжал губы и сел на перила. Он потянулся ко мне своими тонкими пальцами и нежно взял меня за подбородок. Он по-прежнему был серого оттенка, но в глазах появился свет.

Наконец он прошептал:

— Я знаю, что ты не одна.

Его прикосновение осталось на моей коже — проникло сквозь и обернулось вокруг костей, словно их сжали в кулак. Возвращаясь домой, я не оглядывалась. Я чувствовала, как Грей наблюдает за мной. Знала, что там он может меня видеть.

Этот маяк, нет ничего между ним и океаном. А магия выполняла желания Грея. Я зашла в тихий дом и направилась на кухню. Там я хотела бы поесть индейку вместе с Леви, сидящем напротив в кресле. Но на кухне было холодно, темно и тихо.

В окнах виднелись густые облака. Открыв холодильник, я застыла. Достав из кармана телефон, я отправила сообщение Бейли, но она не ответила.

Взяв холодной курицы и вчерашний картофельный салат, я прихватила тарелку и села за стол в одиночестве. Решила просмотреть почту — счета сразу отбросила в сторону, ведь больше это не моя забота. Не было ни купонов, ни каталога для одежды.

Мое внимание привлёк конверт от страховой компании, обнаруженный в самом низу стопки писем. Внутри находился документ, где большими буквами было написано: «СОГЛАШЕНИЕ ПРИЛАГАЕТСЯ». Когда я вытащила квитанцию, прикрепленную письму, она всколыхнулась — в ней значилось имя Леви Мэтью Диксона.

Мне стало дурно. Неудивительно, что отцу не нужны мои деньги. Я убила его сына, который заплатил за все счета своей жизнью.

И я поняла, почему отец не может на меня смотреть.

Я выкинула тарелку в мусорное ведро и собиралась покинуть кухню, но через заднюю дверь вошел отец. От него веяло океаном — запах впитался в одежду. А также горьковатый дым сигарет, который волочился за ним подобно плащу.

Сняв шляпу, он посмотрел сквозь меня.

— Стоишь тут в темноте?

— Я шла в комнату.

— Твоя мать купила тебе платье.

Дата суда близко. На мои плечи навалилась еще большая тяжесть. Какая разница что я надена? Неужели я не могу прийти хоть раз в жизни в джинсах и толстовке?

Папа направился к лестнице.

— Если хочешь поспорить, можешь подождать ее.

— Я ничего не говорила.

Оглянувшись, он вздохнул.

— Держись подальше от лодки. На этот раз я говорю серьезно.

Конечно же, он знал. Я не совсем точно забросила приманки. Старалась попасть в те же места, чтобы не было отличий. Чуть промахнулась, и ловушка оказалась ближе к другой.

Я могла бы опровергнуть его слова — лгать. Но он не глуп и не собирался меня

наказывать. После суда я не смогу больше заходить на борт «Дженн-а-Ло», если там будет снаряжение. Береговая охрана заберет все — лодку, снасти и улов. Они отберут у отца лицензию.

— Твой мальчик заходил.

— Он больше не мой мальчик.

Папа закатил глаза, он даже не пытался это скрыть.

— Я просто ставлю тебя в известность.

Схватив бутылку с водой, я со злостью открутила крышку. Нет, не просто. И так ясно, о чем он думает. Считает, что у меня талант все портить. Горло сжало в тугой ком, вызывая тошноту. Картина отца и Сета сидящих вместе в машине встала перед глазами. Плечи опущены, кепки съехали назад — переговариваются тихими короткими фразами, обсуждая меня.

Схватив со стола телефон, я вышла во двор, чтобы подышать свежим воздухом и написать Бейли. Снова нет ответа. Я написала маме, спрашивая, где платье — тоже тишина.

Одна в темноте — одинока. Вспомнив про телефон, я набрала номер, но остановилась. Я не буду бегать за Сетом. Боль обжигала, проникая под кожу.

Натянув капюшон, я зашагала в сторону причала. Луч света пронесся надо мной, такой плотный — интересно, смогу ли я обуздать его и дойти по нему к Джексон-рок.

С берега океан был другим — твердая земля, скалы и камни подталкивали меня сзади. Я могла бы зайти в воду, но она не окружила бы меня. Я бы парила над волнами.

На острове Грей, вероятно, ужинал. Просил о современных книгах, айпаде в придачу к его чудаковатому интернету. Музыкальные шкатулки... его мир состоит из покоя и уюта, окруженный морем. Он получал все, что желал. И я завидовала.

Грей

Кухня пуста. На лестнице тихо. Моя гостиная похожа на музей. На ужин у меня чашка бульона и два ломтика хлеба. Я так и не дотронулся до еды — размышлял о своей жизни.

Иногда понимаю, что все обман и я не существую. Мое тело состоит не из плоти и крови. Мне не нужно есть, бриться и спать. Когда я подстригаюсь, туман лишь приобретает новую форму. Когда я вздрагиваю в присутствии Уиллы, вру себе, что мои эмоции — это ощущения. Я только перестраиваю туман, который формирует меня.

Прикасаюсь к ней, веря, что моя рука лежит на ее плече. Если бы я прижался к ней и провел руками по тому свету, где должны быть ее волосы, поверил бы.

И она тоже. Это восприятие магии. Все что я делаю — остатки моей человечности. У меня есть привычки, потому что я все еще считаю себя человеком.

Но сейчас... я так близок к тому, чтобы снова стать реальным. Мечты никогда не становились более существенными. Я вижу свою тюрьму — туман находится везде.

Вот почему в маяке видна лишь одна комната — там, где нахожусь я.

Лестница то появляется, то исчезает, только когда я поднимаюсь наверх. Потому что я считаю, что спальня должна выходить на кухню.

Теперь я ощущаю присутствие Уиллы в каждой комнате. Я слышу ее голос в скрежещущих шестеренках лампы. Я вижу мерцание меди на кухне; ее стул не спрятан под столом. Он стоит под углом, точно так же, как она его и оставила.

Закрыв глаза, я мучительно замираю. В темноте ничего не существует. Когда я осознаю это, меня охватывает страх — этот маяк пуст. Еда — сплошная ложь. Подарки на моей тарелке — фантазия.

Теперь, когда я понимаю это, так четко вижу разницу между выдумкой и реальностью: что будет, когда открою глаза?

Вздыхаю, закаляя себя, а после смотрю.

Кухня остается кухней. Черная печка излучает тепло — мой рыбный бульон остыл. Когда я поднимаю пальцы, страницы книги мерцают и переворачиваются. Стул Уиллы на том же месте. Стены все еще вибрируют от работающих наверху механизмов. Все, как и всегда. Разница есть между верой и правдой. Я не могу доказать свою реальность, так же, как и обратное.

Лучшие философы и мыслители пробовали это — у некоторых возможно получилось достичь успеха. Когда я открыл глаза, все мои доводы рухнули.

— Надеюсь, ты смущен, — говорю я себе.

Бульон, который я помешиваю, клубится белой дымкой, как туман.

Уилла

— Я буду признательна, если ты слезешь с моей решетки, — крикнула мама Бейли.

Держась одной рукой за окно второго этажа, а ногой упираясь в решетку, я наклонилась и сказала:

— Прости, тетя Дайер. Я хотела пролезть незаметно.

Тетя Дайер подошла к окну и подняла створку, чтобы я могла лучше ее слышать.

— Для всех будет лучше, если ты войдешь через дверь. Мой ломонос не пострадает, а я угощу тебя тестом для печенья.

Спрыгнув, я указала на заднюю дверь и направилась к ней. Бейли и ее мать были единственными людьми в «Сломанном Клыкe», которые запирали двери. Бейли потому, что мама настаивала на этом. А тетя Дайер не любила неожиданных гостей. Ее дневная работа заключалась в расшифровке аудио в текст для медиков, а по ночам она любила рисовать. Если бы не моя мама и Бейли, тетя Дайер могла бы стать настоящим отшельником.

Засов щелкнул, и задняя дверь распахнулась. Я просунула одну ногу внутрь и обнаружила, что меня обнимают теплые крепкие руки. Несмотря на то, что я выше, тетя Дайер смогла меня крепко обнять. На кухне пахло луком и чесноком. Тесто для печенья не предназначалось для выпекания, его можно было просто есть. Взяв чашу с тестом, тетя Дайер помахала ей в мою сторону.

— Ты редко приходишь, дорогая.

— Я старалась находиться дома.

Она фыркнула и отошла, чтобы я смогла открыть шкаф со столовыми приборами и взять ложку.

— Твоя мать говорит совсем другое.

Пожав плечами, я положила ложку в чашу.

— Наверно.

— Это не мое дело. — Тетя Дайер пожала плечами. — Но сейчас ей приходится нелегко. Поддерживай ее, ладно?

Хотя она не сказала ничего плохого, этот совет меня раздражал. После похорон всегда кто-нибудь спрашивал о моих родителях — хотел узнать, как они там. Говорили мне, чтобы я была сильной ради них. Заботилась о них.

Я старалась все это время. Оплачивала счета, отвечала на звонки. Смирилась с тем, что мой парень занял мое место рядом с отцом, который запретил мне заходить на борт.

И ни один человек не спросил меня о том, как я. Да, это моя вина. Я создала эту катастрофу своими руками. А люди были добры и молчали. Но мне казалось, каждый считает, что я позабочусь обо всем.

И я так поступила, потому что Диксоны горды и все держат в себе. Я бы в любом случае так сделала. Но народ давал мне советы и от этого меня заполнял горький гнев.

Почему никто не сказал моему отцу, чтобы он позаботился обо мне? И маму никто не учил — это оскорбило бы ее. Она бы высказывала свое и, наверное, испекла бы мне блинчики.

Смерть Леви будто бы отправила меня в зеркальный мир. Все исказилось, стало неясно. Я набрала полный рот маслянистого теста и бросила ложку в раковину.

— Спасибо за печенье, — сказала я и стала подниматься по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Фотографии подрагивали на стене до самой лестничной площадки из-за меня. Бейли росла ступенька за ступенькой — в детстве ее волосы были светлого оттенка. С каждой школьной фотографией и летним снимком они становились все темнее, а взгляд более задумчивым.

Дверь ванной открылась, и в коридор вошла Бейли. Завернутая в оранжевую махровую ткань, она напоминала мандарин, от которого исходил пар. Улыбнувшись с любопытством, она потуже затянула полотенце.

— Чего?

— Ничего, — ответила я.

Я положила большой палец себе на плечо.

— Твоя мама поймала меня на решетке. И в наказание я ела тесто для печенья.

Рассмеявшись, Бейли направилась в свою комнату.

— Будет уроком.

— Думаешь?

Я прошла в ее комнату и уселась на кровать. Взглядом проследила за узорами, которые мы нарисовали на потолке рядом со светящимися в темноте звездами. В детстве мы любили астрономию — символы, луну, звезды, приливы и отливы. Так что в шестом классе мы придумали свои собственные созвездия. Пока Бейли одевалась, я рисовала пальцем в воздухе какие-то контуры — шабаш ведьм, ром капитана Джека, пиявок.

Дыхание перехватило, но я не знала почему: у нас ведь есть еще целый год.

— Как ты? — спросила я.

Бейли натянула толстовку через голову.

— С Кейт? Все еще странно. Подготовка к экзаменам? Все также страшно. А касательно моей лучшей подруги? Что ж, она, кажется, немного спятила, так что я тоже беспокоюсь о ней.

— К черту ее, — фыркнула я.

Перекатившись на бок, я подложила себе под голову подушку Бейли.

— Я видела мистера Грея. Близко.

Еще одно фырканье и Бейли убрала волосы с воротника.

— Что это ты куришь?

— Я говорю правду, Бей.

— Хорошо. Я не хочу расстраивать твою тонкую натуру или что-то в этом роде, но все же. Не прикалывайся надо мной. — Завязав волосы резинкой в крепкий узел, Бейли села на свой стол.

Один из ее игрушечных солдатиков закачался, угрожая упасть на пол. Схватив, она поставила его на пол и начала крутить.

— Мистера Грея не существует, детка.

— А если я заявлю, что действительно видела его?

Бейли придержала солдатика, чтобы он не раскачивался.

Подобрав его пальцами ног и отбросив в сторону, она села рядом со мной. От ее рук исходило тепло после душа и даже несмотря на то, что я сидела в куртке, ощущала его.

— Тогда я буду очень, очень волноваться за тебя.

— Он приготовил для меня какао.

— Зачем ты меня разыгрываешь?

Все было намного проще в наши детские годы. Тогда мы вместе верили во что угодно. Однако время излечило нас от фантазий. Даже если я выложу все, ее это не убедит. Если только я не приведу ее на маяк и не заставлю выпить чашку чая с Греем. По моим часам это должно было случиться в половине первого ночи.

Я вздохнула.

— Не знаю. Я просто злая, наверное.

Бейли села на меня сверху. Прислонившись, она уперлась костлявыми локтями мне в спину. Повторив мой вздох, Бейли повернула голову и посмотрела на меня.

— Ты видела Сета?

— Я не хотела встречаться с ним.

Мягкий смех вырвался из груди Бейли. Упершись локтем, она наклонилась и прошептала:

— Он очень несчастен.

Закрыв глаза, я опустила на кровать. Вдыхая аромат духов Бейли, я все еще ощущала во рту маслянисто-солонюватый привкус теста для печенья. Эта комната была мне знакома. Похоже на мою, а может, даже больше по размеру. Именно здесь я раскрывала свои секреты и чувствовала себя в достаточной безопасности, чтобы позволить своим грезам оживать. Расставание отвратительно, нам хорошо было вместе.

Последних перевешивало, поэтому я произнесла:

— Я не хочу, чтобы он был с...

— Эм, Денни?

— Мне не нравится эта тема, — уточнила я. — Я просто хочу, чтобы все было по-другому.

Бейли согласно кивнула. Она посмотрела куда-то вдаль, вероятно, туда, где не маячили выпускной класс и расставание с девушкой. Бейли начала теревать шов на моей куртке — праздное движение.

— Меня устраивало, когда у нас имелся план.

Разве не об этом мы все мечтали? Иногда казалось, что нужно просто сдать. Вернуться в четвертый класс, когда мы уже отвечали за свои мысли, но достаточно юны, чтобы ничего не имело значения. Это казалось возможным, но в реальности было не так.

Все прошло — рыболовный сезон, летние каникулы, четвертый класс... Ничего утешительного. Поэтому я потянулась, чтобы неловко погладить ее. И тут я вспомнила то, что заставит ее прийти в себя.

— По крайней мере, никто больше не срезает корки с твоего тунца.

Содрогнувшись, Бейли ткнула меня локтем в живот, торопясь спрыгнуть с кровати.

— Боже, как я ненавижу это! Это ужасно! Если срезать корки, это будет сэндвич со слизью! Просто слизь, Уилла!

Да, это несущественно, но приятно осознавать: есть то, что неизменно в этом мире.

Все вокруг было загадкой. Каждая дверь в «Сломанном Клык» вела к истории, которую я никогда не узнаю. Возвращаясь домой в темноте, разглядывала дома, знакомые адреса. Там проходили различные вечеринки, кооперативные и рождественские, поэтому я помнила, как выглядят прохожие.

Но жизнь за этими дверями — тайна. Я и себя ощущала загадкой. Даже Бейли и Сет не знали меня. Как и я их. Обычно я избегала такие разговоры у костра. Накуренные близнецы

Джеветт были настоящими философами.

— А что, если мы-чей-то сон? — спросила однажды Эмбер.

Глаза Эшли расширились, и она протянула к ним руки. Словно они могли внезапно исчезнуть или что-то в этом роде. Глядя на них, она пробормотала:

— А что, если они проснутся?

Потом Ник уронил конфетку Эшли на грудь. Достаточно реально, чтобы они перестали беспокоиться об этом. Мне тогда показалось, что Леви все сгладил. Я не помнила, как именно. Он был хитер. Мой брат был хитрым. И милым. Некоторые воспоминания начинают забываться.

Я не была на его могиле ни разу после похорон, потому что он не там. Я заходила в его комнату сотни раз. Мама посылала меня туда за его вещами. Она хотела все постирать и отдать на благотворительность. Вещи так и не стиралась и лежат в корзине в нашем подвале.

Книги Леви я просмотрела, потом отдала Сету и Нику. Мангу сдала в школьную библиотеку — Леви всегда жаловался на то, что там нет ничего хорошего. Его компакт-диски разложила по полочкам, некоторые оставила себе. Плакаты упаковала вместе с его лентами со школьных научных ярмарок. Приз, который он получил на конкурсе талантов округа Вашингтон. Стопку табелей успеваемости он хранил в своем столе, потому что на самом деле гордился своими оценками.

Я убрала их на чердак. Застелила его постель. Оставила занавески полуоткрытыми, а все его ящики закрыла. Ноты разложила на его столе.

Леви не приходил. Каждый раз, когда я входила в комнату, знала это. Ему больше не нужны были его предсмертные записи. Он никогда не нарушит алфавитный порядок на своих полках. Ему будет все равно, если я неправильно застелю его постель и если я поставлю его туфли наоборот.

Его нет на кладбище и в этой комнате тоже.

И все же иногда казалось, что он должен где-то быть. Один на улице ночью. Вот тогда я начинала скучать. Тогда-то и почувствовала его отсутствие и присутствие пустоты. Первые две недели после его смерти он мне снился. Мы всегда находились на улице. Шли к пристани. Спускались в пещеры. Наблюдали на берегу за портовыми тюленями.

После этих снов я просыпалась с болью в сердце. Отвратительный трюк мозга. Видения воскрешали Леви, но пробуждение возвращало его в могилу.

Наши комнаты были почти рядом, даже когда он только родился. В его комнате стояла моя фотография, всего двух лет от роду — я на старом, некрасивом диване, который переехал в наш гараж пару лет назад. Кто-то положил Леви мне на руки — он был больше меня и занял все мои колени. Моя рука лежала на его пушистой голове, а он дремал, ничего не опасаясь. От меня видно было лишь розовый треугольник носа и волосы.

Тогда я его еще не знала. Так же, как и тогда, когда держала его в последний раз. Как и все двери на Тэкстэр-стрит, его дверь была закрыта. Я помнила прихожую, но остальное оставалось загадкой. Вместо того чтобы идти домой, я спустилась к воде. Появился туман и луч маяка прорезал ночь.

Сидя на камнях, я дрожала в темноте. Холодно, мне нужно было возвращаться. Но мне необходима минута. Немного тишины.

Если бы я рассказала Леви о Грее, он бы мне поверил. Наверное, написал бы об этом песню. Может, даже ждал бы меня после школы, чтобы задать еще несколько вопросов, которые в последствие превратились бы в комикс. Хотя, возможно, он назвал бы героиню

книги Эммой. Он был влюблен в Эмму Лючис со второго класса.

Закрыв лицо руками, я выдохнула теплый воздух на свою кожу. Леви исчез, но его часть осталась. Тени, проблески — неосуществленные воспоминания, построенные на ожиданиях. На какое-то мгновение я оказалась одна.

Ожидая, пока над головой снова пронесется луч света, я размышляла, смогу ли спать ночью в городе без маяка. Ник рассказывал, что он долго привыкал к «Сломанному Клыку», потому что за его домом не было железнодорожных путей.

Забавно, есть то, с чем можно жить, и то, без чего можно научиться жить.

Грей

Туман приходит и уходит. Я чувствую его передвижение. Я мог бы направить его. Но не буду. Нет. Поэтому я стою в галерее фонарей и смотрю на берег. Все эти мерцающие огни вне моей досягаемости. Жизни, живущие без меня.

Сто лет. Как-то раз я пожелал доказательства своей реальности. Я хотел увериться, что был кем-то до поцелуя Сюзанны. Что я не выдумал свою жизнь. И это при том, что ненавидел свою судьбу.

Как возненавидел отца и его надежды на меня. Как желал сбежать от матери при первой же возможности. Я хотел получить доказательства — я больше не верил, что когда-то жил.

Проклятие выполнило мою просьбу. В то утро за завтраком в золотой обертке лежали две страницы из газеты. Некролог о смерти моего отца был обычен. Он умер через пятнадцать лет после того, как я отдал душу туману. Как написал мемуарист, отец скончался во сне, и лишь любимая жена пережила его.

Зернистая фотография увековечила и мою мать в некрологе. По крайней мере, так утверждала подпись. Женищина, изображенная там, была на десятки лет старше, чем я помнил. Она была одета в черное и смотрела мимо камеры.

Когда я увидел эти заметки, лишь оцепенел. Я изучал черты лица матери. Конечно, я должен помнить звук ее голоса. Я ведь слышал его. Какие у нее были руки? Прохладные и мягкие?

Цвет ее глаз я помнил ясно, но время стерло все остальные детали. После описания ее добрых дел в некрологе говорилось, что у нее остался сын, пропавший без вести в 1913 году.

До самого конца она надеялась. До последнего отказывалась верить в мою смерть.

А я все это время находился на этом проклятом острове. Прошло столетие, и я не стал ни лучше, ни величественнее, чем тогда. Сижу, уставившись на незаконченную музыкальную шкатулку, переживая экзистенциальный кризис.

Я холодный замкнутый Гамлет — и никем другим быть не могу. Но думаю, что не смог бы. В мире есть только один человек, который признает мою реальность. Тот самый, который снова сделает меня живым.

Тоска пробивает мой лед — больно и жестоко. Я прижимаю руки к заметкам. Хотя знаю, что утром мне вновь будет все равно — я желаю невозможного. Мечтаю об Уилле. Хочу, чтобы она пришла. Другого голоса в этой гробнице иногда бывает достаточно.

Уилла

Я пошла в школу. Не потому, что беспокоилась о занятиях, а просто не знала, куда пойти.

У мамы выходной. Я пропустила отлив. Кто-то уже купил ту лодку в Милбридж, а отец ушел еще до рассвета. А потому как в море выйти не могла, проще было не смотреть на маяк. Я могла бы загрузить себя занятиями.

Воздух густой, как патока, и идти было трудно. Обычно в залах Ванденбрука разносилось эхо. Если повернуть направо, в классе английского языка можно расслышать урок математики, доносящийся с первого этажа. Поскольку некогда это был особняк, такая акустика казалась правильной. Не может быть готической тайны в доме, в котором бы не раздавались эхо и различные звуки.

Но за день до моего суда коридоры казались пустыми. Вокруг доносились голоса, звучащие так, как если бы кто-то издавал пронзительный звук за много миль отсюда.

— Где ты была? — спросила Эшли Джейвett.

Она оттолкнулась от стены и последовала за мной. Пожав плечами, я сказала:

— Везде.

Метнув взгляд, Эшли наклонилась ближе.

— Ты разговаривала с Сетом? Ты же знаешь, я не люблю лезть в чужие отношения. Но...

Эшли не врала, но и фраза ее была не совсем правдива — она любила драмы. В интернете, она просматривала все таблоиды, а ее любимая фраза: «О нет, они не могли». А когда Эшли высовывалась из окна вместе с телефоном, можно было определить, что сегодня плохо берет мобильный интернет.

В девятом классе она целых двенадцать секунд пыталась создать сайт сплетен о «Сломанном Клыке». Каждый житель знал, что это она, но местные сплетни никого не волновали. Поэтому Эшли забросила сайт и вернулась к традиционному методу — общению с глазу на глаз. И кажется, она пропустила новость касательно моей личной жизни.

— Мы расстались, — сказала я.

Заметно расстроившись, Эшли поджала губы. Она собиралась вернуть все на круги своя.

— На самом деле или вы просто взяли перерыв?

Вроде бы все правильно. У него все еще мои DVD-диски. У меня все еще куча его рубашек. Мы не женаты. Мы даже толком не обозначили наше расставание. Я просто знала, что это так, и он тоже.

Вместо того чтобы погрязнуть в своих эмоциях, я поймала Эшли за руку и нежно сжала.

— Если ты видела его с кем-то, все в порядке.

Вранье. В горле встал ком. Не то чтобы я хотела помириться, но наблюдать, как он встречается с Денни, видеть не желала. Если он захочет пофлиртовать, всегда может поехать в Бангор.

Стоять перед кинотеатром, выпендриваться, подбрасывая попкорн в воздух так, чтобы поймать его в рот. Когда мы были там вместе, он привлекал к себе много внимания. А без меня его будет еще больше.

Впрочем, это не важно. Эшли покачала головой.

— Нет! Он с кем-то встречается?

— Не думаю, — ответила я.

— Так странно. Я гадала, почему он поругался с твоим отцом в кооперативе. Не знаешь?

Подойдя к стене, я облокотилась на нее, чтобы не мешать мимо проходящим людям.

Стена поддержала меня. Я провела рукой по волосам. Крепко сжав их, ощутила странный холод внутри. Чтобы собраться с мыслями, мне потребовалась минута.

Сет не разговаривал с людьми, не говоря уже о моем отце. Папа становился болтливым, когда ему это было нужно, но зачем ему ругаться с Сетом? Разные эмоции охватили меня, но смущение побеждало.

— На самом деле, — произнесла я, — у меня нет предположений.

Эшли устроилась рядом со мной. Очевидно, что она разочарована.

— Ооо... я думала ты знаешь.

Это имеет смысл, не так ли? Что-то произошло между моим отцом и бывшим парнем — я должна была быть в курсе. Очередной пробел в моей жизни. Неизвестность, хотя лучше бы я все знала. Подняв руку, попыталась привлечь внимание Эшли, чтобы переключить на другую тему.

— Знаешь, я слышала, что Ник получил лицензию. Может, в этом все дело?

Просияв, Эшли кивнула.

— Возможно. Да... Держу пари, ты права.

— Рада, что смогла помочь.

Прежде чем оттолкнуться от стены, Эшли положила свою голову на мое плечо. Мы общались — школа маленькая, да и город тоже. Но мы никогда не были близки, поэтому данная ситуация выглядела странной. А затем она стала еще более непонятной: Эшли, похлопав меня по плечу, отстранилась.

— Мне так горько за вас ребята. Я думала, вы поженитесь.

Я почувствовала укол совести.

— Так случается.

Как только Эшли ушла, я направился в самый конец здания. Обычно за полчаса до занятий Сет проводил время со мной. Думаю, он тоже избегал меня. Петляя по коридорам, я спускалась к заднему крыльцу — бывший вход для слуг.

Я распахнула дверь, ожидая увидеть Сета. Но снаружи ничего не было кроме леса. Листья начали опадать — яркие, золотые и красные — они покрывали землю. Затаив дыхание, я слушала, как они падали, спрятанные от моего взора, тихо шепча где-то далеко в лесу.

Лето закончилось и наступила осень. Приближалась зима, и я не могла представить весну. Я подумала, что, возможно, тогда будет суд над убийцей. Бейли уедет раньше. А я не буду накручивать веревку или делать узлы для буя, чистить приманки от ракушек. Хотя если и буду не потому, что смогу выйти в море.

Наступит весна, непостижимая весна, и моя жизнь в «Сломанном Клыке» остановится.

Сидя на крыльце, я наклонила голову и просто слушала.

Когда отец сразу после заката ворвался на кухню, я вскочила на ноги.

— Что произошло у вас с Сетом?

Он закатил глаза и прошел мимо меня.

Он испачкался, и я заметила свежие бинты. Я могла сказать отцу, чтобы он просто разогрел себе суп и пошел смотреть футбол. Ведь меньше всего он желал разговаривать со

мной. И все же я последовала след за ним.

— Кажется, вы поругались. Эшли Джеветт просветила меня.

— Тогда зачем спросила?

Идеальный ответ. Ответ вопросом на вопрос в данном случае для того, чтобы вывести меня из себя, а не разрядить обстановку. Вот такая отцовская логика. Саркастически поддеть и выставить меня глупой. Ну и разозлить.

Перегордив ему путь, я прислонилась к стене кладовки.

— Потому что я хочу услышать ответ от тебя.

Папа оглядел меня с ног до головы. Затем со вздохом протянул руку и открыл кладовку. Отодвинув меня, словно мешок с картошкой, пробормотал что-то невнятное и взял банку с супом.

— Боюсь, ты ничего не добьешься.

На мгновение мне захотелось захлопнуть дверь у него над головой. Но я схватила пальто и хлопнула задней дверью, направляясь в темноту. Когда он разговаривал со мной таким тоном, это выводило меня из себя — я ненавидела такую его манеру общения. Я более спокойная, тихая.

Вся эта агрессия заставляла меня дрожать от адреналина. Повысить голос, хлопнуть дверью — это мой максимум. Тяжело идти в ночь. Если бы я могла включить музыку, возможно все было бы похоже на калейдоскоп.

Но музыки не было. Я слышала звук своих шагов, биение сердца и шум моря, зовущего меня. Суд состоится утром. Отец ждал меня в доме. Не меня, а для того, чтобы вытрясти из меня всю душу. Поэтому я пошла к своему настоящему дому. На пристань, к воде.

На этот раз я не стала дожидаться мистической лодки.

Контроль покидал меня, и я желала лишь одного — море. Океан. То место между землей и небом, которое являлось моим домом, с тех пор как я себя помню — я хотела ощутить это чувство вновь. Я поклялась себе, что после суда я буду держаться подальше от «Джен-а-Ло».

И тогда я с гордостью поднялась на борт. В каюте пахло сигаретами и, думаю, пивом тоже — кислый запах, будто чей-то пот. На приборной доске лежала записка, исписанная знакомым папиным почерком. Сорок два килограмма. Этого мало, чтобы оплатить счет за свет.

Проведя пальцами по приборной доске, вытащила запасной ключ, который был спрятан, и завела двигатель. Я выйду в море в последний раз на лодке, которая вырастила меня той, кем я являюсь, и уничтожила.

Двигатель зарычал, шестеренки посылали мягкую вибрацию по всему корпусу. Я включила лампы, чтобы аккуратно вывести лодку из гавани, не задев другие суда. А затем выключила и направилась в темноту. Маяк освещал те места, где находились мелководье и отмели.

Уходя в ночь, я оставила позади «Сломанный Клык» и Джексон-рок.

Когда я заглушила двигатель, воцарилась абсолютная тишина. Волны шептались, но посторонних звуков не было. Птицы не кричали. Выйдя на палубу, я подняла лицо к небу. Там дальше, в нескольких милях от меня, бушевал шторм — молнии прорезали небо и воду. Я ощущала вибрации исходящие от них.

Тяжелая волна подняла, а затем опустила «Дженн-а-Ло». Несильный толчок, небольшой подарок от бури вдалеке. Темные тучи приближались к синей воде и ко мне, уступая лишь

свету луны. Она находилась достаточно близко и была яркой, отражая свет слабым ореолом. Это означало, что скоро пойдет дождь или снег — почти точный прогноз.

На горизонте поднялась еще одна волна. Нет, не штормовая. Луч света, который отразился на ней, не разделился, а покатился словно камень, который уронил великан. Медленно и лениво. Но волна ушла под лодку и следом тягач врезался в стену каюты.

Я поскользнулась на палубе и чуть не упала. Меня окружала черная вода. Когда «Дженн-а-Ло» выровнялась, я ощутила брызги на своей коже.

Ухватившись за поручень, подготовилась к следующей волне. Мое дыхание было ровным, но сердце билось слишком быстро. Когда лодку качает, все, что вы видите, искажено. Океан над головой, а небо внизу. Вода заливала палубу, казалось, что она течет тоже неправильно.

Я потянулась к аварийному радиобую, но тут же отдернула руку. Если он подаст сигнал бедствия, придет береговая охрана и мне придется оставить «Дженн-а-Ло».

Я не понимала почему паникую — ведь это не первый мой шторм. Качалась на высоких и белых волнах — мы называли их простынями. Я видела много бурь, поэтому вцепилась в косяк двери, когда следующая волна настигла лодку.

Все исказилось снова.

Корма поднялась к небу. Ужасный звук наполнил воздух, тягач грозил вырвать все болты. Холодильник с содовой вынесло на палубу, и он врезался в меня. Лед разлетелся в стороны и холодные куски коснулись моей кожи. Но это удача, потому что, если бы на палубе остались приманки, я была бы уже мертва. Лодка резко опустилась вниз. Холодильник выкинуло за борт, а тягач ударился о стену каюты, оставив после себя глубокий след на дереве. Кубики льда трескались под моими ногами.

Я направилась в каюту, пот катился с меня. Выпрямившись, я повернула ключ. Двигатель зарычал, но тут же затих. Это не имело никакого значения, меня настигла новая волна.

Я ударились головой о ветровое стекло. Боль, резкая и полная искр, взорвалась в моей голове. Горячая струйка крови потекла по виску. Проигнорировав это, я включила все лампы. И радио тоже. Мне нужно было сориентироваться.

Двигатель работал, но без света двигаться опасно. Ведь вдалеке могут быть другие лодки. «Папина подружка» тоже предостерегала.

Когда загорелись огни, сработала трюмная сигнализация. Радио работало плохо. В какофонии звуков я уловила обрывок предупреждения. Штормовая волна и высокий прилив вызывает трех-четырёхметровые волны, которые опасны для малых судов. И уж тем более не должно быть никаких долбанных шлюпок.

Сигнал тревоги завыл: «Будьте внимательны на воде! Проверьте двигатель!» Я выключила микрофон и помехи стихли. Но никто не ответил на мой призыв. При включенном свете я отчетливо видела хаос. Острые, опасные волны впереди меня. Они медленно поднимались, а «Дженн-а-Ло» предвкушала грядущий удар.

И вот снова лодка накренилась вперед. Палубу залило еще больше, но этого недостаточно, чтобы потопить лодку. Я уже включила трюмный насос, и он работал так быстро, как только мог. «Дженн-а-Ло» спроектирована так, чтобы вода надолго не задерживалась. Ведь мы весь день вытаскивали приманки.

Нет, проблема была не в этом.

Настигла еще одна волна. Она обрушилась на лодку, словно кто-то ударил кулаком. И

вот в этом была проблема.

Океан может поглотить лодку. Не потопить, а именно поглотить.

Когда лодка наполняется водой, она не тонет сразу. Это происходит постепенно и в движении. Изящно даже. Медленно приближаясь ко дну, другим морякам и лодкам, которые были принесены в жертву великой синеве.

Стараясь найти выход из данной ситуации, я поперхнулась запахом сигарет. Стерев песок с лица, покачнулась, когда очередная волна врезалась в «Дженн-а-Ло». Повсюду были провода — они раскачивались, словно внутренности какого-то черного зверя, вспоротые ножом. И запах — соль и пепел, приманки, пот и страх. Я ощущала холод и тепло одновременно. Я пыталась подняться на ноги.

Рация покачнулась недалеко от меня, и я постаралась поймать ее. Поймав, нажала на кнопку.

— Мэйдэй, мэйдэй мэйдэй (Мэйдэй — международный сигнал бедствия в радиотелефонной (голосовой) связи, аналогичный сигналу SOS)... вызывает «Дженн-а-Ло» позывной «ЗМГ0415».

Застонав, словно живое, мне ответило лишь море. Бросив рацию, я повернулась. На меня надвигалась стена — черная с серебрянными оттенками.

Посейдон свирепствует. Нептун воюет. Внезапно я успокоилась. Мне не нужно будет объяснять, кто я. Именно об этом я думала, когда брала лодку. Не нужно будет признавать себя виновной в суде или давать возможность адвокату разрывать меня на части. Не придется смотреть, как Сет встречается с другой девушкой.

Я почувствовала горькое сожаление — я больше не увижу Бейли, маму, отца и еще один закат над Атлантикой.

Прежде чем я успела всерьез обдумать это, стена обрушилась. Меня поглотило море.

Грей

Обычно я этого не знаю. Я вижу, как одна из человеческих душ борется под моим маяком, и трепещу. Не имеет значения, кто это. Тайна, которую я не могу разгадать, да и не пытаюсь. Я достаю из шкафа банку. Сосуды шепчут и гремят — такие живые в моей руке. И окунаюсь в стихию.

Несмотря на то, что большую часть времени провожу на маяке, я не привязан к нему. Это остров зависим от меня. Когда очередная душа погибает, я могу сойти на берег. Умирая, душа следует к маяку. Когда я открываю сосуд, сущности объединяются.

Дрожу в предвкушении, беру банку и направляюсь к воде. Буря и звезды, свет и полная луна. Это необыкновенная ночь! Еще один огонек души, готовый занять свое место на полке. Еще одно тиканье моих бессмертных часов.

Но когда я добираюсь до берега, вместо неясного света вижу осенние краски. Медные волосы, едва различимые губы, и понимаю кто это. На этот раз я знаю имя души. Форму ее рук. Узнаю ее — это не другой огонек, это Уилла.

Роняю бутылку. Она разбивается о камни, а я вхожу в воду.

Когда захожу слишком далеко, разваливаюсь на части. Я — раскаленные куски агонии, а потом ничто в адском холоде. На берегу снова становлюсь целым и наблюдаю, как она уходит под воду.

Этого не может быть. Уилла — моя надежда. Мое спасение! Вот находится на берегу здесь и сейчас, а не через тысячелетие. Подходит ко мне, прикасается к моим вещам. Она настоящая, живая и мне нужно ее вытащить.

Сегодня волны беспокойны. Они бушуют и грохочут, образуя стены из леса, принесенного водой, приближая все это к моему утесу. У меня не получается подобраться ближе, потому что сейчас у меня нет тела. У проклятья есть границы, врата, через которые я не могу пройти.

Поэтому я призываю туман. Я окутываю им острова, как шерсть на веретено. Надеюсь, это успокоит море достаточно, и я смогу добраться до Уиллы. Не просто до ее души, а до нее. Целой.

Раз уж проклятие сегодня на моей стороне, я желаю, чтобы на моей тарелке за завтраком оказалось доказательство того, что с ней все в порядке. Что она пережила эту ночь. Проклятие исполнит желание, потому что оно не противоречит правилам.

Волны все еще режут, окутанные дымкой, но я вижу ее свет. С каждым всплеском ее огонек приближается ко мне. Я протягиваю руки, чтобы поймать или, может, позвать ее. Словно я какой-то морской бог, а не монстр в башне.

Я не могу ее потерять. Ждал слишком долго. Был слишком щедр, осторожен и добр. Несмотря на то, что мое тело странное, я достаточно человечен, к тому же пришло время. Я заслужил это — поцеловать Уиллу так, чтобы она полюбила меня и умерла за меня. Все это должно стать моим.

Я снова захожу в воду, и остров, несмотря на наводнение, находится у меня под ногами. Очередная волна обрушивается на меня. Меня сотрясает и проклятие снова грозит разорвать меня на куски. Я ушел достаточно далеко. Мое тело болит от холода, но мне повезло! Кажется, я поймал ее за волосы.

Накрутив их на запястье, поднимаю Уиллу. Жестко, но помогает. Когда я вытаску ее отсюда, смогу нормально ухватить. Я даже мягок, когда подхватываю ее под руки и поднимаю мокрое тело с земли.

Внезапно она становится отчетливее. Уилла уже не дымка из света и формы, а скорее, девушка.

Нет, она настоящая русалка, укачиваемая в моих объятиях, и она дышит! Ее лицо разбито — синяки и опухоли. Кожа немного посинела. Тело дрожит — она окоченела от холода и прижимается ко мне. Схватив одной рукой мою рубашку, она вцепилась в нее.

Обычно я не знаю имен или лиц душ, которые принадлежат моим сосудам. Как и огни на берегу, они не более чем мерцание светлячков, одинокие ключи, которые могут открыть мою клетку. Но в этот раз я понял, что это Уилла, и трепещу от осознания этого. Должно быть, это судьба — она особенная. Мое освобождение близко!

Уилла

Когда я проснулась, свет падал неправильно. Восход обычно проникает прямо в мое окно. Согревает лицо, затем шею, что мне не хочется вставать, из-за чего провожу в кровати больше времени.

Вместо привычных ощущений я чувствовала лишь одинокую полоску света. Она играла и отражалась в зеркале, которого у меня не было. Я резко вскочила — комната не моя, но знакомая. Кровать задрапирована кружевным балдахинном. Я всегда мечтала о таком в детстве. У окна находились зеленые колдовские шары. Однажды я выпросила такие на уличной ярмарке. На другой стене висело весло. Идеально отполированное, оно сверкало. А под ним картины, на которых было изображено море в разные периоды — рассвет, сумерки, с грозой на горизонте и с чистой полосой после шторма.

Освещенная огнями «Дженн-а-Ло» уходила прочь. Более молодая версия меня облокотилась на перила и соприкасалась локтем с Леви. Воспоминания о вчерашних событиях обрушились на меня. Холод проник в каждую мою часть, а дыхание оборвалось. Привкус крови наполнил нос и комнату. Стало страшно, я бросилась к окну. В стекле я увидела свое призрачное отражение — разбита губа и подбит глаз. Притронувшись ко лбу, поняла, что там шишка.

Отдернув занавески, я съезжилась от ослепительного света. Затем, когда чувствительность ослабла, начала различать контуры. Вода и земля слишком далеко внизу. У меня перехватило дыхание — узнала этот вид. Я стояла на вершине маяка, а за водой мой город.

Даже с такого расстояния я видела, как пострадала гавань. Лодки нагромодились друг на друга, мачты, словно спички, сломались и разбросаны по воде. Солнце светило слишком ярко. Оно будто издевалось над разрушенной пристанью, надо мной.

Я почувствовала отголоски боли в голове, отдающиеся в такт моему пульсу. Я отвернулась от окна. Этот шторм поглотил лодку моего отца. Обломки флота усеивали берег «Сломанного Клыка». Как много из нас пострадало? Я распахнула окно и поморщилась. Вокруг мертвая рыба, водоросли, морская трава — на солнце все это распространяет ужасный запах. Потребуются недели, чтобы все вернулось на круги своя.

Холодный неприятный воздух покрыл мою кожу. Оглядев себя, осознала, что мои джинсы и толстовка исчезли. На мне были мужская рубашка бледно-зеленого цвета и трусы. Слава богу, мои. Стало дурно.

Грей трогал меня, когда я потеряла сознание. Смотрел на меня, раздевал! У меня разболелась голова, когда я попыталась вспомнить все события вчерашнего дня. Единственное, что всплыло в моем сознание — волна. Столп мерцающей темноты, а затем пустота.

Накинув на плечи одеяло, я выжидающе обернулась. Там должна появиться лестница, но ее не было. Снова развернувшись, я ожидала волшебство — это безумно, ненормально и абсолютно неправильно.

Мой пульс участился, когда ничего не произошло. Я громко топнула ногой. Колдовские шары задребезжали. Повторила свое действие опять. Если магия не хочет меня выпускать, тогда, возможно, я привлеку внимание Грея.

Какая-то часть меня спрашивала, правда ли я желаю этого. Может, проще выброситься из окна. В идеально ясном небе кружили крачки. Их пронзительные крики отдавались эхом. Если бы я только могла последовать за птицами. Улететь домой. Мой страх выплеснулся наружу.

— Грей! — крикнула я, голос надломился. — Выпусти меня!

Он не отвечал. Я попробовала еще раз — слишком много раз. От этого у меня разболелось горло, из которого стали доноситься едва узнаваемые звуки. Грей никак не реагировал. Мне придется спасаться самостоятельно.

Освободиться, прежде чем я стану его Рапунцель и прольется кровь.

Я стала снимать постельное белье. Все: простыни, покрывала, пуховое одеяло, даже юбку для кровати. Опустившись на колени, я связывала все части вместе. Получилась хорошая и крепкая веревка. Я была уже не так далека от своей цели. В кино этот способ всегда помогал героям, хотя разницы особой нет.

Я привязала один конец веревки к кровати. Но как только подошла к окну, комната за моей спиной сдвинулась. На винтовой лестнице послышались шаги. Я услышала, как на подносе звенел фарфор. Вошедший Грей выглядел и в самом деле смущенным.

— Я принес завтрак, — сказал он и отвернулся от меня.

— Где моя одежда?

Вопрос, казалось, застал его врасплох, но он не покраснел. Хотя я не уверена, что смогла бы заметить это. Поставив поднос на кровать, он указал на шкаф.

— Думаю, все уже высохло.

Обойдя Грея, я открыла дверцу.

Сдернула с вешалки джинсы — раздался неприятный звук. Запах кедрa исходил от моей толстовки, когда я надевала ее. Я даже не стала снимать чужую рубашку. Избавлюсь от нее дома.

Посмотрев в потолок, Грей произнес:

— Ты обеспокоена...

— Нет.

Я надела обувь на босые ноги и сняла пальто. Вешалки закачались в шкафу, зашептались, сталкиваясь друг с другом. Слабое эхо разнеслось внутри. Убрав волосы из-под воротника, направилась к лестнице, которая наконец-то появилась. Грей оставил поднос на кровати и повернулся, чтобы последовать за мной.

— Я не понимаю, что сделал не так. Ты почти утонула, я спас тебя.

Лестница дрожала от его веса. Я не знала, куда она ведет. Я поняла, что в маяке комнаты то появлялись, то исчезали. Они существовали, только когда он этого желал. Когда на следующей площадке показалась библиотека, я вздохнула с облегчением.

Грей приблизился ко мне и с отчаянием в голосе сказал:

— Чем я тебя обидел?

— Ничем, — ответила я.

— Нет, подожди. Давай будем честны.

— Да, пожалуйста.

Когда я торопливо спускалась по лестнице, казавшейся бесконечной, грубые железные перила впивались в мои ладони. Я почти задохнулась. Комната с музыкальными шкатулками должна быть на десять ступенек ниже, но лестница все не заканчивалась.

— Ты меня спас, спасибо, благодарю. Но ты меня раздел и запер в комнате. Что с тобой

такое?

— Это худшее из возможных предположений. Позволишь мне не согласиться с тобой?

Я бросила взгляд через плечо. Грей был серьезен. На самом деле, его раздражало то, что я не оценила его усилий. По телу пробежали мурашки.

— Что хорошего в том, чтобы запереть меня в своей башне?

— Дело в том, — сухо сказал Грей, — что сначала я отнес тебя в свою комнату, но маяк решил предоставить тебе отдельную.

— Это же здание! Оно не может само решать.

— Так ли это?

Не касаясь меня, он протянул руку и толкнул дверь, которой секунду назад не было. Она вела не в комнату с музыкальными шкатулками. Я ощутила горький от смерти ветер, который пронзил меня. Маяк работал, но света не было. Я снова оказалась на вершине.

Тупая боль в голове преобразовалась в резкую. Пришлось выйти наружу, потому что больше некуда было идти. Казалось, стало лучше — я смогла вдохнуть и отойти подальше от Грея. Звук железа отдавался в такт моим шагам.

— Выпусти меня!

Грей прошел мимо меня. Он был достаточно умен, чтобы держать свои руки при себе.

Он внимательно смотрел на меня, а потом отодвинулся. Схватившись за перила, Грей взирал на море, ни разу не оглянувшись. Ветер пытался развеять звук его голоса, но я все равно его слышала.

— Меня удивляет то, что ты считаешь, словно я могу здесь что-то контролировать.

— А разве нет?

По нему было заметно, что он начинает злиться. Грей вскинул руки, сверкнул глазами, а его голос загремел.

— Это все проклятье. Я проклят и это место тоже. Разве ты не можешь отличить иллюзию от реальности? Ты проснулась в комнате, в которой хотела, в одежде, которую желала.

У меня отвисла челюсть.

— Это не мое воображение.

— Я клянусь тебе, это твои желания. — Наконец Грей повернулся ко мне. Руки метнулись вверх, они дрожали, Грей был в ярости. — Я не вижу тебя как человека, Уилла, не вижу плоть. Для меня ты огонек жизни в моей коллекции, не более того. Призрак. Обман.

Наверное, он прав. Мне стало страшно. Я взглянула на скалистый берег внизу. Теперь у меня не было самодельной веревки. Сколько бы уроков физики я ни пропустила, я все равно понимала, что такое терминальное торможение. Земля слишком далеко. Я не выживу. Никто бы не смог.

Грей стиснул зубы и отвел взгляд.

— Если хочешь уйти, иди. Никто тебя не держит. Только один из нас привязан к этому месту.

— Да? — Я развела руками. — Я все еще здесь. Могу думать о миллионе мест, где я предпочла бы быть.

— Значит не так сильно ты стремишься туда попасть.

Если бы я его лучше знала или мы бы выросли вместе, я бы прибила его.

Я развела руками и сказала:

— Ты принимаешь желаемое за действительное.

Лицо Грея потемнело, и он снова посмотрел на море. Он казался статуей — холодный, бледный, с серыми венами, которые располагались там, где должен пробиваться пульс. Держу пари, если бы я дотронулась до него, он оказался бы каменным.

Это замерзшее «нечто» взобралось на перила. Ветер трепал его волосы. Его окружал туман — дикие, серые завитки, которые проплывали вокруг головы, затем выпрямлялись.

Грей вздрогнул.

Он не произнес ни слова. Даже не оглянулся. Просто выбросился вниз без единого звука. А вот мой крик раздался — он вырывался из моего горла. Оцепенев от ужаса, я бросилась к перилам.

Схватившись за железо — такое холодное, что обжигало руки, — я наклонилась. Я видела, как он упал на землю, растекшись туманом. Тела не было, как и крови.

От него ничего не осталось.

— Что я и говорил, — сказал Грей позади меня. — Только один из нас привязан к этому месту.

По моей коже поползли мурашки. Резко обернувшись, я уставилась на Грея. Он был целым. Все таким же холодным, бледным и пугающим. Но выглядел так, словно и не прыгал с маяка.

С воды подул холодный ветер. Он подтолкнул меня назад, и я увидела лестницу. Сердце замерло. Я прошла мимо Грея — чуть не упала, но шаг не замедлила. Перепрыгивая через две ступеньки, я побежала. Если потороплюсь, маяку придется меня отпустить.

Мне нужно выйти на свежий воздух. Вернуться домой.

Мои шаги эхом отдавались в голове. Если упаду, смогу ли остановиться. Винтовая лестница могла исчезнуть в любое мгновение. Тело разорвало бы на куски. На крошечные осколки, пока не остались бы лишь кровь и атомы.

Металлический, непопадающий в ноты звук окружал меня. Музыкальные шкатулки вибрировали. Изящные, сделанные из меди и серебра, они казались живыми. На них падал слишком яркий свет. На искаженных мерцанием шестеренках, я увидела свое отражение. Тысяча зеркал в комнате смеха, где каждое играет свою собственную мелодию. Слишком много острых углов.

Я пробежала мимо и влетела в дверь.

Зайдя внутрь, я зажала рот рукой. Усилием подавила истерику. Я не помню, чтобы шла по утесу Джексон-рок. Я вернулась домой и стояла на крыльце, смотря на входную дверь, которую мама любила окрашивать в новый цвет каждую весну. Потянулась к дверной ручке и испугалась, когда она повернулась сама.

Папа посмотрел на меня. В костюме он чувствовал себя неуютно. Его лицо было бледным и немного искаженным. Затем он достаточно резко спросил:

— Что с тобой случилось?

Я не хотела признаваться. Потеря «Дженн-а-Ло» казалась такой же нереальной, как и Грей.

Я не ответила, а отец закатил глаза и зашел в дом, крикнув матери:

— Она вернулась!

Да, я дома. И у меня назначен суд.

Грей

Она считает меня чудовищем. Я видел это в ее глазах. Хотя у меня есть собственные мотивы, я не понимаю, что сделал не так, чтобы заслужить осуждение. Я вел себя как

джентльмен, был добр. Говорил правду, ну по крайней мере, большую ее часть.

Это заставило меня задуматься, что же за мир находится по ту сторону моря. Там всегда царили страсть и безумие. Убийства, жестокость и зло. Я не так наивен — для Сюзанны я был дураком. И когда я освобожусь ничего не изменится, думаю, станет даже хуже. Но Уилла считает меня чудовищем. Словно я использовал ее слабость. Оказал неуважение — я не такой.

Я обещал не лгать, потому что она должна быть готова, когда займет мое место. Тысяча лет или тысяча душ — это вечность, чтобы страдать наедине со своими сожалениями. Может, мне не следовало спасти ее вчера вечером? Отказаться от мысли, что она займет мое место. У меня не получается ее соблазнить. Привлечь словами. Мои музыкальные шкатулки пугают ее. Я — тоже.

Думаю, Сюзанне было намного легче. Она посмотрела на меня своими красивыми глазами, и я попал в ее плен. Вообразил, что люблю ее, прежде чем между нами пронеслось хоть что-то. Она ведь была всего лишь фигурой на утесе. Но ее загадочность взбудоражила мою кровь, а все остальное я выдумал. Поэтому в тот момент, когда я пришел к ней, ей оставалось лишь ждать, пока я сам выберу свою судьбу. Моя вина! Конечно, я был готов умереть за нее. Убивать, воровать и лгать ради нее.

Как легко я отдал свое сердце, свою свободу. Плоть.

Уиллу будет трудно убедить. Боюсь, что вообще ничего у меня не выйдет. Если бы я был резок, показывал свою злость, это можно было бы исправить. Одних извинений достаточно. Но страх — низость. Невозможно убедить людей, если они боятся.

Но ведь есть «но» — она думала обо мне. Пришла ко мне. Прорвалась сквозь барьеры и ступила на остров.

Она особенная. Должна быть ею. Знаю, она ранена, но сегодняшнее утро показало, что она не сдастся. Чудеса и магия ее не прельщают. Моя красота, которую даровало мне проклятье не соблазняет ее. Мне тяжело бороться с ней, не удастся смягчить ее настойчивостью. Тайны не помогут. Думаю, для того чтобы завоевать ее, у меня есть только один путь. Я должен понять Уиллу.

Уилла

Мама сидела на переднем сиденье, прижавшись виском к стеклу. Она обратилась ко мне безжизненным голосом:

— Ты не хочешь рассказать нам, что случилось с твоим лицом?

— Была буря, — начала я. Они должны были знать о шторме. Отец, скорее всего, ходил на причал на рассвете и понял, что «Дженн-а-Ло» больше нет. Как и то, что это моя вина. От осознания этого мне стало плохо и больно, словно кто-то резал меня ножом по сердцу.

— Да ладно. Вот это новость.

Когда мама хотела, обладала даром сарказма.

Резко свернув налево, папа проворчал:

— Перестань.

— Я не предполагала, что набью себе шишки.

Мама посмотрела на меня. Бледно-оранжевая маска косметики скрывала ее настоящие черты. Сережки из жемчуга, оставшиеся от бабушки, свисали с ушей, словно веревка, обвивавшая шею. Мама была похожа на танцовщицу кабуки, загримированную для своей роли. Мать подсудимой. Помада темного винного оттенка старила и придавала сердитый вид.

— Ты провела ночь вместе с Сетом? Вы были на воде?

Упоминание о нем сбило меня с толку. Я посмотрела на маму.

— Я же говорила, мы расстались.

У нее были слишком белые зубы. Она сомкнула челюсть и щелкнула зубами. Резкий свистящий вздох вырвался из ее груди.

— Это сделал Сет?

— Нет! — Она меня не слушала. Даже не пыталась. Просто хотела, чтобы я подтвердила ее предположения. — Мы расстались. Я ударилась о ветровое стекло, мам. Я находилась на лодке в бурю...

— Прекратите, — сказал отец.

Раздраженно фыркнув, моя мать повернулась к нему.

— Не думаю, что смогу, Билл. Посмотри на нее! Она идет в суд с видом боксера. И только Бог знает, где она была прошлой ночью.

— Я шла в сторону Джексон-рок, — крикнула я, чтобы заглушить голос матери. Но от этого току было столько же, как если бы я просто прижала руки к ушам и начала напевать: «Ля-ля-ля, я тебя не слышу». Длинная дорога до города Макиас, где располагался суд, являлась достаточно трудной.

Часы отсчитывали минуты до того, как моя жизнь изменится в худшую сторону. Мне хотелось умереть — покаяние за то, что я все испортила.

За Леви и «Дженн-а-Ло», а также за то, что родители сейчас ссорились.

Отец снова фыркнул и взглянул на меня бледными глазами в зеркало заднего вида.

— Я же говорил тебе держаться подальше от лодки.

— Знаю. — Пальцами вцепилась в сидение, натягивая ремень безопасности. — И мне очень жаль. Простите меня за все, простите.

Но папа лишь рассмеялся. Его смех — пустой и пугающий. Отец захрипел при

следующем приступе и снова разразился смехом. Он держал руль одной рукой, вытирая слезы другой, а скорость была в разы больше, чем устраивало маму. Я ничего не понимала. Мне следовало бы ощутить обиду или боль или просто рассердиться, но отец смутил меня своим смехом.

А вот маму его реакция разозлила. Она поджала губы и в ярости откинулась на спинку сиденья.

— Рада, что тебе весело.

— Тебе тоже станет, — сказал отец. — Видели бы вы выражение лица Элдрича. Словно кто-то шлепнул его селедкой. Но я не виню его. Его лодка, как и другие, перевернулась и прислонилась к хижине с приманками. А после, после...

Он снова расхохотался. Машину слегка повело, и я подумала, не случился ли у отца нервный срыв. Мое состояние можно назвать истерикой, но лицо отца побагровело, и он кашлял в перерывах между смехом. Мама схватила руль, выравнивая и возвращая машину на нужную полосу.

— Смотрю, а там «Дженн-а-Ло», — голосил отец, — одна в гавани. Колокола нет, но лодка так же красива, как и в тот день, когда я ее купил. Я взглянул на Элдрича, он на меня. А потом говорит: «Наверное, это твой год».

Ситуация казалась смешной только отцу. Он опять залился смехом, который вновь перерос в приступ кашля. Такого не было с тех пор, как он бросил курить. Кашель все не унимался, а мне хотелось плакать.

Я даже не почувствовала облегчения. «Дженн-а-Ло» не утонула и это настоящее чудо. Невероятно. Значит, магия.

Мне стало холодно, и я свернулась калачиком. Я не считаю, что Грей заслуживает похвалы за спасение лодки и за то, что вытащил меня из воды. Он, должно быть, в моем воображении.

Спрятанный и запертый, потому что то, что случилось на Джексон-рок, не могло произойти в моем реальном мире, где мы направлялись в Макиас под прекрасным небом. Листья почти все опали. Некоторые еще зеленые, но в основном ярко-оранжевые на фоне голубого неба. С одной стороны в линию выстроились желтые и белые дома викторианской эпохи, а с другой — синие и серые домики с щипцовыми крышами. Мы выехали на Корт-стрит.

Здание суда — красное кирпичное строение с белой колокольной. Кажется неправильным то, что оно не все построено из мрамора. Благородные колонны вместо узких окон — построение должно выглядеть, как здание суда. Хотя, судя по виду, оно вполне могло быть церковью.

Когда отцу пришлось притормозить, чтобы припарковаться, его смех стих. Мама сидела неподвижно, копошась в сумочке так, словно искала не губную помаду, а золото. Я молча сидела на заднем сиденье. После полуночи на заливе Мэн не было холодно, а тишина стояла такая же, как и в этой машине.

Мне хотелось убежать. Просто открыть дверь и исчезнуть. Мимо прекрасного маленького парка через дорогу. Уходить прочь по улицам, оставляя за спиной огромные деревья. Если я не буду останавливаться, если буду бежать достаточно долго, найду выход к морю. И смогу закончить начатое — утонуть, как и предполагалась вчера ночью.

Но я перекинула пальто через руку и последовала за родителями внутрь здания.

За две секунды, перед тем как предстать перед судом, я познакомилась с мистером

Фарнхэмом — адвокатом, о котором я даже и не подозревала. Мама обняла меня и подтолкнула к нему. Я засомневалась.

Зал суда был маленьким, и я слышала, как шепчутся две дамы в заднем ряду. Я чувствовала себя одинокой. Думаю, мама все понимала, она выглядела сочувствующей. Она взяла отца под руку и повела на задние ряды.

Я сидела в первом ряду рядом с мистером Фарнхэмом и смотрела на пустую скамью присяжных. Все было спланировано, и я решила следовать плану. Я сказала себе, что все произойдет, как и должно.

Иногда люди специально вовлекают себя в сложные ситуации. Но я уверена, они боролись с этим до самого конца. Моя жизнь резко стала номером дела в папке. А то, на что я согласилась, отравляло меня. Мне захотелось плюнуть на все. Закричать. Передумать.

— Дело номер сто двенадцать тире двенадцать, — начала судебный исполнитель. У нее был вид человека, который только что читал интересную книгу, но ей пришлось ее отложить.

Мистер Фарнхэм помог мне подняться и встал вслед за мной. На лице судебного исполнителя читалась скука и желание оказаться подальше отсюда. Монотонным голосом она начала зачитывать иск. Нет, не обвиняя, — то, что я сделала не преступление, — а просто описывала мою хулиганскую выходку. Жалоба. Болтающийся внизу пояс с пистолетом звякнул, когда она передавала папку.

Судья удивлённо приподняла брови и посмотрела на меня. Мое темно-синее платье, которое мама выбрала для суда, не сочеталось с синяками на моем лице. И само платье мне не шло. На ощупь оно напоминало смирительную рубашку, такую грубую и сковывающую движения. Наручников на мне нет, но руки я держала скрещенными за спиной.

Неужели я должна была выглядеть виноватой? Кающийся? Наверное, мне не стоило морщиться, когда судья разговаривала с моим адвокатом. У мистера Фарнхэма была раздражена кожа после бритья, а смотрел он на меня призрачными зелеными глазами. Он толкнул меня локтем. От него пахло дорогой одеждой, прямо как от Бейли, когда она провела прошлое лето в загородном клубе. Только этот запах взбудоражил в моей голове картинки прошлого — стариков и шелковые галстуки. Места, в которых мы были вместе с Бейли. Как Леви своими кривыми зубами вгрызался в яблоко, заставляя улыбнуться светильник Джека.

Воспоминания вставали перед глазами и искажались: поцелуй Сета Арчамбалта на маминой кухне, истории об октябрьской буре, которую мама и папа пропустили из-за своей свадьбы. Как в первый раз я заработала сто долларовую купюру, училась прокладывать маршрут по навигатору. Диксоны мелькали в школьной газете «Ньюэл-пост» сто, восемьдесят, шестьдесят, сорок, двадцать лет назад. И вот сейчас есть свежая статья с моим именем.

— Уилла, — произнес адвокат. Повернувшись, он прошептал мне на ухо. — Судья спросит, признаешь ли ты свою вину. Тебе следует ответить «Да, Ваша честь». После она предоставит тебе слово.

Я спустилась с уступа.

— Виновна, — произнесла я.

Трудно было сказать, волновало ли судью то, что я вышла вперед. Листая бумаги, она едва взглянула на меня.

— Вы хотите взять на себя ответственность?

Позади меня раздался голос. Я услышала отца и обернулась. Его лицо было красным, и он что-то яростно шептал матери. Несколько человек вокруг начали переговариваться. Я видела, как шевелятся их губы, но не смогла разобрать слов.

Судья не обратила на них внимания. Лишь продолжила:

— Мистер Фарнхэм, мисс Диксон?

Мой адвокат испуганно оглянулся на родителей, прежде чем снова обратиться к судье.

— Да, мэ, именно так...

— Вы понимаете, что, признав свою вину, вы лишитесь права на апелляцию? И лицензия будет приостановлена на три года. Так же вы понесете штрафы, возложенные на вас.

Отец выругался, встал и повысил голос. Я не знаю, что он собирался сказать. Судья прервала его, царственно и невозмутим.

— Вы можете подождать снаружи, сэр.

— Ваша честь, — сквозь зубы процедил папа.

— Либо вы выйдете сами, либо вас выведут из зала суда, — ответила судья.

Мама встала рядом с ним и положила руку ему на локоть. Меня передернуло, когда он отстранился от ее прикосновения. Они иногда ругались, а однажды на День Благодарения отец выкинул свою бейсболку. Меня потрясло, когда он отмахнулся от мамы. Я ни разу не видела, чтобы он делал вот так. Выходя, отец бросил сердитый взгляд. Он предназначался не мне, но я знала кому.

Грей

Интересно то, что я не знаю с чего начать. В ее комнате полно подсказок. Я сижу на кровати и размышляю над этим, как над головоломкой. Семейные фотографии — ложь. Ее брат мертв и огонек его души находится в моей банке. Лодка принадлежит ее отцу. Весла появились из ниоткуда, а колдовские шары — пустая магия.

Уилла не верит в волшебство. Она признает мое существование и в то же время отрицает. Призывает, ведь в этой самой комнате она поверила в самое худшее. Я хочу, чтобы она заняла мое место. Хочу поцеловать ее, передавая свое проклятие, почувствовать, как моя жизнь возвращается, благодаря теплу ее губ.

Но по своей воле! Сознательно! Я существо, но не чудовище. Хотя она не видит разницы. Признаюсь, я ранен, но несильно. Я пошатнул ее уверенность. А она дала мне надежду.

Приподнявшись на локтях, я растворяюсь в ее постели. Она пахнет Уиллой, но очень слабо. И этого недостаточно, чтобы снова вызвать боль в груди. Я окидываю взглядом балдахин. Беленые ракушки и морские ежи усеивают линии, океанические созвездия заменяют звезды. Вокруг море, ее фотографии, воспоминания, но я не думаю, что эти атрибуты несут для нас одинаковое значение.

Я ненавижу лодку своего отца. Прорубать лед почти также увлекательно, как завтракать овсянкой. Мы меняли направление в зависимости от времени года. Зимой ходили в Мэн, а летом в Новую Шотландию. Холод и сырость пронизывали корабль насквозь. И мне никогда не было тепло.

Каждый раз лодка уносила меня в никуда. На воде мне было одиноко, пусто и плохо. Ничем не лучше, если сидеть в пустой комнате, не имея под рукой даже книги.

Закрыв глаза рукой, я задерживаю дыхание. У нас с Уиллой разные приоритеты. Но когда я открываю их, намереваюсь понять ее. Позволю себе сгореть и почувствовать вкус

отчаяния. Она ведь смогла — прошлой ночью Уилла кашляла и боролась, даже находясь без сознания.

Это правда, что я не могу умереть. Мое тело ненастоящее, но оно прекрасно справляется со своей ролью. Моя воображаемая борода растет. Вьющиеся волосы ниспадают на глаза. Тело имитирует голод, а бестелесный мозг работает и иногда мне снятся кошмары. Я ощущаю биение сердца. Его нет, но думаю, что все равно чувствую его. Я сажусь и снова рассматриваю комнату Уиллы. Вот она в белых, зеленых и голубых оттенках. Вода, фотографии. Я бросаю взгляд на колдовские шары. Они покачиваются на окне. Вибрации рассеивают свет, который струится сквозь окно. Лучи мерцают вдоль стен, играют на волнах.

Вот и ответ. Дело не в том, что она несет в себе скрытый источник магии. Просто я — ее раздражающее исключение.

Удовлетворенный своим открытием, я встаю. Нет, в ней нет никакой тайной магии. Я для нее всего лишь дополнение к океану. А ведь она жаждет жить в нем. Возможно, в этом вся Уилла. Может, и нет в ней загадочности.

Но когда я спускаюсь на кухню к моей новой музыкальной шкатулке, беспокоюсь. Такое пульсирующее чувство на затылке. Боли нет. Ощущение появляется, задерживается и уходит. Мне от этого не по себе.

Медные детали моей самой старой музыкальной шкатулки блестят на свету. Я мечтал о песне, которая придала бы ей смысл. И вот, что я получил в подарок. Часовой механизм, который я собрал сто лет назад, самый первый. Детали вибрируют, когда я прикасаюсь к ним. Несмотря на столетие, неважно, как много часов я потратил на создание шкатулки, это занятие приносит мне удовольствие.

Я осторожно поднимаю механизм и поворачиваю ключ. Жестяные детали начинают работать, отдаваясь вибрацией на моей коже. Моя душа скорбит вместе с балладой. Тексты песен всего лишь иллюзия на листке бумаги. Слова могут исчезнуть, так уже было. Эту песню, играл дудочник моего отца. Даже когда я был жив, мелодия являлась старой, древней.

«Моя возлюбленная сказала мне, моя мама не возражает,

И мой отец не будет смотреть свысока, из-за того, что ты не богат.

Она покинула меня, и вот что она сказала:

Недолго ждать осталось до дня нашей свадьбы».

Пульсация на затылке немного усиливается. Это означает, что я что-то узнаю. Опустившись на свое место, я поворачиваю ключ, и мелодия играет снова.

Уилла

Машина не самое лучшее место для ссоры. Хотя видимо мои родители считали иначе. Чего не скажешь обо мне. Когда отец закрыл водительскую дверь, сказал:

— Как ты это объяснишь, Уилла?

— Оставь ее в покое, — ответила мама, пристегнув ремень безопасности и указала рукой на дорогу. Этот жест означал замолчи и поехали. Садись за руль прежде, чем это сделаю я.

Папа зажал педаль тормоза и включил передачу. Медленно сдал назад, потому что в городе отец ездил так всегда. Визг покрышек по асфальту был бы более трагичным, но, пожалуй, нет никого драматичней, чем мой отец. Аккуратно выехал на шоссе и посмотрел на меня в зеркало заднего вида. Несмотря на то, что мама его предупредила, он выжидающе поднял брови.

— Ну так что?

— Тебя не было, когда приходил обвинитель, — ответила я.

Мама резко повернула голову.

— Ты сделала то, что тебе сказали, так что не переживай.

Я собиралась ответить, но отец вдруг произнес:

— Что?

— Это не единственный суд, о котором нам нужно беспокоиться, — ответила мама холодным голосом, режущим, словно лед. Айсберг. — Через пару лет ей вернут лицензию.

— Три года, — произнес отец.

— Второй суд важнее рыбалки.

Прежде чем взорваться, отец набрал скорость.

— И что мы будем делать в течение трех лет? Мне нужна Уилла на лодке.

На меня навалилась тяжесть, грудь сжало в тиски. Он сказал то, что думал. Это не шутка. Он заявил это всерьез. В голосе звучало отчаяние. Я не понимала, как такое возможно, ведь этот же человек приказал мне держаться подальше от «Дженн-а-Ло». Схватившись за спинку отцовского кресла, я хотела хоть что-то сказать. Все объяснить. Но мама подняла руку. Не высоко, но достаточно, чтобы меня остановить.

— Найдем другой способ заработать деньги. Три года — это не конец света.

— Как мы нашли их этим летом?

Его голос сорвался, а мама напряглась.

— Мы все еще живем, не так ли?

— Это не наша заслуга!

Я сидела и слушала, как они ругаются. Я так хотела исчезнуть, но у меня не было возможности сбежать. Если бы я просто могла просочиться, словно масло, сквозь машину на асфальт, колеса не причинили бы мне вреда. Изменилось все и в то же время ничего — я не смогу рыбачить долгое время, выйти на воду, и я все еще виновата в смерти Леви. Но вот только у меня появилась глупая надежда, что смогу искупить свою вину.

— Может, ты просто заткнёшься и выслушаешь меня? — снова закричала мама. — Рассмотрни внимательно ситуацию со всех сторон!

— Нет это ты посмотри! Мы потеряем лодку. Работу и заработок! Хорошо, что пикап

окупился. Мы сможем загнать его на кухню и готовить еду в двигателе, когда они отключат газ и свет!

Папа привык держать руки на руле и смотреть на дорогу, что бы ни происходило. Поэтому он мог и глазом не моргнув кричать на мать, выезжая на шоссе № 1.

Я прижалась к двери.

За окном мелькал мир. Осенние листья нечетко расплывались красно-золотыми оттенками. Иногда я замечала зеленые цвета и сосны в этом пейзаже. Меня укачивало, тошнота подступала к горлу. Пальцы вцепились в дверную ручку и сжались. Отец не знал, что я собиралась признать свою вину. Для меня новость, что он хотел работать вместе. Внезапно я разозлилась. Родители ругались в машине так, будто меня здесь не было. К тому же я не могла вспомнить, когда мы в последний раз разговаривали хоть о чем-нибудь.

Не то чтобы я могла представить, как сижу и болтаю с отцом. Он не такой человек, да и я тоже. Нам было хорошо в тишине. И если мы не могли согласиться друг с другом, молчание считалось наилучшем выходом. Мама и Леви вели беседы. У них были одинаковые глаза и характер.

Всех все устраивало, но сейчас нет. Разный темперамент привносил разлад. Поэтому мама и папа ругались спереди, а я сильнее прижалась головой к стеклу на заднем сиденье.

Когда мы въехали в «Сломанный Клык», я заметила машину Сета у рыболовного магазина. Может, Арчамбальтам повезло, и их лодка уцелела. Отец Сета занимался чартерными перевозками, поэтому иногда уходил на ночь в Бостон или Галифакс.

— Остановите, — сказала я. — Хочу поговорить с Сетом. Я сама вернусь домой.

Мама нахмурилась.

— Не думаю, что...

— Выпустите меня!

Я не хотела кричать, но не сдержалась. Получился отвратительный звук. Казалось, голос срывался, но остановиться я не могла.

— Мне надоело слушать вашу ругань. Я устала. Выпустите меня.

— Тебе нужно успокоиться, — прокричала мама.

Папа, однако, притормозил на углу. Он разблокировал все двери. Я так сильно распахнула свою, что она ударила меня. Меня это не заботило. Мне было тяжело дышать, но на улице так солнечно и тихо. Не знала, кто я и кем была раньше.

— Мне стыдно, — сказал Сет. — Нам следовало бы помогать на пристани.

Мы сидели в багажнике его пикапа, припаркованного в самом дальнем конце дороги Стиклс-Коув на скале. Сосны окружали нас, защищая от прохладного ветра, который поднялся сразу после захода солнца. Мы наблюдали, как на пристани «Сломанного Клыка» все восстанавливают.

Пострадавшие лодки вытаскивали из воды. Некоторые из них починили, поэтому на них можно было выходить на воду. По обеим сторонам гавани громоздились груды щепок и мусора. «Дженн-а-Ло» стояла целая и невредимая.

Сняв этикетку с напитка «Мокси», я кивнула. Вместо того чтобы помогать морякам и рыбакам, я пила газировку со своим бывшим парнем. Поставив бутылку, наклонилась. Вода находилась далеко и у меня закружилась голова, когда я посмотрела вниз.

— Верно. Почему бы не пойти? — спросила я.

— Потому что мы неудачники.

Яркий свет заката падал на нас, освещая Сета. Я вспомнила, как он сломал передние

зубы об конфеты «Чиклетс». Что в средней школе у него был курносый, широкий и закругленный нос. Время все исправило. Сет вставил зубы, а лицо с возрастом приобрело другие черты. У нас были планы.

— А разве нет? — подтвердила я.

Сет допил бутылку и бросил ее в мусорное ведро. Затем откинулся назад в тень и посмотрел на небо.

— Они отобрали у тебя лицензию, да?

— Именно.

— Лучше бы забрали мою, — сказал он.

Еще одно открытие за день. Повернувшись к нему, я не смогла скрыть своего удивления.

— Ты это серьезно?

— Конечно.

Он потянул меня за рукав платья, такой знакомый жест. Сет продолжал это делать до тех пор, пока я не легла рядом с ним. Даже сквозь куртку я чувствовала жар его тела. Впервые за долгое время я ощутила запах его кожи. Стукнув костяшками пальцев по его руке, я спросила:

— А как же чартерные перевозки?

— Мне надоело заниматься одним и тем же.

Я слабо улыбнулась.

— И хор отвечает Аминь.

— Я серьезно, Уилла.

Сет нахмурился, лениво подцепив мой палец.

— А кто спорит?

— Я просто устал.

— Я думала, у нас были прекрасные отношения. Но это не так. Не пойми меня неправильно. Все неплохо, но не идеально.

Ведь почему-то же Леви писал свои песни. Это было правильно.

Иногда мы спорили, кто из нас слишком старается и заботится о другом. Потом прекращали, притворяясь взрослыми и женатыми людьми. Мы так веселились. Влюблялись.

Переплетя свои пальцы с его, я оглянулась. Солнце сместилось — алая полоска света падала прямо на лоб Сета. Он выглядел мудрым и красивым.

С трудом сглотнув, я собралась с силами и спросила:

— Можно задать тебе вопрос?

— Давай.

— Ты купил мне кольцо?

Сет долго молчал. Он не казался испуганным, просто задумчивым. Видимо, подбирал верные слова. Сжав мои пальцы, он наконец пробормотал:

— Да, но я сдал его назад в магазин.

— Но я не думала, что ты...

— На следующий день, после того как я его купил, потому что мы...

Больно. Но в то же время будто камень свалился с моих плеч, давая кислород моим легким. У нас все было хорошо, как и должно быть. Удобно, я бы сказала. Кратчайший путь к тайному месту в лесу. Нового ничего не произошло, да мы и не стремились к этому. Сет понял. Возможно даже первым.

— Тебе надо поехать в Нью-Йорк, — сказала я. Я перевернулась на бок, хотя это не

совсем удобное положение. Подперев голову одной рукой, другую положила на его грудь. — Заниматься музыкой. Вы часто обсуждали это.

— Группа распалась, — ответил Сет.

— Многое изменилось. Очевидно, следует жить дальше. Мне все это говорят.

— Знаешь, мы тоже по нему скучаем.

— Сегодня я говорю не о Леви.

Я не шутила. Хотя было немного неправильно так говорить. Специально убрать все воспоминания в ящик или коробку. Но я честна и устала. Положив голову на плечо Сета, я прижала пальцы к его груди.

— Я хочу, чтобы ты был счастлив. А еще мне интересно, почему вы поссорились с моим отцом.

Сет фыркнул и вздохнул.

— Разве ты не в курсе? Я ублюдок, разбивший твое сердце.

Меня кинуло в пот.

— Извини, я не знала.

— Я так и не считал, — сказал Сет. — Все беспокоятся. Где ты была в последнее время?

— В суде, аду, Джексон-рок, — ответила я.

— Ерунда, — произнес Сет.

— Возможно, но вот только это правда.

Я подняла голову, вглядываясь в остров. Грей был где-то там, если он все же существовал.

Мне до сих пор было трудно верить в его реальность, когда я находилась на материке.

— Я высаживалась на острове с другой стороны.

— Нет, ты не могла. Там находится редкий вид птиц. — Отвлекшись, Сет поднял руку, чтобы потереть висок. Его голубые глаза на мгновение заполнила пустота. — Я приглашу на мероприятие Кайлу.

Это его кузина, и он переключился на другую тему разговора слишком резко. Мне стало любопытно, и я наблюдала за лицом Сета.

— А как же Денни?

Медленно поднявшись, Сет покачал головой.

— Я же говорил, ничего не было.

— Думаю, не следует пропадать билетам, — произнесла я, пожав плечами. — Я, наверное, пойду на маяк, чтобы не сидеть в городе.

— Туда никто не ходит. — Сет поморщился и прижал два пальца к виску. Затем побледнел и снова повернулся. — Хорошо, что вчера вечером отца не было в городе. Он говорил, что вода была гладкой, а небо ясным.

Холодок пробежал по моей коже. Взгляд метнулся к Джексон-рок. Едва заметный маяк на темнеющем горизонте. Время еще не пришло, поэтому он еще не работал. Подтолкнув Сета локтем, я придвинулась к выходу. Затем четко выговаривая каждое слово, сказала:

— Пойдем со мной, я покажу тебе остров.

На этот раз Сет застонал. Он не поднялся, а только ущипнул себя за переносицу. Глаза потускнели. Он был смертельно бледным.

— У меня голова раскалывается. Мама, наверное, готовит ужин.

— Сет, — произнесла я. Опустившись к нему, я коснулась его подбородка. На мгновение мне захотелось его поцеловать. Обнять и залезть руками под его одежду. Он был

моей комфортной жизнью, дорогой, где мне было бы хорошо. Но я оглянулась на остров.

— Пойдем на Джексон-рок.

— Я могу поехать в Сизтл. Я хочу жить рядом с водой. Мог бы взять гитару, сесть на углу и поиграть.

Он не мог обсуждать со мной ни маяк, ни остров. Осознание пришло ко мне быстро и почти болезненно.

Ведь у меня было то же самое — пробелы и головные боли. Я не могла вспомнить никого из «Сломанного Клыка», кто бы высаживался на остров. Люди разбивали лагерь на соседних островах, устраивали вечеринки, разводили костры, но... не на Джексон-рок. Когда я думала о маяке, у меня начинала болеть голова. У Бейли было тоже самое. Остров действительно желал быть незаметным.

Грей

Все уже готово, и я тоже. Я поднимаюсь наверх как раз в тот момент, когда маяк начинает работать. Шестеренки скрипят, свет гудит. Воздух не такой, как перед грозой, но он полон предзнаменований.

Мелодия музыкальной шкатулки крутится в моей голове. Кажется, это знак. Я подготовился к приходу Уиллы, а она уже привыкла ко мне. Уверен в этом, ведь она думает обо мне. Я наблюдаю за огоньками души — они вне моей досягаемости — только одна оглядывается.

Гнев просится наружу. Разочарование.

Я не Сюзанна, а Уилла не я. Я не могу ее соблазнить. Но я владею морем. Я бессмертный и время всегда со мной. Я не покидаю воду, а она меня. Это заветная мечта Уиллы.

Она не будет страдать от одиночества. Примет проклятье. Я могу ей все это дать. Океан и вечность будут принадлежать ей, ведь она жаждала этого волшебства.

Сейчас и через тысячу лет она будет леди Грей. Будет наслаждаться такой жизнью.

Нет никого, кто мог бы услышать меня, поэтому я смеюсь. Подставляю свое лицо ветру, и лента слетает с моих волос. Сердце бьется — я нахожусь под лунным светом, а прибой окружает меня. Скоро я буду ступать по другому берегу. Увижу лица, услышу голоса, буду резаться во время бритья. Кровь не текла из моих ран уже сто лет, и я никогда бы не подумал, что буду с нетерпением ждать этого момента. Я существую.

Где есть боль и удовольствие. Иногда горячий суп. Где есть холодные ночи. Мое дыхание. Реальное тело, которое может страдать и получать раны, а также стареть. То, что у меня есть сейчас — странная жизнь, которая мне не подходит. А Уилла создана для проклятья. И ей будет комфортно там, где существуют лишь вода и бессмертие.

Очевидно, она этого хочет. Ее комната осталась нетронутой. Сети, лодки. Ставни распахнуты в сторону моря и только маленькая частичка магии висит на окне, не сочетаясь со всем остальным. Я понял Уиллу. Ее судьба в маленькой башенной комнате, где раскрыты ее мечты.

— Приходи, Уилла, — говорю я.

Звук моего голоса теряется в крике морских птиц и завывании ветра. Я знаю, она не слышит меня, но искренне верю, что она чувствует мой зов. Она вернется на этот остров. В ее глазах будет гореть ажиотаж и целеустремленность. У меня есть все, что она хочет, и я дам ей это. Ей нужно только попросить.

Уилла

На выходных отец и мистер Эдрич отправились проверять свои приманки. Поскольку верёвку, соединяющую приманку, можно перерезать и такое уже случалось, то каждая ловушка имела щель, через которую омар мог вырваться на свободу. Это означает, что нельзя зависеть от ситуации и даже если половина лодок перевернута вверх дном после шторма, все равно нужно выйти в море. Омары, оставленные в приманке слишком долго, могли сбежать.

К тому же отцу и мистеру Эдричу придется раскрыть друг другу местоположение своих ловушек. Тяжелое решение — показать свои лучшие места на воде. На самом деле это все, что у них есть, но выбора не было.

Я и Бейли распутывали разбросанные после шторма приманки на берегу. Они были похоже на нижний ящик гигантской шкатулки с драгоценностями. Разноцветные веревки, узлы, проволока, все спутавшиеся, принадлежащие разным лодкам.

— На этой неделе обещают похолодание, — сказала Бейли.

Она подняла над головой розового оттенка приманку, принадлежавшую Лейну Уоллесу. Он считал, что благодаря такому цвету их не воруют. Неправ, конечно. За год он терял одну-две приманки, как раз именно потому, что некоторые находили их забавными.

Натянув зубами перчатку на руку, я сунула руку в кучу веревок.

— Может, нам развести костер? Устроить вечеринку?

Бейли откинула голову назад, и ветер сдул ее волосы с лица.

— Да, наверно стоит. Позже я поеду в Милбридж. Мне надо поговорить с Кейт.

— У вас все налаживается?

— Вроде также.

Бейли поставила розовую приманку рядом с такими же и вернулась к основной куче. Она хорошо работала руками, особенно с проволокой. Ей следовало бы пойти в класс миссис Бакстер.

— Мы собираемся навестить ее дядю Далтона.

— Тот, от которого пахнет ромом? Зачем?

Закатив глаза, Бейли пожала плечами.

— Она любит его. Не знаю.

— Почему ты едешь... — оборвала я себя.

Выпрямившись, я поправила воротник, чтобы впустить немного воздуха.

— Неважно. Глупый вопрос.

Несмотря на то, что я сказала, Бейли взмахнула руками.

— Мы будто играем в спектакле. Обе знаем, чем все закончится, но все равно произносим нужный текст и отыгрываем свою роль в сценах.

Я бы не смогла объяснить лучше. Я точно поняла, что она имеет в виду.

— Все заканчивается, Бэй, — тихо сказала я, — жизнь тоже. Но ты все равно продолжаешь жить.

Бейли скорчила гримасу. Если бы ее руки были свободны, она толкнула бы меня.

— Достаточно лицемерный совет, не так ли?

— Опыт, — возразила я, — какой-никакой.

Бейли прошла дальше, подняла еще одну приманку из хаоса и прислонила ее к бедру.

— Я на машине. Думаю, тебе следует поехать с нами.

— Сегодня вечером?

— Да, а почему бы и нет? Дядя Далтон странный, но в принципе нормальный. А так как ты сегодня болтлива, сможешь расспросить его о леди Грей.

— Я не разговорчивая, — заявила я и угрюмо добавила: — Сейчас это мистер Грей.

— Дядя Далтон считает иначе. — Бейли поставила еще одну распутанную приманку в сторону, а затем повернулась, прислонившись к ней. — Просто поехали. Будешь что-нибудь рассказывать. Это ты умеешь лучше всего.

Задев брови кожаными перчатками, я с восхищением посмотрела на нее.

— Серьезно?

— Это моя работа тыкать тебя носом в дерьмо, — ответила Бейли. Улыбнувшись, она опустила голову и снова принялась за приманки.

Да, это лицемерный совет. Потому что, наблюдая за тем, как моя лучшая подруга распутывает очередную ловушку, я не могла не ощущать то, что время уходит. Скоро она уедет в колледж, ее жизнь в другом месте уже начиналась: отказаться от совей возлюбленной для нее стало тяжелым выбором. Для меня тоже. Но Бейли должна была это сделать. Она будет приезжать на Рождество и летом, мы будем переписываться и созваниваться, но все изменится.

Найдется кто-то еще, кто выслушает ее повседневные проблемы. Появится новое место, которое она назовет домом.

«К черту все», — подумала я. Просунув пальцы в узел, пнула ногой ловушку для креветок в сторону Бейли.

— Так что же мне надеть на свидание с дядей Далтоном?

На мне были синие джинсы и белая футболка. А на лице лучшая из моих фальшивых улыбок, потому что между Кейт и Бейли все было гораздо хуже, чем они могли себе представить. Смеялись в нужных местах, машинально держались за руки. В отношениях девушек исчезла нежность, появились пустые глаза и долгие взгляды.

Чтобы разрядить обстановку, я начала разговор в машине. Упомянула о костре, который мы обсуждали. Хотя, конечно, я не хочу устраивать вечеринку. Девушки уже переоделись в платья, так что нам оставалось пережить полчаса дороги. Я рассказала о том, что Сет пригласил свою кузину на мероприятие. История заняла двадцать минут, поэтому вскоре мы въехали в городок.

Название гласило «Локвуд», но в городе было всего лишь одно строение. Небольшая лужайка перед домом, и я надеялась, что во внутреннем дворе места побольше. В прихожей пахло печеной треской и ментолом.

Множество людей рассеяны по разным комнатам. Кто-то играл на пианино, кто-то в карты, две пожилые женщины сидели лицом к лицу за шахматной доской. Судя по их виду, я сомневалась, что они стойко выдержат проигрыш.

— Привет, дядя Далтон, — сказала Кейт.

Она подвела нас к дивану у камина, который не горел. Мне очень хотелось разжечь угли, но я села, потому что следовало начать разговор.

Дядя Далтон выглядел хрупким. Его волосы, губы и кожа были пыльно-бледного оттенка, а глаза едва голубыми, но достаточно яркими, чтобы не казаться жуткими. Увидев Кейт, он улыбнулся, похлопал себя по коленям, словно ожидал, что она сядет на них.

Когда они оба рассмеялись, стало ясно, что это шутка.

— Может быть, в следующий раз, — произнесла Кейт.

— А как насчет тебя, Бейли? — спросил он, ничуть не смутившись.

Бейли села на пол рядом со своим стулом. Подняв руку, она заявила:

— В другой раз.

Кейт обняла дядю за плечи и кивнула в мою сторону.

— Надеюсь, ты не против, что мы привезли с собой подругу.

— Она хорошенькая? — спросил дядя Далтон. Он медленно перевел взгляд на меня и протянул руку. — Наверное, да. Далтон Боукер.

Я занервничала, но пожала его руку. Я испугалась, что сломаю ее, но хватка оказалась сильной.

Он выдержал мой взгляд, а я ответила:

— Уилла Диксон. Приятно познакомиться.

— Она живет в «Сломанном Клыке», как и Бейли, — пояснила Кейт.

Дядя Далтон откинулся на спинку стула.

— Я не был там уже много лет. Ловит ли все еще рыбу Зик Помрой?

Я отрицательно покачала головой. Мистер Помрой умер пару лет назад, а до этого много лет не выходил на улицу. Наверно, глупо говорить это такому старому человеку, как дядя Далтон. Ведь тот, кого он помнил живым, уже мертв.

— Теперь лодка у его внучки, Зой. Все утверждают, что она очень похожа на своего дедушку.

Дядя Далтон кивнул.

— Лучше он, чем его жена. У этой женщины была трудная жизнь.

Суетясь, хотя причин не было, Кейт не находила себе места и трогала стул дяди Далтона — подлокотники, спинку. Словно хотела что-то сделать, чтобы ему стало комфортнее, но этого не требовалось.

Наконец успокоившись, она ограничилась тем, что похлопала его по руке.

— Дядя Далтон. Я рассказывала Бейли и Уилле о том, как ты однажды видел леди Грей.

— Не я, — ответил дядя Далтон, — а мой кузен Рой. К моменту моего рождения леди Грей уже исчезла.

Напрягшись, я сжала пальцы ног. Грей говорил, что его предшественником была женщина. Ощущая неловкость, я положила руки на колени, но ничего не сказала.

Поскольку я молчала, Бейли услужливо мне помогла:

— Как это пропала?

— Нашла замену.

Дядя Далтон потянулся и откинул голову на спинку стула. Он поднял вверх пустой взгляд. А потом в его глазах появилась резкость, предназначенная не нам.

— Тебе не обязательно рассказывать, если не хочешь, — сказала Кейт.

Отмахнувшись от нее, дядя Далтон продолжал:

— Леди Грей, обычно стояла на утесе, распуская свои волосы. Так мне говорил Рой. Больше ее никто не видел. Девчонки, это место уже тогда было заброшено. И от одной мысли о нем, у меня начинает болеть голова.

Мурашки пробежали по моей коже. Граница, отделявшая меня от настоящего мира и Грея, уже начинала терять свою четкость. Все больше и больше его мир проскальзывал в мой и это пугало. Словно я могла изменить историю, случившуюся до моего рождения, предположила:

— Может, он просто был провидцем?

Дядя Далтон погрозил пальцем.

— Мой отец говорил, что Рой сказочник. Но я ему поверил. Он описал каждую деталь в этой истории, все до мельчайших подробностей. Кейт!

Она с интересом наклонилась вперед.

— Он напился в стельку на моем тринадцатом дне рождения, — продолжал дядя Далтон, обращаясь к Кейт. — Заявил, что когда-то был влюблен в девушку по имени Сюзанна, но бросил ее. Она была словно яд и могла погубить его, впрочем, как и другие женщины.

Дядя Далтон выглядел виноватым. Видимо он осознал, что рассказывает эту историю трем девочкам.

— Рой просто предупреждал меня, чтобы я был внимательным. Конечно, тогда я и не думал о женщинах.

Кейт улыбнулась и легонько ткнула его в бок.

— Я не понимаю, как эти истории между собой связаны.

— Ты что, не слушаешь, дорогая?

подавив смешок, Бейли обменялась взглядом с Кейт. На секунду они забыли о проблемах в своих отношениях. Снова смотрели друг на друга, как будто никого больше не существовало.

Поскольку они молчали, я сказала:

— Мы слушаем.

— Сюзанна позвала его на остров, — нетерпеливо произнес дядя Далтон. — Она спросила, любит ли ее Рой, он подтвердил. Затем она поинтересовалась, готов ли умереть за нее, он отказался. Рой вернулся обратно на материк и больше никогда не выходил на воду.

Это была первая нормальная история о леди Грей, которую я слышала.

— Не очень романтично, — с улыбкой заметила я.

— В смерти нет ничего романтического. Если вам интересно мое мнение, Ромео и Джульетта были идиотами.

Бейли прошептала Кейт:

— Я хочу футболку с такой надписью.

Дядя Далтон пошевелился, выражение его лица смягчилось. Он вздохнул, возвращаясь в реальный мир из своих мыслей.

— Следующим летом паренек из Бостона приехал сюда на ледорезе. А потом в один прекрасный день он пропал и на острове вместо леди Грей появился мистер Грей.

Моя улыбка почти исчезла.

— Что?

— Ты меня слышала, — произнес дядя Далтон. — Разве ты не знаешь эту историю? Леди Грей будет сопутствовать вашей удачи, и вы получите все, что пожелаете. Но вы должны что-нибудь предложить взамен.

— Полагаю, он согласился на сделку?

Эта история отличалась от той, которую я знала. Наша была разбросана по кускам. Суеверие. В нашей версии не было никаких сделок и обменов. Просто поверье о хорошей рыбалке и волшебном союзнике на маяке.

Но об острове никто не мог долго думать... Ветер снаружи тихо шелестел в кронах деревьев, но внутри меня бушевала буря.

Развернувшись, я спросила:

— Так парень из Бостона занял место Сюзанны? А что случилось с ней?

— Рой говорил, что видел ее в городе. По крайней мере, он так считал. Желтое платье, черные волосы — она не походила на призрака. Она узнала Роя и выбежала из магазина. А после исчезла навсегда.

Бейли положила голову на колено Кейт. Нахмутив брови, она мягко сменила тему разговора.

— Но ведь Рой нашел кого-то другого, верно?

— Ну конечно. Женился на Шарлотте в тот же день, когда она окончила среднюю школу. Жили они долго и счастливо.

Слегка покачав головой, дядя Далтон посмотрел на меня.

— Представься еще раз.

Я относительно уже пришла в себя, поэтому ответила:

— Уилла Диксон. Дочь Билла Диксона.

Изучая мое лицо, он молчал с минуту, а потом наконец спросил:

— Был ли Альберт твоим родственником?

В 1929 году Уильям Альберт Диксон вырезал свои инициалы на лестнице в Ванденбруке. «УАД II», Уильям Альберт, второй. Его сыном был Уильям Юджин. А Уильям Джек (мой дедушка) сыном Билла Джина. Уильям Джек являлся капитаном лодки, когда мой отец еще работал на корме. Я родилась первой, поэтому и получила свое имя.

Наследие, которое ускользало от меня.

Но дядю Далтона это не волновало, а в объяснения вдаваться не хотелось. Поэтому я просто кивнула и сказала:

— Да, сэр, это мой дедушка.

Заметив, что я ухожу, Бейли толкнула меня ногой.

— Ты в порядке?

— Хочу подышать свежим воздухом, — сообщила я. Уверив, что скоро вернусь, я пошла в ночь, в холод. И направилась к берегу.

Грей

Я не знал, как Уилла попадает на остров. Но понял, когда она появилась. Даже сейчас чувствую ее приближение. До сих пор эти факты были для меня совершенно неясны. На этот раз я смотрю и вижу темное чудо.

Туман надвигается, просто тонкая дымка. Это опущенная вуаль, но тонкая, пропускающая свет и детали, создающая тени фигур на расстоянии. Затем в мгновение ока он начинает клубиться, завеса раздвигается невидимыми руками.

Сначала вырисовывается нос лодки, потом она появляется вся целиком. Скользит по воде, ее приближение неслышно. Нет ни весел, ни мотора. Нос корабля едва рассекает воду. Рябь откатывается и растворяется в черноте моря.

Это чистая магия. Признаюсь, я в восторге. Это мог быть тот самый корабль, который доставил короля Артура на Авалон для его прежнего и будущего отдыха.

Но нет, в этой лодке мое спасение. Моя Уилла, и свет, исходящий от нее, как никогда чётко.

У вижу ее тело. Волосы, струящиеся по плечам. Глаза, подчеркнутые темными бровями, и сжатая челюсть. Это не очертания. Нет больше размытости. А те детали, которые заметил, когда спас ее, не были такими четкими.

Я считал, что знал все нюансы своего проклятья. Но сейчас всплывают новые подробности. Думал, что тот, кто заберет мою ношу, станет реальным. Что увижу больше чем просто свет Уиллы. Ее лицо — первое, которое я различаю после Сюзанны.

Я дрожу. Это ощущение, как голод, когда кажется, что невозможно больше ждать. Как ночь перед Рождеством, которая не заканчивается.

Я подумал, что на берегу ее должен встретить джентльмен. Лестница дрожит под моими ногами сильнее, чем когда-либо. Возможно, маяк перестраивается под своего хранителя.

Может быть. Я обещал умереть за Сюзанну, и от нашего поцелуя все вокруг побелело. Проснувшись, я обнаружил, что нахожусь в спальне, уставленной моими любимыми вещами. Я был один, а она ушла.

Прежде я не был внутри маяка. Я считал, что настоящая любовь зовет меня к утесу. Мелочи — подарки, которые я получаю за завтраком, души, которые я собираю в угоду своего проклятья, — все это я должен был разгадать сам.

Уилле не придется страдать первые годы, оставленной и растерянной. Она узнает все прежде, чем я уйду. Интересно, отвезет ли меня на берег лодка, которая привезла ее? Смогу ли я взять с собой одну из музыкальных шкатулок? Или, может, коробку с новостями? Я бы хотел этого. Но если нет, как-нибудь справлюсь.

Мое спасение — это также и моя трагедия. Все, кого я знал, мертвы. У меня нет дома, нет семьи. А мир очень сильно изменился.

Из книг и газет я уловил проблески жизни, которая поджидает меня. Мне придется заново учиться некоторым вещам. Там много горя. Но есть все, чтобы отпраздновать свободу!

Холод окружает меня, туман следует за мной, когда я спешу на берег. Тени подкрадываются среди черноты и зелени леса. Под ногами хрустят ракушки — доказательства древних наводнений, когда остров был под водой, а море являлось островом.

Путь к берегу прямой, он пересекает вторую по высоте точку острова. Вершину поляны заливают лунный свет. Если бы мне не нужно было спешить, я бы станцевал здесь. Пел бы старые и новые песни. «Недолго ждать осталось до дня нашей свадьбы».

Мы будем праздновать совершенно другой брак — передачу проклятья Уилле, мое освобождение и вхождение в мир живой.

Я спешу, но Уилла уже у берега, когда выхожу на поляну.

Она нетерпелива, не ждет, пока лодка подойдет ближе. Уилла спрыгивает с лодки, оказываясь по колесо в воде. Я в замешательстве, я больше не произвожу на нее впечатление.

Свет, который сигнализирует о ее жизни, все еще горит, но я вижу ее четко. Как мальчишка, она носит брюки. Как девочка, распускает волосы. В изгибе ее носа мелькает что-то серебряное, как и в ухе.

Теперь мой голод усилился. Если бы я не контролировал себя, прыгнул бы на нее. Обхватил ее веснушчатые руки, прижался к ее кудряшкам, прикоснулся губами к ее губам, но не для поцелуя, а чтобы почувствовать ее дыхание.

Полностью четкая, она прекрасная, живая. Она — все, что мне нужно. Я протягиваю к ней руки и говорю. Но она отшвыривает их, обрывает меня.

— Что ты со мной сделал? — требует она.

Уилла

Он стоял и смущенно смотрел на меня. Его лицо было таким спокойным, что я ошибочно приняла это выражение за мягкость. Может, даже наивность. Я выждала всего секунду. Затем, тыча в него пальцем, я повторила свой вопрос:

— Что ты со мной сделал Грей?

— Думаю, разозлю тебя сейчас, — ответил он. — Но что ты имеешь ввиду?

Он не ошибся. То, как он избегал этой темы разговора, вывело меня из себя. Я была уверена, Грей понял, что я имела ввиду. Он хочет затянуть беседу, задержать меня настолько, насколько это возможно. Единственное, чего я не понимала, так это зачем?

— В том смысле, почему я прихожу сюда? Почему именно в это место? И кто ты такой?

Грей приподнял брови и вежливо кивнул. Сложив пальцы вместе, он ответил:

— А, ну конечно ты об этом.

— Ну так что?

— Прогуляемся? — Он заметил, как я вздрогнула и поспешил добавить: — Просто по тропинке.

После прошлого раза я считала, что лучше держаться подальше от маяка. Я не знаю, чего мне следует ожидать от этого места. Или что может сделать Грей. Я посмотрела в сторону леса, прежде он не пугал меня. Это, конечно, не моя стихия, но часть моего дома. Теперь, когда листья опали, голые ветви превратились в костлявые пальцы, манящие к себе. Я отрицательно покачала головой.

— Нет, я не хочу с тобой гулять. Я хочу, чтобы ты...

Он выставил свой локоть. Когда Грей наклонил голову в мою сторону, на секунду мне показалось, что я вижу мутный цилиндр. Образ исчез, но ощущение осталось. Если он будет настаивать, я пойду с ним. Всего лишь лес, просто тропинка. С таким количеством голых деревьев смогу увидеть берег. Все должно быть хорошо.

Поэтому я взяла его под руку, но не смогла удержать. Этого жеста было достаточно, потому что Грей, наконец, пошел.

С задумчивым видом он помолчал с минуту. Затем ответил так, словно объяснял математику:

— Я мистер Грей.

— Это я знаю. — Я повела его по тропинке, на которой были разбросаны крошечные ракушки под деревьями. Когда я на них наступала, звук был похож на разбитое стекло. — Как и то, что ты получаешь за завтраком подарки, не можешь покинуть остров. Почему? Зачем все это?

Грей посмотрел на меня долгим взглядом.

— Это магия. Можно получить все, что пожелаешь, но ты должен стать хранителем маяка.

— Я не просила от тебя высокопарных речей в стиле Шекспира.

— Я просто объясняю, как умею. Меня обманули, и я занял место здесь, так что мне было непросто разобраться со всем самому. Этот маяк — мой пост, и я сам решаю, как им управлять. Я могу призвать туман или отослать его прочь, и я, Уилла, потратил сто лет, чтобы научиться этому. У меня нет власти над приливами, ветрами, бурями или снегом. Но я

могу погубить этот мир, если захочу.

Снова и снова я повторяла себе, что нужно смириться. Какие бы правила не существовали на материке, здесь они не работали. Если бы Грей заявил, что он северный ветер и Санта-Клаус, я бы поверила. Вместо того, чтобы назвать его лжецом, я сказала:

— У тебя был предшественник.

— Увы, один из многих. — Грей неопределенно указал на себя. — Длинная вереница хранителей, сменяющих друг друга. Я знаю только то, что понял, когда проснулся, а это было сто лет назад.

Прищурившись, я спросила:

— Сколько же их тогда? Как давно это началось?

Грей пожал плечами.

— Века. До того, как появился маяк. Я думаю, кто-то из предшественников должно быть, желал его. Я запрашивал полный, подробный отчет о каждом из хранителей. И это единственное, чего я не получил. Возможно, это древнее индейское проклятие.

— Да, я уверена, что, если бы Пассамакуодди обладали подобной силой, ни один из нас не стоял бы здесь.

Прикоснувшись пальцами к груди, Грей сказал:

— Горацио, на небе и в земле всего довольно.

Сосны поскрипывали, словно насмехались над нами. Иголки покрывали голый гранит. Я напряглась. Мне казалось, что Грей говорит со мной свысока. Считает меня глупой. Может, ему не понравилось, что я сравнила его с Шекспиром. Меня злило, что он не рассказывает мне то, что я хотела услышать.

— Это очень полезно.

Словно желая успокоить, Грей хотел меня обнять, но в последний момент снова сжал пальцы на моей руке, чтобы я не смогла сбежать.

— Мне кажется, в этом острове есть что-то первобытное. То, с чем мы никогда не сталкивались. Возможно, это место ведет свою историю от начала человечества.

Мы ходим кругами. Он понимал, что именно я хочу знать, но все время уклонялся от ответа. Может, я задавала не те вопросы. К тому же нет никакого руководства о том, как вести себя с призраками. Или... Я до сих пор не понимала, кто он. Ну а поскольку от его происхождения толку мало, я спросила:

— Ясно, на острове всегда есть хранитель. — Я сжала его руку. — Что ты имел в виду, когда говорил о том, что тебя обманули?

Когда мы приблизились к поляне — самая высокая точка острова, — Грей замедлил шаг. Он убрал мою руку и поднял лицо к небу. Раскинув руки, он медленно повернулся кругом, его волосы рассыпались по плечам.

— Я был глуп. Вообразил, что люблю иллюзию. И как дурак принес себя в жертву этой любви.

— Выражайся проще.

Безупречные манеры Грея дали трещину. Он нахмурился, а в черных глазах плескалась ярость, но смотрел он не на меня.

— Моя возлюбленная спросила, готов ли я умереть за нее. И когда я ответил «Да», она поцеловала меня, даровав всю ту власть, которую ты видишь перед собой. Она покинула остров во плоти, а я стал туманом.

Созвездия поменяли свое расположение. Сначала я этого не заметила. У меня были

другие заботы, поэтому я не отслеживала время по небу. К тому же забыла, что на Джексон-рок время течет быстрее.

Например, выпить чашку какао может занять весь день. Темнота начала окружать лес, а наверху загорелись огни. Стало холодно.

Обхватив себя руками, я прошлась кругом по поляне. Я не хотела садиться рядом с ним. Устроиться поудобнее и забыть, что я пришла сюда не просто так. Остановившись в тени огромного дуба, я спросила:

— Почему только я могу приходить сюда? Думать о Джексон-рок, при этом не испытывая головную боль?

Грей колебался. Но это было не от того, что он был в чем-то не уверен.

Ответ, казалось, слетел с его губ. Он не хотел говорить, но я не знала почему.

Отвечал он осторожно, подбирая слова. Словно боялся, что, если он произнесет это слишком быстро, все исчезнет.

— Тебя выбрали. Я думаю, нет убежден, что ты приходишь сюда, чтобы сбежать от реальности.

— Что, прости?

Грей приблизился. Когда он говорил, его пальцы дрожали.

— Помнишь ту ночь, когда я вытащил тебя из воды! Ты не хотела покидать море, потому что было что-то, с чем ты не желала сталкиваться на берегу. Ты пыталась избежать этого!

«Суд», — подумала я.

— Не думаю, что ты прав, — сказала я вслух.

— Это место... подарок. Все, что ты когда-либо желала, Уилла. Ты любишь море, эти воды. И дело не в утесах или пляжах. Этот остров твое наследие. И он может стать твоим. Леди Грей. Будешь той, кто ведет корабли домой. Или удерживает их в порту, когда надвигается шторм. Тебе не будет здесь одиноко. Владычица света и жизни на берегу. Ты будешь больше, чем человек.

В лесу воцарилась тишина. Даже ветер стих. Грей был так оживлен, взволнован. Он говорил как последователь веры, верящий каждому слову своего Евангелия. Тревожно я посмотрела на него.

— Почему ты так считаешь?

— Ты сама мне сказал! — Он указал на маяк. — Твоя комната, по ней все видно. Колдовские шары, висящие на окне — ты так хотела немного магии в своей жизни, Уилла. А вся остальная обстановка связана с морем. Я могу выполнить твоё желание.

У меня отвисла челюсть. Вот как он это понял? Неуверенно смеясь, я сказала:

— Колдовские шары защищают от сглаза, как и полоска стекла в старых рыболовных сетях. Все это для того, чтобы спасти себя от воздействия магии.

Лицо Грея вытянулось.

— Это твоя судьба.

— Нет, ты не прав. — Оттолкнувшись от дерева, я подошла к нему. — Я рассказывала тебе, что этим летом потеряла брата. Ты действительно думаешь, что я хочу покинуть свою семью? Друзей? Да, это были тяжелые месяцы. Но я не желаю оставлять всех, кого люблю.

Смутившись, Грей вытащил из кармана крошечную коробочку. Она была серебряная, обрамленная голубым стеклом по бокам. Когда он повернул ключ, послышались жалобные ноты мелодии. Они разносились на ветру. Отдавалась эхом по-своему. Мне потребовалась

минута, чтобы узнать мелодию.

Когда были хорошие дни на море, отец иногда включал радио и подпевал. Один-два куплета, матросские песни или другие, но чаще всего эту: «И она пошла через ярмарку». Медленная, запоминающаяся и мрачная.

Когда мелодия подошла к концу, Грей улыбнулся. Он выглядел счастливым. Такого я раньше не видела. Оборвалась последняя нота и он протянул мне шкатулку.

— Я хотел найти к тебе ключ и вот, что я получил. Послание, знак.

— Ты знаешь, о чем эта песня, Грей?

— Я слышал ее много раз.

— Да, но понимаешь ли ты смысл? — спросила я.

Краски сошли с его лица.

— А ты?

Мне стало страшно, потому что я, в отличие от Грея, знала о чем песня. Помнила все слова, слышала ее сотни раз. Я встревоженно оглянулась, чтобы убедиться, что лодка все еще ждет меня на берегу.

Повернувшись к Грею, я сказала:

— Она никогда не вернется, Грей. Однажды он встречает ее на ярмарке и всю оставшуюся жизнь тоскует по ней.

Грей побледнел, если, конечно, это возможно.

Закрыв шкатулку, он напрягся.

— Она рядом с ним ночами.

— Это плод его воображения. — Мое сердце бешено колотилось, но я продолжала: — Какая бы магия здесь не действовала. Она не ошиблась. Я не твое спасение.

Он сломался. Я увидела это в его глазах. Его руки дрожали.словно он жил в двух мирах. Один — это его проклятие, а другой — фантазия. И я только что разрушила единственную привлекательную для него реальность.

Грей молчал, а я направилась к тропинке. Он по-прежнему ничего не говорил. Я почувствовала, как меня охватывает паника. До сих пор у него всегда были ответы. И я не хотела видеть его темную сторону, если она существовала.

Когда я вышла на тропинку, он закричал. Нет, больше было похоже на жалобный вопль, который потом еще долго отдавался эхом. Грей прокричал мне вслед:

— Не уходи! Я один и схожу с ума. Мне потребуются тысячи лет, чтобы собрать нужное количество душ. Только так я смогу покинуть этот остров!

Мне показалось, что в меня метнули копье, которое меня пронзило и пригвоздило к земле. Моя грудь и голова болели. Я ведь знала, что он не договаривает. Выставлял все в хорошем свете.

— Души?

— Я не монстр, — бушевал он. — Я мог уже сотню раз потопить весь флот твоего городка. Потерять их в море, собрать все души сразу, но не делал этого! Я был благословением для «Сломанного Клыка». Оберегал вас всех! Особенно тебя, Уилла. В ту ночь, когда вы с братом ушли в темноту, я пытался защитить тебя. Спрятать!

— О чем ты?

— Пойдем со мной, — сказал он.

Грей протянул руку. Он был бледен и в лунном свете казался похожим на скелет. Внезапно он превратился в длинное неуклюжее существо. Просто кости и углы. Мурашки

поползли по моей коже. Но я последовала вслед за ним, ведь то, что он хотел мне показать, связано со мной и Леви. Я должна узнать.

На этот раз, когда мы зашли внутрь маяка, оказались не в комнате с музыкальными шкатулками. Даже не в кухне или в любых других комнатах, которые я видела прежде. Она была похожа на кладовку. Вдоль стен тянулись деревянные двери шкафов. В воздухе витал горький запах. Грей открыл одну из дверей.

Внутри ряд за рядом выстроились стеклянные, закупоренные, пустые сосуды. Каждый находился в своем углу. Я не понимала, что Грей хотел мне объяснить этим. Сосуды были ненамного больше моего пальца. Не похожи ни на пробирки, ни на емкости для специй. На дне отражался свет. Я крепко обхватила себя руками, потому что меня пробрал озноб.

— Я мог забрать тебя в ночь шторма, — сказал Грей, — рисковал собой. Я разорвал себя на куски, чтобы добраться до тебя. Спасти тебя! Я не чудовище.

Сосуды звякнули, вибрируя на своем месте. Словно живые. Маяк слегка потряхивало. Мое сердце затрепетало. Я чувствовал себя ненормальной, но все равно задавала вопросы:

— Как, Грей? Бессмыслица.

Закрыв одну дверь, Грей открыл другую. Склонив голову набок, словно восхищаясь искусством, он рассматривал три самых верхних сосуда. Они светились, словно в них находились светлячки.

Когда я подошла ближе, Грей втиснулся между мной и своими драгоценными склянками.

— Есть два варианта покинуть остров. Первый? Собрать тысячу душ. Любой, кто погибает в зоне моего влияния, принадлежит мне. Мне потребовалось столетие.

Мне стало дурно. Чувствовала себя разбитой и опустошённой. Мне хотелось упасть на колени. Если это правдой, если хоть что-то из этого реально... У меня раскалывалась голова. Словно Грей опустил на нее топор, а не всего лишь рассказал про души. Так много вопросов.

Рука задрожала, и я указала на сосуд.

— Что это?

— Все, что осталось.

Я пыталась схватить бутылку. Но это было как удар о стену. Непостижимо. Когда я попробовала еще раз, стена сдвинулась. Вот она здесь, вздох и все исчезло. Появилась комната с музыкальными шкатулками. Все они заведены. Каждая шкатулка проигрывала свою мелодию, но все они расстроены. Бросившись на Грея, я схватила его за рубашку и встряхнул его.

— Ты позволил моему брату умереть!

— Нет, Уилла, — с холодным спокойствием ответил он. — Это ты убила своего брата. Я лишь забрал то, что мне принадлежит.

Тошнота подкатила к горлу, но я не собиралась показывать свою слабость. Это галлюцинация. Ложь. От Леви ничего не осталось. Он умер и исчез.

Я пошла прочь, ракушки и камни хрустели под моими ногами. Я побежала. Повернулась спиной к Грею, маяку и попросила остров помочь мне. Потому что я не хотела участвовать во всем этом. Надеюсь, все, что здесь произошло, станет для меня мифом.

— Я обещал быть честным с тобой, Уилла! Ты не можешь скрыть от меня правду. Твой брат стал одним из тысячи! Но он был счастливой случайностью. Я пытался этому помешать.

Кусая губы, я молчала. Сдерживала все — слова, которые просились наружу, тошноту,

подкатывающую все сильнее к горлу. Если бы могла проплыть мило в ледяной воде, сделала бы это и не садилась в проклятую лодку.

Я сидела на носу и смотрела на воду. На берег. Куда угодно, только не на Джексон-рок. Я никогда не вернусь на остров.

Грей

Когда ковш Большой Медведицы перевернут, дождь будет идти три дня.

В это верил мой давно уже умерший отец. Моя мать так не считала. Она уже давно гниет в земле. Все, что я знал, превратилось в пепел. Улицы, по которым я когда-либо ходил, теперь вымощены. Никого из тех, кого я знал, кто мог бы поприветствовать меня, не осталось.

Звезды поменяли расположение и ледяной дождь не прекращался с тех пор, как ушла Уилла. Он помогает мне представлять свое тело. Думаю, что спасаю себя от худшей из земных реальностей. Я чувствую холод, но не цепенею от него. Ощущаю тепло, но никогда не потею.

Я мертв. Призрак.

Она не думает обо мне. Я никогда не буду свободен.

Уилла

Каждый раз смотря на остров, я чувствовала себя дезориентированной. Погода вела себя странно, и очень трудно было себя контролировать. Хотя проблема заключалась не только в ней — в тумане.

Он беспорядочно перемещался туда-сюда. Сирена работала постоянно, иногда в течение десяти минут, а порой в течение четырех часов, словно стробоскоп в замедленном действии. Белый, потом прозрачный и наоборот. Легко обмануться.

Родители считали, что после суда я исчезла на три дня. Они заявили о моей пропаже в полицию. Когда я подходила к дому, подъехала патрульная машина.

Я находилась в гостиной и, опустив голову, терпеливо слушала лекцию Скотта Уошберна. Он говорил настолько серьезно, будто мне следовало забыть, что он мой кузен только потому, что носил значок.

— Безответственное поведение заставляет людей волноваться, — сказал Скотт. — В этом году и так достаточно неприятностей в «Сломанном Клыке», тебе не кажется?

Я огорчила родителей, и поэтому не поднимала голову.

— Знаю. Я сказала, что мне очень жаль.

Скотт пристально посмотрел на меня, на его лице промелькнуло сочувствующее выражение.

— Где ты была? У тебя какие-то неприятности?

— Недалеко.

Папа издал звук отвращения. Мать отреагировала также, к тому же она была раздражена.

— Недалеко, — повторил отец.

— Я не выходила в море.

— Ты только усложняешь себе жизнь, — сказал Скотт.

— Мне часто это говорят, — отрезала я. Бросив взгляд на родителей, развела руками. — Я провела эти дни в хижине дяди Тоби, ясно? Там тихо, а мне нужно было подумать.

Все заметно расслабились. Именно поэтому я решила им соврать — идеальный вариант ответа. Хижина дяди Тоби — охотничий домик в лесу, окруженный бесплодными землями и затаенный среди деревьев. Это место забросили в пятидесятые годы. Домик был общим, и почти каждый житель «Сломанного Клыка» провел там одну-две ночи. Внутри и снаружи все разрисовано граффити.

— Это опасное место.

Скотт обязан был так сказать, но ему никто не поверил.

Несмотря на то, что я извинилась, все прекрасно понимали, что я не сожалею. Я не хотела вот так исчезать, но время на острове шло иначе. Я забыла об этом в самый неподходящий момент. Интересно, а стала ли я на три дня старше? Мой организм продолжал стареть или все же на некоторое время этот процесс приостановился. Важный вопрос и Грею следовало на него ответить прежде, чем он сбежит с острова. Думаю, он был бы счастлив остаться там, если бы узнал, что превратится в пыль сразу же, как покинет маяк.

— Я свободна? — спросила я, потому что не хотела думать о Грее. Мне хотелось поскорее выбраться из дома.

Посмотрев на моих родителей, Скотт пожал плечами. Мама тут же начала говорить. По крайней мере к ее нотациям я привыкла.

— Ты ходишь только в школу и обратно. Если потребуется, я буду тебя провожать.

Я пожала плечами.

— Хорошо.

Мама и папа замолчали, поскольку они не ожидали такого ответа. Скотт был маминым родственником, и она проводила его до машины. Папа раскрыл шторы и наблюдал за мамой, которая остановилась на дорожке, разговаривая со Скоттом. Отец повернулся ко мне.

— Я решил, что тебе нужен годовой отпуск.

Несмотря на то, что отец обращался ко мне, мне показалось, это не совсем так. Настолько неожиданно, что я не знала, как себя вести. Посмотрев на него, заметила, что он постарел. Кроме седины и морщин, он казался ниже ростом. Сгорбившийся, с впалыми щеками и кругами под глазами. Его голос был мягким и хриплым. Отец стоял возле окна рядом с креслом-качалкой.

— Я не собирался вечно держать тебя подальше от лодки, — произнес он. — Думал, что к следующему лету ты придешь в себя.

Я наклонилась вперед, не понимая, о чем он.

— Папа, со мной все хорошо.

Отмахнувшись от этого заявления, как от черной мухи, он продолжил:

— Я так не считаю. Никто не в порядке. И нет ничего хорошего. Я должен был защищать вас. Тебя и Леви. Но Леви я не смог сберечь.

Мне стало больно, и я поспешила прервать его:

— Ты ни в чем не виноват. Мы все это знаем.

— Послушай, — сказал он. Отец сел в кресло, скрестив руки на груди, и заморгал. Он говорил со мной дольше, чем когда-либо. — Ты Диксон. Мы не такие, как родственники со стороны твоей матери. Ты продолжаешь считать себя виноватой, и это засело в твоей голове. Со мной тоже самое и по тем же причинам, Уилла.

Глаза щипало, а слезы катились по щекам.

— Что мы будем делать до тех пор, пока мне не вернут лицензию?

Вновь уйдя в себя, папа качнулся в кресле.

— Я займусь своими делами. А ты своими.

— Папа.

— Я рассчитываю на то, что ты закончишь школу. — Натянув кепку на глаза, отец сделал вид, что собирается вздремнуть. — А это значит, у тебя много работы.

Он притворился, что спит как раз вовремя, потому что моя мать вернулась в дом. Она захлопнула дверь и пронзила меня взглядом. Кажется, мама считала, что просто сидеть в доме это не строгое наказание, поэтому указала в сторону кухни.

— Помой посуду. Я слишком зла, чтобы на тебя сейчас смотреть.

Поднявшись с дивана, направилась на кухню. Обычно Леви либо споласкивал посуду, либо тыкал меня локтем, порой сжимал бутылку со средством так, что оттуда вырывались мыльные пузыри, окутывающие нас. Но даже несмотря на тот факт, что Леви больше нет, я чувствовала себя почти нормально. Есть некоторые нюансы, но в принципе все начинает налаживаться.

Музыка играла на моем компьютере, а блокноты Бейли покрывали мою кровать. Мне стало страшно от осознания того, сколько хлама она хранит в своем рюкзаке.

Она делала заметки для каждого урока, записывала каждое задание и всегда знала, как и что должно быть.

Отношение Бейли к школе было таким же, как и к контактному спорту. Кажется, она собиралась победить и здесь. Бейли идеальный кандидат для получения стипендии. И для меня, потому что так я могла выяснить, запомнила ли хоть что-нибудь с начала обучения.

— Я знаю, что ты этого не делала, — заявила Бейли. Она положила передо мной копию задания. — Это была групповая работа.

Выругавшись себе под нос, я вчиталась в задание.

— Ну, я и сейчас это не смогу выполнить.

— Просто попробуй.

Закатив глаза, я отложила листок в сторону.

— Угу.

— Ты наказана, — сказала Бейли. Она схватила задание и снова положила его передо мной. — Тебе все равно больше нечем заняться. Я твой босс, не забыла?

Да уж. Мама разрешила приходить Бейли, возложив на нее важную миссию — заниматься со мной. Если я хочу общаться с кем-то, а не просто пялится на стены своей спальни, мне следует позволить Бейли помогать мне с заданиями. Эту работу Бейли обожала настолько сильно, что я уже пожалела о своих прогулах.

Ходя кругами по комнате, Бейли наконец вытащила на свет грудку заданий.

— Эти самые легкие. Сделай для начала их. Так сказать, небольшой разогрев.

— Эссе, — произнесла я с несчастным видом.

— Именно. Я подготавливаю тебя к исследовательской работе, которую нужно сдать Экон.

Соскользнув на пол, застонала. Я справлюсь, потому что так надо. Но мне это не нравится. Даже самую малость. Пробежав глазами задания для эссе, я выполнила их, а затем протянула листок Бейли.

— Ну как?

— Сигнал тревоги, — бессмысленно ответила Бейли.

Снаружи были заметны красные и синие огни. Сколько бы Сет ни доказывал, что мигалка не издает звук, Бейли все равно называла ее сигналом тревоги.

Мы прошли мимо блокнотов, чтобы достигнуть окна. Уже второй раз за эту неделю ко мне приходил полицейский.

На этот раз, похоже, не ко мне. На крыльце стоял мой кузен Скотт, а мои родители вышли на улицу.

Бейли задернула шторы, и я как можно тише приоткрыла окно. Хотя звука сирены не было, двигатель патрульной машины работал. Разобрать что-либо было трудно, предложения казались искаженными.

Бейли наклонилась ко мне и прошептала:

— Кажется, он сказал, что начали рассматривать дело?

— Какое?

Мы не были уверены в его словах. Я прижалась к стеклу. Пыль попала в горло, и я едва сдержала кашель.

— Что? — рывкнула мама.

Это прозвучало ясно и чисто. Но то, что ответил кузен, мы не расслышали.

— Бесполезно. — Расстроенная, я закрыла окно. Указав на лестницу, я сказала: —

Просто пойду и спрошу.

— Тебе нужно закончить с заданиями, — ответила Бейли так, словно она не пыталась подслушать разговор вместе со мной.

Она так сказала лишь для того, чтобы доказать, что выполняет свою миссию. Бейли последовала за мной, но поскольку это было семейным делом, остановилась на верхней ступеньке лестницы. Я спустилась первой, Бейли вслед за мной. Мы ждали, пока родители вернутся в дом.

Когда они вошли внутрь, были словно лед и пламя. Мамино лицо побагровело, а отцовское побелело. Родители закрыли дверь, а Скотт все еще стоял снаружи. Увидев меня, папа удивленно покачал головой и отпустил мамину руку.

— Я заварю кофе.

Он прошел мимо меня, не сказав ни слова. Мое сердце остановилось. Потянувшись к матери, я спросила:

— Что случилось?

— Тебе нужно заниматься, — ответила она.

Я не сдвинулась с места.

— Мама.

— Скотт не уверен, — произнесла мама. В ее голосе звучало осуждение.

— Но он думает, что присяжные странно себя ведут.

Взглянув на лестницу, я увидела, что Бейли прижала руки к груди. Я успокоилась. Бейли понимала, что я чувствую — обиду, настороженность и страх. Я погладила маму по спине, а она повторила мой жест так, словно я снова была маленькой, и у меня болел живот.

— Что это значит?

— Как я уже сказала, Скотт не уверен, — огрызнулась мама, все еще злясь. — Он приехал сюда, чтобы предупредить нас, потому что «там» болтают. На работе я всю ночь это слушаю. И нет необходимости нестись сюда, включая мигалку.

— Все в порядке, да?

Из кухни появился отец.

Булькнул кофейник — обычный звук сейчас казался неуместным. Дом застонал, покачиваясь у нас под ногами. Вновь зазвучала сирена. Она раздавалась в темноте, словно где-то вдали.

— Плохие новости распространяются быстрее хороших, — сказал папа.

— Но я должна дать показания. — Поворачиваясь к ним, казалось, что я умоляю. Меня охватила паника, лишившая меня рассудка и здравого смысла. — Я была там! Разве это не имеет значения?

Мама положила руку мне на плечо.

— Уилла, прекрати это. Пока ничего не известно. Уверена у Бейли есть другие заботы, поэтому не трать ее время.

Подталкивая меня к лестнице, мама ждала, пока я уйду. Она серьезно считала, что я смогу продолжить занятия? Присяжные — это не судья. Они просто рассматривают бумаги в поисках улики. Мисс Парк объяснила, что они решают достаточно ли доказательств, чтобы посадить в тюрьму Терри Койне.

Я была там! Я все видела. Ощущала и точно знала, кто стрелял из пистолета. Это факт, так что же случилось с присяжными? Я опознала преступника. Когда я поднялась наверх, Бейли схватила меня за плечи.

— Все в порядке, — сказала она. — Все будет хорошо.

Но когда наши глаза встретились, я поняла, что это не так. Бейли единственная, кто всегда оптимистична, но сейчас в ее взгляде вместо уверенности читалось беспокойство. А я выглядела сумасшедшей. Хотя думаю, мы обе имеем на это право.

Грей

Вот он я, свирепствующий.

Я стою в комнате с душами, держа в руке сосуд. Свет внутри него не такой яркий, как тот, что позади меня. Когда я поднимаю сосуд вверх, он кажется почти пустым.

Четыре души за сто лет. Невыполнимая задача, так было всегда. Сизиф и его гора. Я и эти души. Я бы рассмеялся, но ничего смешного больше нет.

Я все время выбрасываюсь с маяка. Снова и снова погружаюсь в море. Разорванный на части и перевоплощенный, начинаю находить небольшое удовольствие в том, что причиняет слабую боль. Какая бы магия не собирала меня снова, она истощена и устала.

Я перестал завтракать и ужинать. Если бы я был человеком, у меня пересохло бы во рту, потому что в течении нескольких дней, а может, и неделю я не пью воду. Подарок самому себе — позволить ускользнуть времени. Намного лучше, чем музыкальные шкатулки, книги и вся та чепуха, о которой я мечтал.

Как осень сменяется зимой, так и я уступаю туману.

Как монах, побрился налысо. Как аскет, разделся до пояса. Ни обуви, ни перчаток, ни галстука.

Теперь понимаю, какой выбор был у меня, когда я занял место Сюзанны. Коллекция душ только отвлекала. Это было гораздо важнее, или, лучше сказать, намного проще.

Стать человеком или туманом. Заманить следующего претендента на остров или сдаться. Все это время остров знал, я должен был погибнуть.

Магия надо мной издевается. Смеется и отдается эхом среди деревьев.

Уилла приехала только для того, чтобы устроить представление. Повеселить древнего Бога или демона, обитающего в этом маяке.

Разум подсказывает мне, что она всего лишь пешка. Стихия живет сама по себе. Капризна и непостижима, у нее нет совести. Я ненавижу и проклиная ее. Стою здесь на краю мира, держа в руке душу брата Уиллы. Я понятия не имею, что будет, если разобью сосуд.

Что случилось, когда я забрал его душу? Этот вопрос только сейчас приходит мне в голову. Помешал ли я его пути в ад или рай? Существуют ли вообще эти места? Этот свет в сосуде мог быть чем угодно — дыханием, мыслью. Вот он весь смысл живого существа, а я храню его, как банку с вареньем в шкафу.

Перегнувшись через перила, я поднимаю сосуд вверх. Маяк стонет, луч света совершает еще один оборот. Когда свет освещает меня, я выпускаю из рук свою свободу. Цель моего существования. Четыре души за сто лет, а теперь у меня осталось три. Море ревет, а шестеренки скрипят.

Кружится и шепчет ветер. Стихии шумят, поглощая звук, разбивающегося о камни стекла. Я жадно наблюдаю. Но свет не поднимается вверх. Никакого мерцания, погружающегося в глубину. Видимо, если я освобождаю душу, не происходит ровным счетом ничего.

Я разочарованно призываю туман. Он сгущается вокруг света. Я тоже капризен, поэтому изгоняю его силой воли. Затем вновь выбрасываюсь с маяка. Ощущение тяжести

сменяется внезапной сотрясающей болью.

Когда я прихожу в себя, понимаю, что стою перед шкафом. Оставшиеся три сосуда вибрируют. Выглядит так, что они реагируют друг на друга. Когда я тянусь к одному из них, свет внутри тускнеет. Возможно, они чувствуют, что произойдет дальше.

Знают, что я монстр на этом острове.

Уилла

Туман был хаотичным, поэтому одиннадцатиклассники сопровождали маленьких детей в школу. Родители провожали их к подножию холма, а затем мы ждали, когда соберется весь класс, чтобы двинуться дальше.

Тепло от дороги рассеивало дымку, давая нам четкий обзор от городка до школы. Пока кто-то стоял на тротуаре, мы могли спокойно спускаться и подниматься.

Это как-то само собой организовалось. Сет сопровождал детсадовцев, Бейли вела шестиклассников. По пути в школу у них не возникло никаких проблем. Чего не скажешь обо мне. Я следила за четвероклассниками. И хотя доказательств не было, мне казалось, что их родители вместо завтрака дали им Red Bull и сахар.

Они уже были достаточно взрослыми, чтобы отказываться держаться за руки, но малы для того, чтобы исчезнуть за две секунды. Я потеряла близнецов Ламер, и у меня почти случился нервный срыв. Чувствуя, что у меня пересохло в горле, я четыре раза проверила дорожку сверху донизу. В тот момент, когда я уже решила звонить в полицию, они нашлись. Близнецы сидели на пне рядом с дорогой и строили волшебный домик из ракушек и палок. После этого случая, я заставила детей произносить буквы алфавита по очереди вслух. И если какая-то буква не доносилась до меня, я знала, что у меня появился дезертир.

Мимо пронеслась белокурая Денни с первоклассниками. Когда она оказалась впереди, обернулась. Выражение ее лица было мягким, а губы сжаты.

Она выглядела задумчивой. Или даже виноватой. Сочувствующий взгляд и от него по моему телу пробежал холодок.

Словно два разных человека. Эта не та девушка, которая плюнула мне под ноги и каталась с моим парнем. Я подняла руку, приветствуя ее. Туман клубился вокруг ее головы. Денни просто стояла, а потом вдруг неожиданно произнесла:

— Знаешь, мне нравился Леви.

Напрягшись, я попыталась кивнуть.

— Его было за что любить.

Но чтобы не остановило Денни, это же заставило ее двинуться дальше. Вместе с первоклассниками она пошла в сторону школы, а ее голос эхом отдавался в моей голове. Имя моего брата разнеслось в душе какой-то новой болью. Как если проткнуть волдырь иголкой слишком глубоко. Во рту появился кислый привкус.

Я повернулась к своим четвероклассникам и услышала, как вдалеке меня зовет Ник. На самом деле это была еще одна больная тема. Мы не разговаривали с того самого раза, когда вместе были на вечеринке, и я сомневалась, что хотела этого.

Его младшая сестра училась в четвертом классе, и в моей шеренге ее не было. Видимо они опаздывали.

Я обхватила головы близнецов руками, чтобы они никуда не сбежали и крикнула в ответ:

— Я никуда не пойду!

Из мглы показался Ник, как и всегда лохматый. За руку он держал сестру. Но вместо того, чтобы оставить ее со мной и пойти дальше, он указал на город.

— Твоя мама не может до тебя дозвониться. Она сказала немедленно вернуться домой.

Мое сердце жалось, я покачала головой.

— Не могу, мне нужно проводить детей.

— Она пахнет сыром, — сообщил Джейми Ламер из-под моей руки.

Ник обхватил его сзади за шею и кивком отослал прочь.

— Я сам. Seriously, Уилла, тебе лучше идти.

Застыв на месте, я засомневалась на секунду. Этого оказалось достаточно, чтобы передать Нику Эша Ламера. Поблагодарив, я развернулась и почти бегом направилась обратно. Вытащив телефон, потрясла его, словно это могло заставить появиться сигнал.

Неожиданно туман рассеялся. Не постепенно, а мгновенно. Обзор стал четким, я могла разглядеть церковную колокольню на другом конце города. Совершенно голые деревья протягивали свои ветви, такие острые черные полосы на фоне неба. Ни облачка, ничего. Свет делал все ярче, чище.

Свернув на Тэкстэр-стрит, я притормозила. Перед моим домом стояла незнакомая машина. Ее очертания не давали мне покоя. Так, словно я должна была знать, чья она. Как только я открыла входную дверь, все встало на свои места. Посреди моей гостиной стояла мисс Парк — прокурор.

Она выглядела неловко, будто хотела утешить мою мать, но не знала как.

Когда я зашла, она посмотрела на меня. Гладкое бесстрастное лицо ничего не выражало, и моя мама избавила ее от необходимости говорить.

— Они не посадят Терри Койне, — холодно сказала мама. Голос был виноватым, и она протянула ко мне руку. Но лицо ее было суровым. Глаза сверкали, переводя взгляд с меня на мисс Парк. — Его выпустили. А найденные в его машине пули не имеют значения.

Мисс Парк попыталась смягчить ситуацию.

— Мне очень жаль. Но это всего лишь неудача. Мы ищем другие доказательства.

— Невероятно, — сказала я онемевшими губами.

— Мы найдем больше улик, — уверила мисс Парк. Кажется, она и впрямь верила в свои слова. — К тому же у нас есть ты.

— Тогда позвольте мне выступить, — заявила я. — Я все видела, была там! Они должны меня выслушать.

— Они так и поступят, но одной тебя недостаточно, Уилла. Ни для обвинения, ни для заключения под стражу. И лучше, если мистера Койне посадят через пять лет, чем вынесут оправдательный приговор сейчас.

В горле пересохло, я повернулась к маме, затем снова к мисс Парк. В этом нет смысла. Пули нашли, да. Но ведь я все видела своими глазами. Я могу сидеть целыми днями в суде и тыкать в него пальцем до конца жизни. Я никогда не забуду его лицо в темноте и это должно иметь значение.

Мой голос дрогнул, когда я повторила:

— Я была там.

Мисс Парк начала говорить что-то успокаивающее и бессмысленное, что только сильнее разозлило мою мать, и она начала кричать. В моей голове появился туман и хаос, голоса путались.

Когда их разговор накалился, мисс Парк сообщила, что пришла из вежливости и для того, чтобы мама не узнала обо всем из новостей. Мама же объяснила ей, куда она может засунуть свою любезность.

А после она выгнала прокурора из дома. Я последовала за матерью на крыльцо, как раз

вовремя, чтобы поймать ее. У нее подкосились ноги. Сопротивляясь, она не хотела, чтобы я аккуратно ее усаживала.

Сев рядом, попыталась вытереть ее слезы. Успокоить, как советовала тетя Дайер. Но вся эта ситуация походила на корабль, уходящий под воду. И кажется, я погружалась вместе с ней. Сквозь горе пробивалась только одна мысль:

— А папа знает? — спросила я, раскачиваясь вместе с ней и впиваясь в нее пальцами.

Еще нет, но скоро узнает.

Бейли сидела на верхней ступеньке крыльца, а я на нижней. Ее колени обхватили мои плечи. Моя голова качалась, пока она заплетала мне косы. Я была ее марионеткой и желала, чтобы она просто оставалась позади меня.

После пережитого шока меня наполнило отчаяние. Не получалось встать, ноги просто не выдерживали мой вес. А если бы все же смогла, дошла бы до города. Смогла бы увидеть, как Терри Койне покупает жвачку и попивает «Рутбир».

Бейли заплела очередной узел. Было много очевидных тем обсуждений. Когда вернется домой отец (скоро). Как он отреагировал на эту новость (плохо). Может, маме следовало сказать ему об этом лично, а не по телефону (нет).

Но мы не затрагивали их. А в голове тем временем, казалось, находились мешки с песком, ожидающие потопа.

— Я слышала, Эмбер бегала за Ником. Она хотела, чтобы он пригласил ее на зимний бал.

— Удачи, — сказала я.

— Знаю. — Бейли наклонила мою голову в другую сторону. — Кейт купила себе платье, я рассказывала тебе об этом?

— Угу.

— Оно голубое, с серебряными кружевами сверху. Подходит к браслету, который ты сделала.

— Надеюсь, оно сшито лучше, чем я нанизываю бусинки.

Откинув мою голову назад, Бейли посмотрела мне в лицо.

— Не то чтобы. Оно рваное внизу. Пикассо в реальной жизни. Не уверена, все ли части присутствуют. Боюсь слишком много будет видно.

Я мрачно улыбнулась.

— Это точно.

— Верно.

Бейли отпустила мою голову, затем издала тихий, обеспокоенный звук.

— Пикап твоего отца.

Я представляла, что машина подъедет с визгом к дому, шины будут дымиться, а тормоза скрипеть, но пикап просто спокойно заехал. Дым шел из окна, отец даже не пытался прятать сигареты.

Стало горько внутри. Воспоминание о пепле во рту вновь ожило, и я почувствовала качку лодки. Боль в голове от удара о ветровое стекло. Сильный толчок Бейли вернул меня в настоящее. Папа заехал на подъездную дорожку, но не заглушил двигатель.

Он вышел из машины и направился прямо к дому. На лице не было ни одной эмоции, но пугала жуткая уверенность его шагов. Когда я была на полпути к крыльцу, он даже не посмотрел в мою сторону. Отец оставил дверь открытой, а я двинулась вслед за ним. И тут моя мама вскрикнула:

— Билл! — прокричала она, — Билл, немедленно прекрати!

В воздухе витала паника. Я зашла в дом и прижалась к стене. Папа опустил приклад дробовика на плечо. Картечь зазвенела, когда отец положил ее в карман.

Я хотела что-то сказать, но у меня перехватило дыхание. Это перебор. Застыв, я прижалась плечами к стене и в ужасе наблюдала за происходящим.

Опустив голову, папа двигался так, словно мама не рвала на нем рубашку. Будто он не слышал ее, не видел меня.

Бейли отпрыгнула с его пути, ее лицо побледнело. Сломав хрупкое напряжение, я заставила себя последовать за ним.

Наш двор не такой уж и большой. Унылые, колючие розовые лозы обвивали решетку ворот. Усыпанный опавшими листьями и длинными тенями двор напоминал кладбище. Мама уперлась каблуками в землю, разбрасывая листья. Дикая и безумная, она споткнулась, поднялась и бросилась к папе.

— Ты не можешь этого сделать, Билл, — всхлипнула мама.

Она боролась с ним, колотя кулаками по спине. Удары стихли, с таким же успехом она могла биться кулаком об стену. Когда отец повернулся, я испугалась, что он ударит ее. Но папа всего лишь убрал мамины руки и удерживал ее на расстоянии вытянутой руки.

Позади меня Бейли повторяла:

— О боже, боже, боже!

От молитвы здесь было мало толку. Борясь с сопротивляющимся телом, я перепрыгнула через ступеньки и побежала к подъездной дорожке. К машине я подошла как раз в тот момент, когда отец закрыл дверь.

Он высунулся в окно, чтобы оттолкнуть маму подальше. Даже сейчас он был мягок, но тверд. Как в замедленной съемке.

На секунду все поплыло перед глазами. Клянусь, что время остановилось. Вспышка. Отец встретился глазами с мамой и сказал:

— Прощай, дорогая.

Упав, мама начала всхлипывать. Папа дал задний ход и рванул с подъездной дорожки. Когда время вновь начало свой ход, я побежала за машиной, словно действительно могла догнать ее. В тот момент, когда осознала, что ничего не могу сделать, я обернулась. Мама не смогла остановить папу, и я тоже. Он взял дробовик и направлялся вверх по холму, чтобы найти Терри Койне. Случится несчастье, последние части семейной фотографии загорелись. Меня начало трясти. Времени оставалось все меньше.

Вдали вырисовывались четкие очертания маяка.

Я машинально повернулась в его сторону. Как если бы он являлся полярной звездой, моим последним шансом. Я сделала несколько неуверенных шагов и окликнула Бейли.

— Позаботься о маме, — крикнула я.

Я не стала ждать ответ и не позволила себе увидеть страх в глазах Бейли. На это не было ни времени, ни сомнений. Мне потребовалось сделать несколько шагов, чтобы набрать скорость. А после уже сгорала от нетерпения. Мои косы распустились и ветер обвивал волосы вокруг моей головы.

Когда мне нужно было сбежать, я выходила на крыльцо своего дома, когда мне нужно было домой, я выходила из маяка. Грудь горела, а горло саднило от каждого тяжелого вдоха, я надеялась, что магия сработает по-другому. Молила и желала, а когда оказалась на берегу, закричала:

— Я хочу вернуться, Грей!

Войдя в воду, тут же застучала зубами от холода. Я продолжала двигаться вперед, чувствуя во рту вкус соли и крови.

— Грей, пожалуйста!

Грязь стянула с меня ботинки, и я с трудом удержалась на ногах. Знаю, что снова позвала Грея. Мой голос прорвался сквозь ясное небо. Потом отмель оборвалась, и я нырнула под воду. Там было холодно и спокойно, пока я не начала плыть в сторону острова.

Грей

Я не в настроении принимать гостей, но Уилла все равно врывается в мою дверь.

Она промокла и обезумела, и так изыскана. Жестоко и чудесно, я вижу ее четко. Веснушки под одним глазом, сто оттенков ее рыжих волос. Прекрасная, хорошая девушка. Но она плод моего воображения.

Резко затормозив, она поднимает руки. Ее окружают разбитые музыкальные шкатулки. Я вышел из себя и разбил их все. Сосуды с душами, музыкальные шкатулки и окна. Даже компьютер, потому что новости, которые я читал, принесли лишь одно разочарование.

Раньше мне было бы неловко встречать даму в полуголом виде. Но бриджи позволяют ей видеть меня во всем моем естественном отвратительном состоянии. Я молоко в стакане, которое приняло человеческую форму. Голова не гладкая, а круглая, с коротко стриженными волосами.

Ее глаза расширяются, когда я приближаюсь. Я пугаю ее, я должен.

— Призови туман, — говорит она. Ее голос дрожит. Пальцы сжимаются, когда я подхожу ближе. Она действительно в ужасе. Замечательно! — Пожалуйста, Грей, пожалуйста. Если хочешь, я останусь...

Я прижимаю палец к ее губам.

— Нет, спасибо.

— Времени нет, пожалуйста. Прошу. Помогите мне, и я все исправлю.

Широко раскинув руки, пожимаю плечами. Я чувствую себя непостоянным, как ветер. Вода, море, небо. Проходя через комнату, мои ноги прорезали полосу сквозь разбитое стекло и искореженный металл. Я поворачиваюсь. Хотел бы извиниться, но слова закончились.

— Это невозможно. Видишь ли, я сдался.

Ее глаза не черные. Они коричневые, с янтарными отблесками, с зелеными крапинками — единственное, что меня отвлекает. А за ресницами я вижу горящий свет. Она о чем-то думает, а потом вдруг бросается на меня.

— Я хочу стать мистером Греем.

— Уилла, — смеюсь я, — это невозможно.

— Тогда, леди Грей, — кричит она. — Ты знаешь, что я имею в виду!

Она кладет руки на мои плечи и трясет. О, как я мечтал об этом до сегодняшнего дня. Правда в моих мечтах это было не так жестоко и яростно. Неужели ей так трудно подарить мне нежность? Мягко прикоснуться пальцами к моему затылку? И все же я чувствую связь. Маяк наверху оживает, я ощущаю, как что-то поворачивается внутри меня. Схватив Уиллу за локти, я сосредотачиваюсь на ней, пока мои спутанные мысли не отвлекли меня снова. В конце концов, это волшебная история, которая, возможно, закончится для меня счастливо. Но это не случится однажды. Это...

— Ты отдашь за меня свою жизнь?

Уилла качает головой, упрямая до последнего.

— Не за тебя. За свою семью. Не ради тебя.

Я ведь могу играть с ней, мучить ее так же, как она меня. Дать надежду и отобрать. Я очень хочу так сделать, она заслуживает этого. Но я мягко провожу рукой по ее лицу — я могу быть нежным.

Я всегда был честен, моя честь не пострадала. Она будет страдать позже. Мне незачем мстить. В конце концов я оказался прав. Она пришла ко мне, а теперь дарует мне свободу. Она застывает, но я все равно целую ее. Это единственный известный мне способ перебросить проклятье. Сначала мне кажется, что я просто украл ее поцелуй, но затем меня пронзает вспышка света. Черно-белый мир начинает кровоточить, бестелесное тело обретает плоть.

Упав на колени, я обхватываю себя руками, чтобы сдержать нарастающую агонию. Я избавился от тумана, который удерживал меня все эти годы. Сначала приходит просто боль. Музыкальные шкатулки вибрируют, звук вонзается в мою плоть. Я задыхаюсь. Дышать больно, свет режет глаза. Мое сердце бешено колотится, я чувствую освежающий пот.

Извиваясь, вздрагиваю и снова падаю. Открываю рот, как рыба, и пытаюсь дышать. Я ощущаю воздух впервые за сто лет.

А надо мной стоит Уилла, окутанная туманом. Я видел ее во всех цветах, но сейчас она серая. Волосы, губы, глаза. Она устрашающе красива, ее очертания расплываются, как туман. Сюзанна была нежным, хрупким существом. Уилла мстительный призрак, наделенный властью и могуществом.

Она переступает через мое тело. Когда она поднимает ногу, появляется лестница. Следы моего пребывания тают как снег. Музыкальные шкатулки, полки, несчастья, которые я навлек на себя, исчезают с каждым ее шагом. И когда она уходит, я осознаю, что в моей голове появляется тишина.

Холод на коже. Голод в желудке. Я не мог призвать туман, как и летать. Теперь в маяке живет леди Грей, новая хранительница Джексон-рок. Я ступал на берег тысячу раз, но сейчас у меня начинает болеть голова, как только я представляю границы острова.

С трудом поднимаясь на ноги, понимаю, что больше не обнажен. На мне джинсовые брюки, голубая хлопчатобумажная рубашка. Ботинки на шнуровке, куртка с капюшоном и молнией. Сгорбившись, я направляюсь к двери. Закрываю глаза и тихо молюсь, прежде чем открыть их.

— Пожалуйста, пусть все будет реальностью, — бормочу я.

И выхожу наружу. Вижу скалистый берег, который ведет к воде, а там меня ждет лодка. Она поворачивается носом к далекому берегу. В тумане имя начинает изменяться. Когда буквы вырисовывают новое имя, я знаю, что свободен. А на корме виднеется надпись «Чарли».

Уилла

Теперь все встало на свои места.

Когда меня заполонил холод, Грей стал похож на шар света и пропал. Маяк принадлежит мне. Его стены окружили меня, а лестница образовалась рядом с моими ногами. Тяжесть тумана давит со всех сторон. Мы едины друг с другом.

Каждая фраза, которую мне говорил Грей, крутится в моей голове — он был прав. Это место действительно кажется первобытным. Древнее, как и земля, время. Как море со всеми его дремлющими богинями и богами, чудовищами и чудесами, неизвестными и безымянными.

Направляясь к галерее фонарей, я вижу очертания будущих комнат. Библиотека, и теперь в ней много морских карт. Глобусы, телескопы, карты звездного неба, барометры, а посреди комнаты блестит красивый медный секстант. Лестница дребезжит под моими ногами, но я продолжаю идти.

Комната, в которой я была раньше, тоже есть. Здесь же и уборная, где располагается ванна на львиных ножках и открывается вид на гавань. Все так безумно чарующе, но я изучу это позже. Мне становится интересно, как будет выглядеть кухня? Будет ли микроволновка? Телевизор?

Маловажные мысли. У меня будет вечность, чтобы разобраться во всем. А сейчас мне нужно спасти то, что осталось от моей семьи.

Распахнув дверь галереи, я не могу отдышаться. Не ощущаю никакого страха, когда смотрю вниз на скалы. Мое тело видоизменилось. Я теперь не Уилла Диксон. Кровь течь больше не будет. Я не смогу покинуть это место. Я леди Грей и меня это устраивает.

Поднимаю руки, поскольку мне кажется, что так и должно быть. Внутри ощущается толчок и тяга — борьба за контроль. Я начинаю тянуть. Возникает тоска по тяжелому, белому туману, расстилающемуся над водой. Вот он — «Сломанный Клык», следом мой дом и церковная колокольня, а затем кладбищенские плиты, школа Ванденбрука и дом Джеки Уэллет на холме.

На противоположном берегу так много огней. Я начинаю осознавать. Вот они танцуют и колеблются. И отличить один кусочек света от другого я не могу. Все, что понимаю, некоторые из них наиболее яркие, другие же тусклые. Постепенно все они накрываются туманом, которым управляю я.

Я тяну, пока не чувствую, что мои края истончаются — это как песня. Словно у меня появился еще один пульс, тот, что соответствует стихиям и сердцу. Туман клубится рядом с моими запястьями, волосами, а одежда, кажется, соткана из него. Я направляю, а он порабощает. Толчок, тяга.

В тот день, когда я заблудилась во мгле, мне потребовалось всего несколько шагов, чтобы понять, мне нужно остановиться. Я осознала, что выбрала не ту дорогу, когда услышала шум воды. Именно такой туман я призываю сегодня. Толстый и ощутимый. Тот, который оставляет влагу на волосах и коже. Я буду удерживать его до рассвета, хотя не уверена насколько сильно различается наше с материком время. Здесь оно течет по-другому. Но я продолжаю.

Каждой клеточкой своего тела я ощущаю «Сломанный Клык». Как только луч света

падает на меня со спины, активизируется сигнал бедствия. Волны звука и света проходят сквозь меня.

Думаю, что «папина подружка» удивляется, почему такой ясный день превратился в туманный. Я надеюсь, что отец съехал на обочину, а моя жизнь была отдана не зря. Да, в море выходить сейчас тоже нельзя. Люди тщательно запирают окна и двери. Они знают, что этот неестественно густой туман направляется не в ту сторону. Он везде, плотный и я знаю, что это неправильно.

Но им не о чем беспокоиться.

Я не хочу забирать их души или заставлять страдать. Не желаю никому смерти, даже Терри Койне. Мой отец знал, каково жить у моря. Он дрался в барах и не только, выходил в шторм. И все эти годы он выживал. Несмотря на все трудности, папа жил и поддерживал нашу семью. И он сделает это сегодня, хочет того или нет.

Отец еще не понимает этого. Но неважно, есть некоторые ситуации, которые вы должны осознать. Принять. Это больше, чем понять или осмыслить. И теперь, когда я приняла, я даю своему отцу шанс сделать тоже самое.

Сегодня уже не двадцать третье июля.

Чарли

Я не был хорош в грамматике, поэтому мне показалось даже ироничным, когда лодка с моим именем на корме высадила меня на другом берегу, несмотря на туман. Мои руки лежали на коленях, но я чувствовал путь, который вел меня к пристани. Растирая замершие руки, я смог согреться. Куртка с капюшоном, в которой я очнулся, едва сдерживала октябрьский холод. Торопясь покинуть это место, я сделал несколько шагов и остановился. Несмотря на то, что я владел туманом столетие, сейчас он игнорировал мою волю. На расстоянии вытянутой руки дымка заслоняла мой обзор. Я чувствовал, что городок рядом, но не видел его.

Как бы мне ни хотелось сбежать, мне пришлось сесть. Бессмысленно, потому что так я могу сорваться со скалы. К тому же мне хватало и других ощущений, поэтому видимость могла подождать.

По эту сторону воды воздух приносил иной запах — гниющая приманка, сырое дерево, соленая вода. Были и другие, которые я не смог определить. Тяжелые, маслянистые, такого я не ощущал. Сделав глубокий вдох, закрыл глаза. Но нет, тех ощущений не было — сладкий привкус древесного дыма полностью пропал.

В последний раз, когда я ходил по земле, большинство домов были оснащены дровяными печами для тепла и приготовления пищи. На маяке у меня тоже находилась такая, хоть и воображаемая. Вся в копоти и жире, излучающая тепло и выпускающая дым наружу.

Я гадал, чем же заменили жители «Сломанного Клыка» эту печь. В 1913 году это был бедный городок. Неужели он расцвел за столетие? Уилла выглядела удивленной, когда рассматривала мои вещи. Ее мир станет для меня новым знанием, и скоро я его изучу.

Выжидая, я наслаждался своими ощущениями, теперь они стали реальными. Я чувствовал твердость дерева. Спина затекла, а голод съедал изнутри. Я отчетливо ощущал себя песчинкой. Но скоро я решу эти небольшие проблемы.

Когда туман рассеется, найду гостиницу и баню.

Доказательством того, что я жив, являлось наличие на моей голове волос. Из серебристо-белых они стали коричневыми. Значит ли это то, что глаза тоже голубые?

Проведя рукой по щеке, я вздохнул. Щетина. У моего отца борода никогда не была густой. И, кажется, магия не смогла исправить генетику.

Я порылся в кармане и нашел кожаный бумажник. Он был не больше моей ладони, но толстый. Открыв его, я вздрогнул. У меня действительно голубые глаза — документ, а на нем фотография того, кем был я раньше.

Я попытался достать его. Бумага была тонкой и податливой. Буквы с завитушками, напечатанные зеленым цветом и гравировкой, она утверждала, что меня зовут Чарли Уокер. Верно, я Чарльз Лесли Уокер. Назван в честь обоих дедушек — мои родители не заботились о них.

Я забыл дату своего рождения. Но здесь указан неверный год. 1995-й вместо 1896-го. Месяц и день... У меня перехватило дыхание. Головокружение выбило меня из колеи. Показалось, что в голове образовалась каша.

Как я мог забыть такую важную деталь? И почему сейчас это для меня удар?

Просматривая документ, я прислушивался к звукам океана, колоколов и далекого сигнала, исходящего от маяка. Потрясающе слышать этот звук за милю, а не в собственном доме. Я свободен! Холодный ветер и туман окутали меня со всех сторон.

Кажется, у меня есть сто семнадцать долларов. Огромная сумма — купюры гладкие, рисунки не знакомы. Мало зеленых оттенков, зато много букв. Они были крупнее, чем те, которые я помнил. Я поднес их к носу и втянул запах. В любом случае, это деньги.

Не знаю, как долго просидел на одном месте. Я пошевелил пальцами ног, одновременно следя за муравьями. Еще раз внимательно обследовав бумажник, встал. Кажется, туман наконец рассеялся и на городок наступала ночь.

Луч света от маяка пронесся над моей головой. Ощущение такое, словно это свидание с возлюбленной. Но нет, моя глава закончена. Мне все равно, что будет дальше, потому что мне не нужно больше собирать души.

Город медленно обретал очертания.

Фонари окружали меня, лампочки светились легким оранжевым цветом. От них исходил гул, и когда я прижался ухом, отчетливо слышал его. Электричество! На день рождения матери отец установил в нашем доме два электрических фонаря. Один на кухне, другой в гостиной. Те лампы были тусклыми по сравнению с этими.

Угловатые крыши и крутые трубы отбрасывали тени в дымке. Окна светились одинаково — наверное все оснащено электричеством. Поглощенный своими мыслями, я подошел к машине. Я так подумал, потому что у нее были колеса, фонари и плавный кузов. Я провел пальцами по капоту другой машины. Внезапно заработала сигнализация, и я поспешил уйти подальше, продолжая изучать все глазами. Так много автомобилей. Такое ощущение, что у каждого дома была хотя бы одна.

В конце квартала я наткнулся на ржавый пикап. Сзади была марка «Форд». Я знал это название несмотря на то, что прошло сто лет. Резко остановившись, я заметил в окне лицо похожее на мое.

Внутри человек сонно потирал шею и крепко спал. Когда он пошевелился, я заметил на сидении рядом дробовик. Оружие тоже не слишком изменилось за столетие. Черный ствол блестел, а приклад был лакированный.

Я попятился от машины, повернулся и поспешил по улице. Я живой и мне не хотелось злить того, кто путешествует с дробовиком. Я шел мимо домов и прислушивался к странным звукам, доносившимся из них.

Добравшись до окраины города, я нашел заведение с мерцающей вывеской — там было написано, что свободное место в гостинице есть.

Толкнув стеклянные двери, мне пришлось прикрыть глаза. В вестибюле горел невыносимо яркий свет. Движущиеся картинки проносились на экране возле стойки. Не похоже на мой компьютер, но что-то близкое есть. Приблизившись, я напугал человека на ресепшене.

— Мне нужна комната на ночь с раковиной, — заявил я.

Потянувшись к документам, я проигнорировал неверную дату моего рождения.

— Господи, парень, — ответил он, медленно поднимаясь на ноги. — Откуда ты, черт возьми, взялся?

Задумавшись, я протянул ему документы и сказал:

— О, будет лучше, если я скажу, что пришел из другого места и времени.

— Неважно, — пробормотал он и потянулся за ключом.

Уилла

Когда я наконец отпускаю туман, силы покидают меня. Странно, у меня подгибаются колени, и я падаю на пол, не чувствуя соприкосновения с ним. Эхо отдается болью, но я слишком устала, чтобы обращать на это внимание. Время течет здесь иначе. Надеюсь, я достаточно долго мучила «Сломанный Клык».

Думаю, сейчас ночь, но и в этом я не уверена. Поднимаясь, обнаруживаю лестницу, ожидающую меня. Хочется спать или просто отдохнуть. Мне еще предстоит узнать о том, что значит быть леди Грей. Даже если Грей считал, что рассказал достаточно, я думаю меня поджидает еще много открытий. Но я должна помнить, что за завтраком получу подарок. Что же я хочу видеть на своей тарелке?

Лестница дребезжит и ведет меня в мою спальню. Ничего не изменилось. Белая сеть, колдовские шары на окне, фотографии моей семьи на стене. «Дженн-а-Ло», которая раньше принадлежала мне. Поправляя фотографию нас с Леви, сидящих в лодке, загадываю желание. Завтрак может быть любым.

Блины и сосиски с картофелем по-домашнему. Но мне нужны доказательства того, что мой отец и семья в порядке, когда я проснусь. Хочу знать, что поступила правильно. Моя вечность взамен целостности семьи.

Я лежу на кровати, а ноги соприкасаются с полом. Я не чувствую биение сердца. Дышу, но думаю, это лишь из-за моего желания. Когда прекращаю, моя грудь не вздымается. Мне не жарко, нет страха. А горло не раздрает из-за нехватки воздуха.

Это реальность, и я действительно согласилась. Закрываю глаза. Мне не снятся сны.

Солнечный свет льется сквозь окно, когда я просыпаюсь.

Колдовские шары и картины пропали. Вообще все мелочи, которые указывали на то, что комната принадлежит мне. Я лежала на полу и дрожала от холода. Дерево было грубым и старым. Оно закрипело, когда я поднялась на ноги. Осколок попал мне в ладонь, и я выругалась. Несильная, но яркая боль. Довольно странно, учитывая обстоятельства. Ссадина. Я обхватила себя руками, направляясь к двери.

Я не понимала, что происходит: Грей никогда не упоминал о том, что маяк выглядит для него так. Обветшалый и разваливающийся. С плесенью на стенах и пауками в углах. Спина болела, а во рту стоял неприятный привкус.

Я и без зеркала знала, что мои волосы растрепаны, а одежда помята. Единственное, что меня привлекало в Грее — он всегда выглядел безупречно. Эту его черту можно сравнить с созданием украшений. Я могла бы быть такой же, но для меня это неестественно.

Лестница напугала меня. Проржавевшая рама отвалилась от стены. Старые болты скрипели в отверстиях, а штукатурка сыпалась на пол. Доски, из которых были сделаны ступеньки, выглядели съеденными термитами или временем.

Я не могла поверить в это. Предполагалось, что окружение создаю я — мои желания и мечты.

Смертельная ловушка? Маяк решил, что я хочу этого? Интересно, есть ли здесь какой-нибудь комитет, чтобы я могла пожаловаться на состояние своего жилища?

Я рассмеялась и смех отозвался таким эхом, словно сооружение было пустым. Я медленно спустилась вниз туда, где должна располагаться кухня или комната с

музыкальными шкатулками. Или любая другая, которая могла появиться там в эту минуту. Ничего не было, просто пустой маяк.

Старые приборные панели и трубы задевали деревянные колонны, их покрывала ржавчина. Постоянный холодный воздух проникал сквозь разбитые окна. Ветер шептал, кружась и разнося глухое и пустое эхо до самого верха. Лестница не колыхнулась, когда я запрокинула голову. Лестница поднималась по спирали. И даже когда я повернулась спиной и украдкой взглянула на нее, она не исчезла. Подходя к двери, я потянулась к ручке, но засомневалась.

Мне казалось несправедливым, что Грей получил все, что хотел, а я — разрушенный маяк, который выглядел на свой возраст. На самом деле, нечестно. Грей застрял здесь, потому что был влюбленным глупцом, а я из-за того, что пыталась спасти свою семью.

Не думаю, что суеверия и легенды можно считать справедливыми. Их смысл как раз в обратном — предостеречь нас. Спасти от капризов, причуд и случайных вероятностей.

Случайность. Они стараются защитить нас от того, что находится вне нашего контроля.

Женщина или свинья на борту к беде. Если перевернуть палубный люк, лодка может затонуть. Съесть чужую еду приведет к отпуску на полгода в подземном мире. Ядовитое яблоко означает вечный сон.

Повернув ручку, я распахнула дверь и увидела совершенно новый Джексон-рок. В лесу я поежилась от холода. Здесь пахло свежестью, елью и соснами. Я услышала пение птиц, когда шла по расчищенной тропинке. Когда пробежали белки и еноты, листья шуршали.

Я остановилась на утесе. Над моей головой и голыми деревьями простиралось голубое небо. Оно было очень чистым и ясным. На западной стороне острова внизу я заметила черничную поляну. Когда наступит лето, здесь будет рай.

Я подобрала несколько крошечных ракушек, которые усеивали тропинку. Порезав об них палец, убрала их в карман. На другой стороне острова солнце сияло, словно золото. Лучи заливали берег, отражаясь на всем его протяжении.

Крачки, которые, как мы всегда считали, живут на острове, были здесь, во всяком случае, гнезда. Буревестники вытянули тонкие, как веточки, лапки и скользнули по воде. Приземлившись, они сделали несколько шагов по мощеному пляжу и посмотрели в мою сторону. Они не выражали ни удивления, ни беспокойства. Раньше остров был темным мертвым, но сейчас Джексон-рок ожил.

Подойдя к воде, я подумала, не разорвет ли меня на куски, если войду в нее. Какие у меня границы? Какая часть мира принадлежит мне, а на какую я могу только смотреть?

Зайдя в воду, я обнаружила, что она ледяная и обжигает. Моя кожа болела. Холод распространялся и на мою голову — в ушах звенело. Но я продолжала идти, погружаясь все глубже до тех пор, пока мне не пришлось плыть. Звук сирены меня напугал.

Возвращаясь обратно к берегу, я отбросила волосы с лица, а катер береговой охраны подошел ближе. Включился громкоговоритель — звук, который охотники на омаров не желали слышать. Но женский голос был прекрасен.

— Не уходи. Мы идем за тобой.

Чарли

Мне нужно было подышать свежим воздухом, потому что я провел два дня в своей гостинце, не выходя из номера.

Я наслаждался электричеством и коробкой с движущимися картинками, упиваясь изменившимся миром. Сидел под струей горячей воды, которая, казалось, никуда не

исчезала. Звуки машин и людей за окном убаюкивали меня.

Я проспал сто лет. С меня этого было достаточно. Осознание того, что у меня никого не осталось, приносило щемящую боль, которую я никогда не чувствовал в тумане. На сто долларов долго не протянуть, хотя раньше было иначе. Первой моей мыслью стало сесть на пароход и направиться в Бостон. Там я мог поискать остатки прерванной жизни.

Собрать все свои вещи заняло одну минуту. Я вышел на улицу и улыбнулся солнцу и небу. Легкие получали настоящий воздух. Конечно, горечь наполняла меня. Но я снова жив, а жизнь иногда приносит страдания.

Повернув к берегу, я поспешил исполнить свое желание. В лучах утреннего солнца, мне казалось совершенно невероятным, что лицо Уиллы было первым, что я увидел.

Ни воспоминания или просто похожий на нее человек. Это не галлюцинация или желание. Она реальна. Уилла стоит на пристани с одеялом на плечах.

Какой-то офицер в форме положил руку ей на спину и вывел на тротуар. Во мне шевельнулось странное чувство, сбивающее меня с толку — смесь страха и тоски. Вдалеке, за ее спиной, маяк четко вырисовывался на фоне ясного неба.

На острове больше ничего не было. Если бы я просто заявил, что чувствую это, то соврал бы. Даже отсюда были видны изменения. Во-первых, я мог смотреть на Джексон-рок, не испытывая головной боли. Когда-то окутанный туманом, сейчас он был ярким и ясным. Над ним летали птицы. Вода омывала берег острова.

Грудь заболела, и я потерял ее, а затем повернулся, чтобы посмотреть на Уиллу. Я стал человеком благодаря ее жертве. Унизительно, что она отказывала мне до самого конца. Мне стыдно за мое безумие и отчаяние. За то, что сам не смог осознать, у каждого проклятья есть слабые места.

Поцелуй истинной любви или слезы невинного человека. Как мне казалось, ни то ни другое не подходило. Заложив руки за спину, я наблюдал, как из машины выпрыгнула женщина. С другой стороны подошел человек, который казался мне знакомым.

Седые волосы, но с рыжими вкраплениями. Я видел его спящим в пикапе и у него был дробовик. Уилла кинулась к нему в объятия и уткнулась лицом в его грудь. Руки мужчины дрогнули, но он тоже обнял Уиллу. Круг замкнула женщина.

Я пошел к ближайшей скамейке, чтобы сесть.

Это семья Уиллы.

Та, что осталась без сына, и та, что заставила Уиллу умолять меня сделать ее леди Грей. Сто лет я не чувствовал, как в горле встает ком. Как и слез, затрудняющих дыхание.

Ни поцелуй, ни слезы не могли разрушить проклятие. Для освобождения нужно чистое сердце, которого у меня никогда не было. Бескорыстное желание, которое я никогда не испытывал, даже наблюдая за воссоединением этой семьи. Я хотел, чтобы она подняла голову, чтобы я мог встретиться с ней взглядом. Уилла единственный человек в мире, который знал меня, но она никогда не оглядывается назад.

В мой выпускной день у меня все еще были предубеждения, но надежда не отступала. Ванденбрук всегда устраивал торжественные церемонии в школьном бальном зале. Это один из плюсов обучения в викторианском особняке, а не просто в кирпичном здании.

Нас было всего двадцать человек, сидящих в мантиях и академических шапочках. Разнообразные цвета падали на нас сквозь витражное стекло. Освещенные алыми и золотыми оттенками, мы слушали директора. Прощальная речь Бейли была прекрасна. Я не собиралась ничего говорить, поэтому эта обязанность легла на нее, как и эссе, которое предоставило ей выбор между тремя университетами, включая тот, который выбрала. Она поступила в университет Джорджии, а Кейт — в Южно-Калифорнийский в Лос-Анджелесе. Они решили попытаться встречаться на расстоянии.

Получив дипломы, мы с Сетом и Бейли фотографировались на память для всех наших родителей. Сет собирался уехать в Сиэтл. Не для того, чтобы создать музыкальную группу, он просто мечтал туда уехать. Я поцеловала его в щеку и отпустила.

Наконец, после торжественного вечера и слез моей мамы, мы с Бейли уехали. Ее печальный, сломанный пикап должен был проехать еще немного, в последний раз, прежде чем его сдадут на металлолом.

На площадке позади моего дома на прицепе стояла моя лодка. Всего лишь двадцатичетырехфутовое судно, и оно не предназначено для рыбалки. Какое-то время я не смогу помогать отцу, но я купила его по другой причине. Потребовалось полтора года для того, чтобы привести лодку в порядок. Теперь она продержится на воде.

Прицепив прицеп к пикапу Бейли, я в последний раз запрыгнула в салон автомобиля. Лицо Бейли слегка покраснело от того, как сильно она удерживала ручной тормоз.

— Ты ведь и не собиралась чинить тормоза?

Она послала мне воздушный поцелуй и отпустила тормоз.

— Ни для одной женщины, мэм.

Дорога до берега была недолгой, хотя подвезти прицеп к воде оказалось затруднительной задачей. В какой-то момент я уже решила, что мы утопим пикап Бейли, вместо того чтобы сдать его на металлолом. Но в последнюю секунду ей удалось остановить машину и заглушить двигатель.

— В Джорджии есть выход к воде, — сказала она, выпрыгивая из пикапа. Бейли подошла, чтобы помочь мне с цепями. — Не знаю, как далеко это от Афин, но я, наверное, куплю машину, когда приеду туда.

Ухмыльнувшись, я облокотилась на автомобиль.

— А тормоза у нее будут?

— Помнишь, когда я последний раз отправляла тебя куда подальше?

Рассмеявшись, мы одновременно двинулись, чтобы спустить лодку на воду. Я планировала пройти вдоль побережья. Посмотреть мир. Выйти за пределы «Сломанного Клыка» и Мэна. Хотела вернуться весной, чтобы помочь отцу подготовиться к рыболовному сезону и научить его временного помощника моей работе. А когда мне вернут лицензию, займу свое место рядом с отцом. Это мои воды и мой дом. Наследие имеет значение. Я хотела работать на «Дженн-а-Ло» до тех пор, пока отец не уйдет на пенсию. А после я стану капитаном судна.

И думаю, смогу реализовать эти планы, если буду знать, что жила другой жизнью и видела разные места. Но несмотря на это, выбрала ту, что со мной с самого рождения. Триста лет Диксоны ловили омаров в этих водах и еще столько же ждали. Я не хотела, чтобы мои инициалы остались последними на перилах в Ванденбруке.

— Я плачу не из-за тебя, — сообщила мне Бейли, вытирая лицо.

Я обняла Бейли и прижалась к ее лбу. Потом легонько ущипнула и отпустила ее.

— Это затем, чтобы у тебя была причина плакать.

В тот вечер мы устроили вечеринку на Джексон-рок. Там собрались все выпускники, да и, честно говоря, младшие классы тоже. Никто не смог вспомнить, почему раньше не замечали остров. Поскольку к Джексон-рок можно было подойти только с южной стороны, мы расположились в бухте. Там нашлось много поваленных деревьев, а вместо холодных и сырых пещер, где уединялись парочки, был заброшенный маяк.

Я находилась на вечеринке, пока не наступила полночь. Тогда вода стала гладкой и чистой, и я увидела мерцающий берег материка. Я собиралась уехать в пятницу, но море было так прекрасно сегодня. Я целая, живая и счастливая.

Прошли часы, когда я проходила мимо утеса Даггета, могла поклясться, что увидела фигуру, стоящую на берегу. Мне было тяжело разглядеть ее, поэтому я прищурилась.

Кто-то стоял там, прислонившись к машине, а другой человек сидел в салоне. Лицо наблюдателя казалось мне знакомым, но тем не менее чужим. Тени сошлись вместе и сформировали тонкий рот и пронизательные глаза. Я не могла быть уверена. Но по какой-то причине точно знала, кто это.

Лишь мгновение и я прошла мимо. У меня было много моментов, о которых стоило подумать и забыть о своем видении. Не тратить время на восстановление фрагментов своей памяти. Я капитан корабля и мне нужно думать о звездах, морях и верном пути.

Если бы у меня не было воображения...

Если та фигура действительно являлась тем призраком, которого я знала на маяке, то все в порядке. Мне не нужно останавливаться или приветствовать его. Я не уверена, что встречу его вновь.

Я изменилась, и он был необходим, но магия здесь ни при чем. Он стал для меня чем-то особенным.

Имя лодки было прекрасным. В нем присутствовали отголоски суеверий, а также покаяния. Лодка родом из глуши, откуда ее привез Мэл Эдрич. «Дженн-а-Ло» принадлежит моему отцу. Зои Помрой владела «Лазурус», которую она непонятно каким образом смогла восстановить.

Ночь сладкая, как сирень. Небо ясное, а вода чистая. Ветер был созвучен с двигателем, когда проносился между деревьями, проникая в мою каюту. Я сыта и в тепле и уже выбрала направление. Весь мир меня ждал, а я шла навстречу своей судьбе на «Леви Грей».